Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

А.П. Орлова
Н.Ю. Андрущенко

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Рекомендовано учебно-методическим объединением высших учебных заведений Республики Беларусь по педагогическому образованию в качестве пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям

Репозиторий ВГУ

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017

УДК 37.013.42(091)(075.8)
ББК 74.663я73
О-66

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 28.04.2017 г.

Авторы: заведующий кафедрой социально-педагогической работы ВГУ имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук, профессор **А.П. Орлова;** доцент кафедры социально-педагогической работы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук **Н.Ю. Андрущенко**

Р е ц е н з е н т ы :
кафедра социальной педагогики УО «БГПУ им. Максима Танка»,
доцент кафедры социальной работы и социального права
ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет»
филиал РГСУ в г. Минске, кандидат педагогических наук,
доцент *В.П. Аберган*

Орлова, А.П.

О-66 История социальной педагогики: учебно-методические материалы : пособие / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 286 с.

ISBN 978-985-517-601-6.

Представленные учебно-методические материалы являются дополнением к изданной ранее «Истории социальной педагогики». В них предложен учебно-методический инструментарий для организации работы на семинарских занятиях и самостоятельно контролируемой работы студентов.

Пособие состоит из трех разделов: программно-методические материалы курса «История социальной педагогики», учебно-творческие задания по темам курса, мини-антология.

Предназначается для студентов, магистрантов, аспирантов, а также всех, кто интересуется историей социальной педагогики.

УДК 37.013.42(091)(075.8)
ББК 74.663я73

ISBN 978-985-517-601-6

© Орлова А.П., Андрущенко Н.Ю., 2017
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

Репозиторий ВГУ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ …… 4

РАЗДЕЛ 1. ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КУРСА «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ» …… 5

1.1. Примерный тематический план курса «История социальной педагогики» ……..…… 5

1.2. Содержательная характеристика курса ……..... 8

1.3. Планы семинарских занятий ……..……..…….. 15

1.4. Тематика рефератов и рецензий ……..……...…… 29

1.5. Примерный перечень вопросов к экзамену ……..…….. 31

РАЗДЕЛ 2. УЧЕБНО-ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ» ……..... 33

2.1. Становление социальной педагогики в древневосточных государствах …….…….....…….. 33

2.2. Генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия) ……. 36

2.3. Развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года) ……..….. 41

2.4. Становление отечественной социальной педагогики в 1917–1936 гг. ……... 46

2.5. Характеристика развития социальной педагогики в Беларуси (конец 50-х – первая половина 90-х годов XX столетия) . 51

2.6. Проблемы и тенденции развития отечественной и зарубежной социальной педагогики в период со второй половины 90-х годов XX столетия по настоящее время ……. 56

РАЗДЕЛ 3. МИНИ-АНТОЛОГИЯ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ» …..……..……. 63

3.1. Выдержки из трудов ученых по проблемам социальной педагогики …… 63

3.2. Вопросы социальной педагогики в изданиях периодической печати …… 277

Репозиторий ВГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленные учебно-методические материалы являются дополнением к изданной ранее «Истории социальной педагогики». В них предложен учебно-методический инструментарий для организации работы на семинарских занятиях и самостоятельно контролируемой работы студентов. Это соответствует современным требованиям построения учебного процесса в рамках компетентностного подхода, предполагающего формирование у студентов умений и навыков самостоятельной работы, развитие творческого мышления, культуры познавательной деятельности с целью подготовки профессиональных специалистов.

Предлагаемое учебное издание состоит из трех разделов: «Программно-методические материалы курса “История социальной педагогики”», «Учебно-творческие задания по курсу “История социальной педагогики”», «Мини-антология по курсу “История социальной педагогики”».

Первый раздел содержит примерный тематический план изучаемого курса, его содержательную характеристику, тематику семинарских занятий, курсовых работ, рефератов и рецензий, а также примерный перечень вопросов к экзамену. В рамках семинарских занятий предложены вопросы для обсуждения, практические задания и литература. В список основной и дополнительной литературы вошли труды отечественных и зарубежных педагогов.

Второй раздел включает в себя материал для организации самостоятельной работы студентов и работы на семинарских занятиях. Здесь представлены таблицы, вопросы для самостоятельного изучения, контрольные задания (хронологические таблицы, тесты). Задания рассчитаны на разный уровень историко-педагогических знаний и умений (репродуктивный, продуктивный, творческий) студентов и направлены на овладение методами анализа, синтеза, сравнения, обобщения, систематизации данных; формирование умений использовать новейшие теоретические разработки и нормативно-правовые документы в области социальной педагогики, планировать, прогнозировать и осуществлять профессиональную деятельность с учетом отечественного и зарубежного опыта социально-педагогической деятельности, что будет способствовать получению высокой квалификации в области социальной педагогики.

Важным аспектом исторического социально-педагогического образования является работа с первоисточниками, позволяющая студенту получить более глубокую информацию по темам курса. Учитывая вышесказанное, мы включили в издание мини-антологию, в которой приводятся выдержки из трудов ученых и статьи педагогической периодики по проблемам социальной педагогики.

Данные учебно-методические материалы могут быть рекомендованы студентам, обучающимся по специальностям «Социальная педагогика», «Социальная работа (социально-педагогическая деятельность)», а также преподавателям, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется историей социальной педагогики.

Репозиторий ВГУ

РАЗДЕЛ 1
ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КУРСА «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ»

1.1. Примерный тематический план курса «История социальной педагогики»

№ п/п	Тема	Содержание	Количество часов лек./сем.
1.	Становление социальной педагогики в древневосточных государствах	1. Эволюция социально-педагогической мысли в Месопотамии. 2. Становление социального воспитания в Древнем Египте. 3. Генезис социально-педагогической мысли в Индии. 4. Развитие социально-педагогических идей в Древнем Китае.	6/4
2.	Генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия)	1. Социально-педагогические идеи античных философов. 2. Особенности развития социально-педагогической деятельности в период средневековья. 3. Социально-педагогические взгляды представителей европейского Возрождения. 4. Тенденции развития социально-педагогической мысли и практики в период Нового времени и в эпоху Просвещения. 5. Сущность социально-педагогических теорий и кон-	6/6

Репозиторий ВГУ

		цепций ученых в конце XIX – начале XX в.	

3.	Развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года)	1. Роль князей, церкви и белорусских просветителей в развитии социально-педагогической деятельности в XI–XIII веках. 2. Характеристика социально-педагогических идей белорусских просветителей (XIV – середина XVII в.). 3. Специфика развития социально-педагогической мысли в Беларуси (вторая половина XVII – конец XVIII в.). 4. Социально-педагогические идеи в период с конца XVIII века до 1917 года.	6/6
4.	Становление отечественной социальной педагогики в 1917–1936 годы	1. Предпосылки становления отечественной социальной педагогики (1917–1936 гг.). 2. Основные направления развития социальной педагогики в Беларуси (1917–1936 гг.).	8/6
5.	Характеристика развития социальной педагогики в Беларуси (конец 50-х – первая половина 90-х годов XX столетия)	1. Развитие социально-педагогической деятельности в конце 50-х – 60-е гг. XX ст. 2. Социальная педагогика в 1970–1980-е гг. 3. Специфика развития социальной педагогики в конце 80-х – начале 90-х гг. XX ст. 4. Законодательное закрепление профессии «педагог социальный» в 1996 году.	6/6
6.	Проблемы и тенденции развития отечественной и зарубежной социальной педагогики в	1. Трактовка сущности и содержания социальной педагогики немецкими учеными А. Дистервегом и П. Наторпом. 2. Подходы белорусских, рос-	14/6

Репозиторий БГУ

	период со второй половины 90-х годов XX столетия по настоящее время	сийских, украинских ученых к определению: а) понятия «социальная педагогика»; б) объекта и предмета социальной педагогики. 3. Объекты, задачи, функции профессиональной деятельности социальных педагогов. 4. Основные направления практической социально-педагогической деятельности в Беларуси и за рубежом. 5. Уровни профессионального образования социальных педагогов в Республике Беларусь. 6. Проблемы функционирования системы профессиональной подготовки социальных педагогов в Беларуси. 7. Тенденции развития профессионального образования специалистов социальной и образовательной сфер в зарубежных странах.	
	Итого:		46/34

В результате изучения дисциплины студенты должны:

знать:

– становление социальной педагогики в древневосточных государствах;

– генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия);

– развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года);

– пути становления и развития отечественной социальной педагогики в период с 1917 года по настоящее время;

– сущность различных авторских подходов к определению сущности социальной педагогики как самостоятельной отрасли научного знания;

– особенности организации практической социально-педагогической

Репозиторий ВГУ

деятельности в Республике Беларусь, России и зарубежных странах;
– тенденции развития отечественной и зарубежной системы профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер;
– центры хранения историко-педагогических источников и основные архивные материалы по истории социальной педагогики Беларуси;
– нормативно-правовые документы в области социальной педагогики;
– историко-педагогические факты, события, имена выдающихся педагогов;

уметь использовать:
– первоисточники по истории социальной педагогики;
– методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, систематизации данных;
– новейшие теоретические разработки в области истории социальной педагогики;
– нормативно-правовые документы, касающиеся социальной педагогики;

а также **уметь:**
– работать с архивными материалами;
– планировать, прогнозировать и осуществлять профессиональную деятельность с учетом отечественного и зарубежного опыта социально-педагогической деятельности.

1.2. Содержательная характеристика курса

Становление социальной педагогики в древневосточных государствах

Зарождение древневосточных цивилизаций (Месопотамия, Египет, Индия, Китай). Развитие воспитания как особой сферы общественной деятельности. Период формирования социально-педагогической мысли.

Месопотамия. Традиции патриархально-семейного воспитания. Законы вавилонского царя Хаммурапи. Школы писцов, храмовые школы, государственные и частные школы.

Древний Египет. Идеал человека в древнеегипетской цивилизации. Образование как способ воспроизводства политической системы страны. Опыт подготовки чиновников. Общественно-семейное воспитание. Специфика педагогики Древнего Египта: деление учеников на группы в соответствии с возрастом и уровнем знаний; формирование профессиональных качеств, поведения, умений слушать и слушаться; игнорирование особенностей детского возраста.

Репозиторий ВГУ

Индия. История развития Индии: дравидско-арийский и буддийский периоды. Религиозная идеология брахманизма – индуизм как фактор развития сословно-классового характера воспитания. Содержание и направленность воспитания в зависимости от принадлежности ребенка к той или иной касте. Индийские произведения «Веды», «Упанишады» как источник социально-педагогических идей. Буддийские школы, существовавшие при монастырях, – центры духовного развития.

Древний Китай. Развитие философского направления – конфуцианства. Идеал, цель и содержание воспитания в понимании Конфуция.

Генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия)

Периодизация развития социально-педагогических идей. *Период первобытнообщинного строя.* Выделение человека из животного мира, продолжение человеческого рода, передача накопленного социально значимого опыта последующим поколениям.

Период античности. Появление письменности, развитие городов-полисов, формирование систем воспитания. Социально-педагогические идеи античных философов: Аристотель, Демокрит, Квинтилиан, Платон, Сократ.

Период средневековья (конец V – первая половина XVII века). Развитие социально-педагогической мысли под влиянием традиций христианства и античности. Господствование идеологии католической церкви. Актуализация социально-педагогических идей античных философов. Социально-педагогические идеи Винсента из Бове, Витторино да Фельтре, Гуго Сен-Викторского. Развитие гуманистических традиций в воспитании. Представители Возрождения: Т. Кампанелла, М. Монтень, Т. Мор, Ф. Рабле, Э. Роттердамский.

Период Нового времени (XVII – начало XX ст.). Востребованность классического наследия античных философов и педагогов-гуманистов, становление качественно новых общественных отношений, изменение содержательной составляющей воспитания и образования, переход в воспитании от богословско-религиозных взглядов к светским. Социально-педагогическая деятельность Я.А. Коменского.

Эпоха Просвещения. Смена общественного строя, реформирование системы воспитания, провозглашение всеобщего права на обучение, формирование человека, полезного обществу, с учетом его интересов и потребностей, приближение школы к социальным условиям. Социально-педагогические воззрения К.А. Гельвеция, Д. Дидро, Д. Локка, Р. Оуэна, И.Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо.

В конце XIX – начале XX в. – интенсивный рост экономики, урбанизация населения, расширение заказа на общественное воспитание (воспитание молодежи, адаптация и перевоспитание десоциализиро-

Репозиторий ВГУ

ванных детей и подростков), зарождение теории социального воспитания. Социально-педагогические идеи Г. Кершенштейнера, В. Лая, М. Монтессори, Я. Корчака. Основоположники социальной педагогики как науки А. Дистервег, П. Наторп.

Репозиторий ВГУ

Развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года)

Периодизация становления и развития социально-педагогической мысли и практики. *Период первобытнообщинного строя.* Социальные преобразования (выделение человека из животного мира, систематическое занятие трудом, изготовление и использование орудий труда) как детерминанта развития социально-педагогической практики. Возникновение первых форм социально-педагогической деятельности.

Период Киевской Руси, Полоцкого и Турово-Пинского княжеств (вторая половина IX – первая половина XIII в.). Появление письменности, развитие городов, ремесла, торговых и культурных связей со странами Европы, Азии, Византией, распространение христианства, строительство монастырей, церквей, школ. Просветительская деятельность Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского.

Социально-педагогическая деятельность. Развитие княжеской благотворительности и церковного призрения.

Период Великого княжества Литовского (середина XIII – вторая половина XVI в.). Монополизация образования католической церковью, жесткое подавление национально-религиозных выступлений, критика античных гуманистических традиций воспитания, рост городов, расширение международных отношений, развитие науки и техники, становление светской культуры, изменение мировоззрения в отношении понимания сущности человека. Социально-педагогические идеи Н. Гусовского, Ф. Скорины.

Интенсивное развитие практической социально-педагогической деятельности. Благотворительная деятельность православных братств. Активное развитие частной благотворительности. Становление общественного призрения и государственной системы заботы о детях. Статуты ВКЛ 1529 и 1588 гг.

Период Речи Посполитой (1569–1795 гг.). Борьба против католической церкви, потребность общества в образованных людях, идеи Реформации, тесные культурные связи с Западной Европой. Социально-педагогические воззрения известных сторонников реформаторских взглядов в области образования – С. Будного, Я.Л. Намысловского, С.Ф. Рысинского. Социально-педагогические идеи Устава одного из старейших учебных заведений Беларуси – Слуцкой школы. Развитие социально-педагогических идей в условиях Реформации и Контрреформации. Зарождение тенденций, направленных на защиту национально-культурной самобытности белорусского народа, языка, письменности и традиций, пропаганда идеалов античной педагогики. Социально-педагогические взгляды И.Ф. Копиевского, К. Лыщинского, К. Нарбута, Симеона Полоцкого.

Репозиторий ВГУ

Период вхождения Беларуси в состав Российской империи (конец XVIII века – 1917 г.). Объединение с Россией, разложение феодально-крепостнической системы, расширение экономических и культурных связей, усиление влияния социально-педагогических идей прогрессивных русских педагогов, рост освободительного общественно-политического движения, притеснение национальной культуры (русификация, ополячивание). Прогрессивные социально-педагогические идеи К. Нарбута, Ф. Бохвица, Ф. Карпинского.

Развитие практической социально-педагогической деятельности. Благотворительность и меценатство. Открытие княгиней Огинской в 1791 году в Вильно первого воспитательного дома «Иисуса Младенца» на территории проживания этнических белорусов. Дальнейшее развитие государственной и общественной форм призрения. Возникновение в начале XIX века одного из самых крупных благотворительных обществ – Императорского человеколюбивого общества.

Социально-педагогическая мысль во второй половине XIX в. Новые социально-экономические и культурные условия жизнедеятельности общества (разложение феодально-крепостнической системы, зарождение капиталистических отношений, расширение экономических и культурных связей, становление белорусской нации и усиление национального самосознания, притеснение национальной культуры и рост освободительного общественно-политического движения). Влияние прогрессивных идей русских педагогов, в частности В.Г. Белинского, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, на развитие белорусской общественно-педагогической мысли.

Социально-педагогические воззрения Ф. Кудринского, С.К. Павловича, Тетки (Алоизы Пашкевич), Я. Коласа, Ф.К. Богушевича, М.А. Богдановича.

Обсуждение проблем социализации в педагогической периодике.

Становление отечественной социальной педагогики в 1917–1936 годы

Факторы становления отечественной социальной педагогики (1917–1936 гг.). Коренное переустройство общества и государства после Октябрьской революции 1917 года. Реформирование образования на принципах демократизации и социальной обусловленности воспитания. Краеведческая работа (разработка школьных программ на основе местного материала, создание краеведческих кружков, пропаганда педагогическими изданиями практического опыта краеведческой работы, обсуждение проблем краеведения на съездах и конференциях работников просвещения, в педагогической печати, подготовка педагогических работников к планированию и осуществлению своей деятельности на основе краеведения). Белорусизация (акцентирование

Репозиторий ВГУ

внимания на необходимости организации процесса воспитания с учетом внешних факторов – природа, быт, социальное окружение, организация кружков по белорусоведению, подготовка учителей к планированию и осуществлению профессиональной деятельности с учетом знаний «фона» воспитания). Исследования быта ребенка (ориентация на изучение материальной и духовной культуры ребенка, места, занимаемого им в семье, обществе; исследование быта взрослых как одного из важных факторов социализации ребенка; пропаганда педагогическими изданиями практического опыта работы по использованию знаний о быте детей в учебно-воспитательной деятельности; подготовка работников просвещения к планированию работы с учетом знаний о социальной среде, окружающей ребенка).

Основные направления развития социальной педагогики в Беларуси (1917–1936 гг.). Теоретическое осмысление проблем социально-педагогического характера (признание социальной обусловленности развития и воспитания ребенка; изучение белорусскими педагогами-практиками вопросов социально-педагогической направленности – социальное воспитание, работа с «трудными» подростками; изучение и внедрение в отечественную практику социально-педагогических идей П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, В.Н. Шульгина и др.). Практическая социально-педагогическая деятельность (функционирование учреждений социально-педагогической направленности; оказание педагогической, психологической помощи, правовая защита детей рядом специальных работников; деятельность пионерской и комсомольской организаций в области социального воспитания; организация курсов по повышению уровня педагогической культуры для учителей и родителей). Социально-педагогический компонент профессиональной подготовки работников образования (педагогические вузы и техникумы, курсы и кружки повышения квалификации, краткосрочные учебные заведения педагогического образования, программы по самообразованию; учебный курс «Социальная педагогика», предметы социально-педагогической направленности («Педагогика социально-трудового воспитания», «Борьба с детской беспризорностью, правонарушителями и типы учреждений для них», «Современность и дети» и др.).

Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936 г.).

Характеристика развития социальной педагогики в Беларуси (конец 50-х – первая половина 90-х годов XX столетия)

Пересмотр роли школы в процессе подготовки подрастающего поколения к жизни. Возобновление интереса к проблемам социализации, социального воспитания. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и преду-

Репозиторий ВГУ

преждения детской безнадзорности» 1957 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» 1958 г.

Создание при школах, домоуправлениях, на предприятиях консультационных пунктов для родителей по вопросам воспитания детей в семье. Организация советов общественности по работе с детьми и подростками при домовых комитетах в государственном жилищном фонде БССР. Введение в штаты школ и школ-интернатов в 1967 году организатора внеклассной и внешкольной работы, а в 1968 году педагога-организатора в домоуправлениях. Создание детских комнат на общественных началах при домоуправлениях и жилищно-эксплуатационных конторах.

Усиление гуманистических традиций в педагогике, возобновление интереса к проблемам человека, расширение мировоззрения в понимании важности процесса социального воспитания в открытой системе человек–социум как основа активизации внимания к вопросам социальной педагогики в 1970–1980-е годы.

Развитие сети социально-педагогических комплексов.

Проблемы развития социальной педагогики: отсутствие у педагогов необходимых знаний, умений, навыков в области социального воспитания детей; фрагментарный опыт социально-педагогической деятельности.

Введение в 1986 году в штат школ и школ-интернатов должности «Организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы с детьми».

Принятие Коллегией Гособразования СССР ряда решений: «Об организации социальной службы помощи детям и молодежи», «О введении института социальных педагогов» – о подготовке социальных работников.

Законодательное закрепление в 1996 году института социальных педагогов.

Проблемы и тенденции развития отечественной и зарубежной социальной педагогики в период со второй половины 90-х годов XX столетия по настоящее время

Развитие социальной педагогики в триединстве (наука, практика, система профессиональной подготовки специалистов).

Трактовка термина «социальная педагогика» немецкими учеными П. Наторпом и А. Дистервегом.

Формирование направлений, в рамках которых белорусские, российские, украинские ученые определяют социальную педагогику.

Различные точки зрения исследователей в определении объекта и предмета социальной педагогики.

Репозиторий ВГУ

Дискуссии ученых в отношении принадлежности социальной педагогики к определенной области знания.

Становление понятийно-категориального аппарата.

Проблемы, сопровождавшие появление новой профессии «педагог социальный» в 1996 году.

Создание первого Образовательного стандарта (1998 г.).

Объекты, задачи, сфера профессиональной деятельности социального педагога.

Деятельность Белорусской ассоциации социальных педагогов и социальных работников. Издание научно-методического и информационного журнала «Сацыяльна-педагагічная работа». Проведение первого Республиканского конкурса профессионального мастерства социальных педагогов «Лучший социальный педагог года».

Принятие ряда нормативно-правовых документов: Закон Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2003 г.), Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении примерного устава специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации» (2003 г.), в соответствии с которым было разработано Положение о социально-педагогическом учреждении.

Принятие нового Образовательного стандарта по подготовке социальных педагогов.

Цели, функции, принципы профессиональной социально-педагогической деятельности в Германии, Франции, Израиле, Швеции, Норвегии, Великобритании, США.

Формирование в Беларуси системы многоуровневой подготовки социальных педагогов.

Проблемы развития национального высшего профессионального образования специалистов по социальной педагогике. Чрезмерная академизация обучения, невысокий уровень развития института супервизорства, профотбор абитуриентов, специализации.

Тенденции развития профессионального образования специалистов социальной и образовательной сфер в развитых странах. Особенности отлаженной четко структурированной системы, позволяющей удовлетворять запросы общества в квалифицированных кадрах по социальной педагогике/социальной работе; многоуровневая система обучения, обеспечивающая преемственность между всеми ее звеньями; профессиональный отбор абитуриентов, во многом исключающий обучение «случайных» студентов; большая практическая направленность образования, позволяющая избежать чрезмерной его академизации; жесткие требования к педагогам-наставникам и организаторам учебных практик.

Репозиторий ВГУ

1.3. Планы семинарских занятий

Семинарское занятие 1

Становление социальной педагогики в древневосточных государствах

Цель: проанализировать развитие социально-педагогических идей в странах древнего Востока.

Вопросы для обсуждения

1. Эволюция социально-педагогической мысли в Месопотамии.
2. Становление социального воспитания в Древнем Египте.
3. Генезис социально-педагогической мысли в Индии.
4. Развитие социально-педагогических идей в Древнем Китае.

Практические и творческие задания

1. Составьте библиографию статей из социально-педагогической периодики по проблеме социального воспитания.
2. Разработайте тестовые задания по изучаемой теме.
3. Организуйте и проведите ролевую игру «Защита социально-педагогической концепции».

Цель игры: рассмотреть основные идеи социального воспитания ученого, развить у студентов умения представить материал и аргументировать свою точку зрения.

Участники игры: председатель ученого совета, члены ученого совета, диссертант, оппоненты, присутствующие на защите.

Диссертант готовит выступление, в котором должны быть отражены актуальность темы, ее новизна и практическая значимость; основные положения, выносимые на защиту. После выступления диссертанту задают вопросы. Выступают оппоненты. Принимается решение о целесообразности внедрения социально-педагогических идей в практику современной социальной педагогики.

Литература

Основная

1. Басов, Н.Ф. История социальной педагогики / Н.Ф. Басов. – М., 2005.
2. Конфуций: жизнь, учение, мысли / Конфуций; сост. В.В. Юрчук. – 5-е изд. – Минск, Современное слово, 2006. – 384 с.

Репозиторий ВГУ

3. Ромм, Т.А. История социальной педагогики: учеб. пособие / Т.А. Ромм. – Ростов н/Д: Феникс, 2011.

Дополнительная

1. История социальной педагогики: хрестоматия-учебник / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001.
2. Орлова, А.П. История педагогики / А.П. Орлова, Н.К. Зинькова, В.В. Тетерина. – Минск, 2008.

Семинарское занятие 2

Генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия)

Цель: рассмотреть особенности развития социально-педагогической мысли в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX ст.).

Вопросы для обсуждения

1. Социально-педагогические идеи античных философов.
2. Особенности развития социально-педагогической деятельности в период средневековья.
3. Социально-педагогические взгляды представителей европейского Возрождения.
4. Тенденции развития социально-педагогической мысли и практики в период Нового времени и в эпоху Просвещения.
5. Сущность социально-педагогических теорий и концепций ученых в конце XIX – начале XX в.

Практические и творческие задания

1. Охарактеризуйте основные этапы развития социально-педагогических идей в Западной Европе.
2. Какие, на ваш взгляд, актуальные проблемы социальной педагогики поднимали в своих работах античные философы?
3. На основе анализа покажите общее и специфическое в развитии социально-педагогической мысли в периоды античности и средневековья.
4. Проанализируйте социально-педагогические взгляды представителей европейского Возрождения.
5. Кто из видных мыслителей французского Просвещения разрабатывал проблемы социальной педагогики?

Репозиторий ВГУ

6. Какую роль в развитии социальной педагогики сыграл чешский педагог Я.А. Коменский.

7. Обобщите опыт социально-педагогической деятельности И.Г. Песталоцци и Р. Оуэна, обозначьте положительные и отрицательные стороны.

8. Кто стоял у истоков развития социальной педагогики в Германии в середине XIX – начале XX в.?

9. Составьте и разыграйте воображаемый диалог «Д. Дидро и К.А. Гельвеций о социальном воспитании».

10. Дайте оценку социально-педагогическим взглядам Платона и Аристотеля.

11. Проведите сравнительно-сопоставительный анализ ведущих социально-педагогических идей, высказанных представителями реформаторской педагогики Д. Дьюи, В. Лаем, Г. Кершенштейнером, М. Монтессори.

12. Напишите тезисы «А. Нилл о воспитании трудных детей».

Литература

Основная

1. Андреева, И.Н. Антология по истории и теории социальной педагогики / И.Н. Андреева. – М., 2000.

2. Антология педагогической мысли христианского средневековья. – М., 1994.

3. История социальной педагогики: хрестоматия-учебник / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001.

4. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

5. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по пед. специальностям / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2010.

Первоисточники

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4.

2. Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М., 1987.

3. Корчак, Я. Как любить ребенка: пер. с польск. / авт. примеч. Е.С. Рубенчик. – М.: Политиздат, 1990.

4. Лай, В.А. Экспериментальная педагогика / В.А. Лай. – Типография Т-ва И.Д. Сытина. – М., 1912.

Репозиторий ВГУ

5. Монтень, М. Опыты. Избранные главы: пер. с фр. / сост., вступ. ст., примеч. В.П. Яковлева. – Изд-во «Феникс», 1998.

6. Платон. Сочинения: в 3 т. / пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – М: «Мысль», 1971. – Т. 3. Ч. 1.

7. Платон. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса / пер. с древнегреч. – М: «Мысль», 1972. – Т. 3. Ч. 2.

Дополнительная

1. Андрущенко, Н.Ю. Некоторые аспекты развития теории и практики социальной педагогики в Западной Европе / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2005. – № 1. – С. 61–63.

2. Басов, Н.Ф. История социальной педагогики / Н.Ф. Басов. – М., 2005.

3. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики / А.Н. Джуринский. – М., 1999.

4. Капранова, В.А. История педагогики / В.А. Капранова. – Минск, 2005.

5. Корнетов, Г.Б. Педагогика: теория и история / Г.Б. Корнетов. – М., 2003.

6. Орлова, А.П. История педагогики / А.П. Орлова, Н.К. Зинькова, В.В. Тетерина. – Минск, 2008.

7. Ромм, Т.А. История социальной педагогики: учеб. пособие / Т.А. Ромм. – Ростов н/Д: Феникс, 2011.

8. Хрестоматия по социальной педагогике / сост. М.А. Дыгун, Л.В. Исмайлова. – Мозырь, 1998.

Семинарское занятие 3

Развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года)

Цель: охарактеризовать основные этапы эволюции социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года).

Вопросы для обсуждения

1. Роль князей, церкви и белорусских просветителей в развитии социально-педагогической деятельности в XI–XIII вв.

2. Характеристика социально-педагогических идей белорусских просветителей (XIV – середина XVII в.).

Репозиторий ВГУ

3. Специфика развития социально-педагогической мысли в Беларуси (вторая половина XVII – конец XVIII в.).

4. Социально-педагогические идеи в период с конца XVIII века до 1917 года.

Практические и творческие задания

1. Охарактеризуйте основные этапы развития социально-педагогической мысли в Беларуси.

2. Проанализируйте социально-педагогические взгляды белорусских просветителей и педагогов XII–XIX вв.

3. Охарактеризуйте развитие социально-педагогической деятельности в Беларуси с древнейших времен до 1917 года.

4. Оцените роль Статутов ВКЛ 1529 и 1588 гг. для развития системы воспитания и защиты прав нуждающихся детей.

5. Проанализируйте роль православных церквей и братств в развитии социально-педагогической деятельности в Беларуси.

6. Составьте и разыграйте воображаемый диалог «Симеон Полоцкий и Д. Локк о роли социальной среды в формировании ребенка».

7. Проанализируйте с социально-педагогической точки зрения Поучения Кирилла Туровского и В. Мономаха.

8. Составьте и разыграйте диалог «К.Д. Ушинский и Н.И. Пирогов о социальном воспитании».

Литература

Основная

1. Андрущенко, Н.Ю. Исторические аспекты развития теории и практики социальной педагогики в Беларуси и России / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2005. – № 3. – С. 59–63.

2. Андрущенко, Н.Ю. Социальная педагогика в Беларуси: конец XIX – первая четверть XX века / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2009. – № 5. – С. 53–57.

3. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. – М., 1985.

4. Антология педагогической мысли России XVIII в. – М., 1985.

5. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М., 1987.

6. Антология по истории педагогики в России (первая половина XX в.). – М., 2000.

7. Антология педагогической мысли христианского средневековья. – М., 1994.

Репозиторий ВГУ

8. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да 1917 г. / пад рэд. А.М. Лазарука [і інш.]. – Мінск, 1985.

9. Становление и развитие зарубежной социальной педагогики / под ред. В.И. Беляева. – М., 2003.

10. История социальной педагогики: хрестоматия-учебник / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001.

11. Пискунов, А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. и авт. ввод. ст. А.И. Пискунов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1981.

12. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

13. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по пед. специальностям / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2010.

Первоисточники

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э.К. Дорошевич [и др.]. – М., 1986.

2. Белинский, В.Г. Сочинения: в 5 т. / изд. и ред. Б.К. Фукса. – Киев, 1901. – Т. 5.

3. Гусоўскі, М. Песьня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск, 1994.

4. Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. Синодальная типография. – Санкт-Петербург, 1841.

5. Колас, Я. Другое чытанне для дзяцей беларусаў / Я. Колас. – Мінск, 1992.

6. Ломоносов, М.В. О воспитании и образовании / сост. Т.С. Буторина. – М.: Педагогика, 1991.

7. Макаренко, А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4.

8. Макаренко, А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 8.

9. Пашкевіч, А.С. (Цётка). Першае чытанне для дзетак беларусаў / А.С. Пашкевіч (Цётка). – Мінск, 1992.

10. Скарына, Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969.

11. Статут Великого княжества Литовского 1588. Тексты. Справочник. Комментарии. – Минск: Издательство «Белорусская Советская Энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1989.

12. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические произведения / К.Д. Ушинский. – М.: «Просвещение», 1968.

Репозиторий ВГУ

Дополнительная

1. Арлова, Г.П. Беларуская народная педагогіка / Г.П. Арлова. – Мінск, 1993.

2. Григорьев, А.Д. Социальная работа на Беларуси: история, опыт, проблемы / А.Д. Григорьев. – Мінск, 2000.

3. Мысліцелі і асветнікі Беларусі X–XIX ст. – Мінск, 1995.

4. Народная адукацыя і педагагічная думка ў Беларусі (1917–1945) / Г.Р. Сянкевіч [і інш.]. – Мінск, 1993.

5. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / пад рэд. С.А. Умрэйка, Т.Р. Сянкевіч, П.С. Сонцаў. – Мінск, 1968.

6. Отечественная социальная педагогика: хрестоматия / сост. А.В. Мардахаев. – М., 2003.

7. Хрестоматия по социальной педагогике / сост. М.А. Дыгун, Л.В. Исмайлова. – Мозырь, 1998.

Семинарское занятие 4

Становление отечественной социальной педагогики в 1917–1936 годы

Цель: рассмотреть ведущие предпосылки и основные направления развития отечественной социальной педагогики в 1917–1936 гг.

Вопросы для обсуждения

1. Предпосылки становления отечественной социальной педагогики (1917–1936 гг.).

2. Основные направления развития социальной педагогики в Беларуси (1917–1936 гг.).

Практические и творческие задания

1. Какую роль в становлении социальной педагогики в 20–30-е гг. XX ст. сыграли краеведение, белорусизация, исследования быта детей?

2. Сопоставьте точки зрения А.Г. Калашникова, М.В. Крупениной, А.П. Пинкевича, В.Н. Шульгина по проблеме социализации и социального воспитания, выявив общее и особенное.

3. Проследите, как решался вопрос разработки теоретико-методологических основ изучения среды, окружающей ребенка в 1920–1930-е гг.

Репозиторий ВГУ

4. Охарактеризуйте учебно-воспитательные учреждения, осуществляющие социально-педагогические функции в 20–30-е гг. XX ст.

5. Составьте тезисы «Роль краеведения, белорусизации, исследований быта ребенка в становлении социальной педагогики».

6. Как постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» отразилось на развитии социальной педагогики?

7. Сравните подходы А.С. Макаренко, В.Н. Сороки-Росинского, А. Нила к организации социально-педагогической работы с трудными детьми.

8. Напишите тезисы «А.С. Макаренко о социальном воспитании».

9. Сопоставьте точки зрения П.П. Блонского и С.Т. Шацкого по проблеме «Роль социальной среды в развитии ребенка».

10. Составьте аннотацию статьи Ив. Розанова «Что нового в современной социальной работе?».

Литература

Основная

1. Андрущенко, Н.Ю. Профессиональная подготовка работников системы социального воспитания в Беларуси в 1920-е годы / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2007. – № 7. – С. 23–27.

2. Андрущенко, Н.Ю. Факторы становления отечественной социальной педагогики в 20–30-е годы XX столетия / Н.Ю. Андрущенко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е, Педагогические науки. – 2011. – № 7. – С. 41–45.

3. Андрущенко, Н.Ю. Профессиональная подготовка работников системы социального воспитания в Беларуси в 1920-е годы / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2007. – № 7. – С. 23–27.

4. Григорьев, А.Д. Социальная работа на Беларуси: история, опыт, проблемы / А.Д. Григорьев. – Минск, 2000.

5. История социальной педагогики: хрестоматия-учебник / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001.

6. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

7. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по пед. специальностям / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2010.

Репозиторий ВГУ

Первоисточники

1. Блонский, П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 1.

2. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991.

3. Зеньковский, В.В. Педагогика / В.В. Зеньковский. – Клин, 2002.

4. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. – М., 1957. – Т. 1: Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. – 510 с.

5. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. – М., 1958. – Т. 2: Общие вопросы педагогики. Организация народного образования в СССР. – 734 с.

6. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. – М., 1959. – Т. 3: Обучение и воспитание в школе. – 798 с.

7. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М., 1986.

8. Макаренко, А.С. Проектировать лучшее в человеке / А.С. Макаренко. – Минск, 1989.

9. Макаренко, А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4.

10. Макаренко, А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 8.

11. Шацкий, С.Т. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2.

Дополнительная

1. Андрущенко, Н.Ю. Предпосылки становления и развития института социальной педагогики в Республике Беларусь / Н.Ю. Андрущенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманитар. наук. Ч. 1. – 2006. – № 5. – С. 64–66.

2. Орлова, А.П. История педагогики / А.П. Орлова, Н.К. Зинькова, В.В. Тетерина. – Минск, 2008.

Репозиторий ВГУ

Семинарское занятие 5

Характеристика развития социальной педагогики в Беларуси (конец 50-х – первая половина 90-х годов XX столетия)

Цель: проанализировать опыт развития социально-педагогической деятельности в Беларуси (конец 50-х – начало 90-х гг. XX столетия).

Вопросы для обсуждения

1. Развитие социально-педагогической деятельности в конце 50-х – 60-е гг. XX ст.
2. Социальная педагогика в 1970–1980-е гг.
3. Специфика развития социальной педагогики в конце 80-х – начале 90-х гг. XX ст.
4. Законодательное закрепление профессии «педагог социальный» в 1996 году.

Практические и творческие задания

1. Назовите причины, послужившие возобновлению интереса к проблемам социально-педагогического характера в конце 50-х гг. XX ст.
2. Перечислите предпосылки, способствовавшие развитию социальной педагогики в 1970–1980-е гг.
3. На основании имеющегося материала дайте оценку состояния развития социальной педагогики в конце 80-х – начале 90-х гг. XX ст.
4. Охарактеризуйте развитие теоретико-эмпирического этапа социальной педагогики.
5. Подумайте над вопросом «Какие идеи социальной педагогики 20–80-х гг. XX ст. являются актуальными для современности?».
6. Письменно представьте социально-педагогическую теорию ученого (по выбору) по следующей схеме:

а) целевые ориентации;

б) концептуальные (основные) положения теории.

Литература

Основная

1. Андрущенко, Н.Ю. Направления и проблемы развития социальной педагогики в Беларуси в конце 1950-х – 1960-е годы / Н.Ю. Андрущенко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е, Педагогические науки. – 2012. – № 7. – С. 13–16.

Репозиторий ВГУ

2. Андрущенко, Н.Ю. Социально-педагогическая деятельность в Беларуси в середине XX столетия / Н.Ю. Андрущенко // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2012. – № 6. – С. 62–64.

3. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

4. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по пед. специальностям / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2010.

Первоисточники

1. Кочетов, А.И. Перевоспитание подростка / А.И. Кочетов. – М.: Педагогика, 1972.

2. Кочетов, А.И. Мастерство перевоспитания / А.И. Кочетов. – Минск: Нар. асвета, 1981.

3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост.: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974.

4. Народное образование в БССР: сб. документов и материалов / Гл. арх. Упр. при Совете Министров БССР / сост.: Р.С. Васильева, Э.Л. Козловская, Л.П. Нартыш-Блук, К.Ф. Плахотникова. – Минск: Нар. асвета, 1979. – Т. 1: 1917–1928 гг.

5. Сухомлинский, В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский. – М., 1988.

6. Сухомлинский, В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. – Минск: Нар. асвета, 1981.

7. Чернышенко, И.Д. Воспитание учащихся по месту жительства / И.Д. Чернышенко. – Минск: Нар. асвета, 1972.

Дополнительная

1. Андрущенко, Н.Ю. Предпосылки становления и развития института социальной педагогики в Республике Беларусь / Н.Ю. Андрущенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманитар. наук. Ч. 1. – 2006. – № 5. – С. 64–66.

2. Ляўко, А.І. Першыя зрухі сацыяльнай педагогікі / А.І. Ляўко // Народная асвета. – 1993. – № 8. – С. 10–44.

3. Семенов, В.Д. Взаимодействие школы и социальной среды: опыт исследования / В.Д. Семенов. – М.: Педагогика, 1986.

Репозиторий ВГУ

Семинарское занятие 6

Проблемы и тенденции развития отечественной и зарубежной социальной педагогики в период со второй половины 90-х годов XX столетия по настоящее время

Цель: рассмотреть развитие отечественной социальной педагогики как науки, практики, системы подготовки кадров в обозначенный период времени.

Вопросы для обсуждения

1. Трактовка сущности и содержания социальной педагогики немецкими учеными А. Дистервегом и П. Наторпом.
2. Подходы белорусских, российских, украинских ученых к определению:

а) понятия «социальная педагогика»;

б) объекта и предмета социальной педагогики.

3. Объекты, задачи, функции профессиональной деятельности социальных педагогов.
4. Основные направления практической социально-педагогической деятельности в Беларуси и за рубежом. Уровни профессионального образования социальных педагогов в Республике Беларусь.
5. Проблемы функционирования системы профессиональной подготовки социальных педагогов в Республике Беларусь.
6. Тенденции развития профессионального образования специалистов социальной и образовательной сфер в развитых странах.

Практические и творческие задания

1. Охарактеризуйте объект и предмет социальной педагогики.
2. Что общего и различного существует в становлении социальной педагогики как науки в Беларуси, России и Украине?
3. Разработайте и проведите ролевую игру «Мини-конференция» на тему «Развитие социальной педагогики в Беларуси как самостоятельной отрасли научного знания».

Цель игры: выявить существующие подходы к определению понятия «социальная педагогика», объекта и предмета социальной педагогики; развить критическое мышление; сформировать умения анализировать и систематизировать теоретические знания, доказательно представлять свою точку зрения.

Участники игры: секретарь, группа докладчиков, группа оппонентов.

Репозиторий ВГУ

Описание игры: секретарь открывает конференцию, обосновывает актуальность обсуждаемой проблемы. Докладчики готовят выступления по заданным темам. Оппоненты формулируют проблемные вопросы по каждой теме и задают их докладчикам. В конце секретарь подводит итоги конференции.

Условия игры: каждый участник должен овладеть изучаемой проблемой и поддерживать деловую атмосферу конференции.

План анализа ролевой игры:

– оценка игры с точки зрения приобретенных знаний по истории социальной педагогики,

– степень развития аналитических умений,

– соблюдение формы мини-конференции,

– убедительность и доказательность выступающих.

4. Выделите общее и специфическое в содержании социально-педагогической деятельности в зарубежных странах и Беларуси.

5. Составьте конспект тезисов «Организация социально-педагогической деятельности в зарубежных странах».

6. Предложите свою концепцию развития системы социального воспитания.

7. Составьте план опроса по изучаемой проблеме.

8. Охарактеризуйте отечественную систему профессиональной подготовки социальных педагогов.

9. Покажите особенное и общее в национальной и зарубежной системах подготовки социальных педагогов.

10. Составьте вопросы для проведения дискуссии по проблеме «Актуальность зарубежного опыта подготовки специалистов социальной и образовательной сфер для национальной системы высшего профессионального образования».

11. Напишите сочинение на тему «Мой любимый педагог-классик» (акцентируйте внимание на его социально-педагогических воззрениях).

Литература

Основная

1. Андрущенко, Н.Ю. Профессиональная подготовка социальных педагогов в Беларуси и за рубежом / Н.Ю. Андрущенко // Веснік адукацыі. – 2006. – № 7. – С. 37–39.

2. История социальной педагогики: хрестоматия-учебник / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001.

3. Василькова, Ю.В. Социальная педагогика / Ю.В. Василькова, Т.А. Василькова. – М.: Изд. центр «Академия», 1999.

4. Левко, А.И. Социальная педагогика / А.И. Левко. – Минск, 2003.

Репозиторий ВГУ

5. Наумчик, В.Н. Социальная педагогика: Проблема «трудных» детей: Теория. Практика. Эксперимент / В.Н. Наумчик, М.А. Праздников. – Минск, 2005.

6. Орлова, А.П. История социальной педагогики: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по пед. специальностям / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Минск: «ИВЦ Минфина», 2010.

7. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

8. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л.В. Мордахаев. – М.: Академия, 2002.

Первоисточники

1. Басов, А.В. К вопросу о предмете социальной педагогики / А.В. Басов // Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт. – Т. 1. – М., 1993.

2. Бочарова, В.Г. Социальная педагогика: диалог науки и практики / В.Г. Бочарова // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2003. – № 9. – С. 3–9.

3. Бурая, Н.П. Соціальна робота / Н.П. Бурая. – Х., 1996.

4. Калачова, І.І. Сацыяльны педагог: крокі да прафесійнага майстэрства / І.І. Калачова // Народная асвета. – 1998. – № 6. – С. 40–45.

5. Левко, А.И. Социальная педагогика / А.И. Левко. – Минск, 2003.

6. Міщик, Л.И. Соціальна педагогіка / Л.И. Міщик. – К., 1997.

7. Мудрик, А.В. Социальная педагогика / А.В. Мудрик. – М.: Изд. центр «Академия», 2000.

8. Словарь по социальной работе и социальной педагогике / под ред. И.И. Калачевой, Я.Л. Коломинского, А.И. Левко. – Минск: БелЭн, 2001.

9. Филонов, Г.Н. Социальная педагогика: сопряжение наук о человеке / Г.Н. Филонов // Педагогика. – 1996. – № 6. – С. 35–40.

10. Филонов, Г.Н. Социально-педагогическая теория: сущность и тенденции развития / Г.Н. Филонов // Педагогика. – 1997. – № 6. – С. 36–42.

11. Хамбургер Франц. Социальная педагогика: наука или практика? / Франц Хамбургер // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2008. – Вып. 1. – Т. 9. – С. 40–45.

12. Цімашэнка, І.В. Сацыяльны педагог: яго функцыі і поле дзейнасці / І.В. Цімашэнка // Народная асвета. – 1994. – № 9. – С. 11–15.

13. Штефан, Л.А. Соціальна педагогічна теорія та практика в Україні / Л.А. Штефан. – Х., 2002.

Репозиторий ВГУ

Дополнительная

1. Ляўко, А.І. Першыя зрухі сацыяльнай педагогікі / А.І. Ляўко // Народная асвета. – 1993. – № 8. – С. 10–44.

2. Ляўко, А.І. Тэарэтыка-метадалагічная аснова станаўлення сацыяльнай педагогікі як навукі / А.І. Ляўко // АіВ. – 1996. – № 1. – С. 5–15.

3. Наумчик, В.Н. Социальная педагогика: Проблема «трудных» детей: Теория. Практика. Эксперимент / В.Н. Наумчик, М.А. Праздников. – Минск, 2005.

4. Орлова, А.П. Аспекты развития социальной педагогики как науки (на примере Беларуси, России, Украины) / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко // Образование для устойчивого развития: на пути к обществу знания: материалы междунар. форума, Минск, Республика Беларусь, 5–6 апр. 2005 г. / редкол.: А.М. Радьков (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2005. – С. 199–203.

5. Орлова, А.П. История развития отечественной и зарубежной социальной педагогики: учеб.-метод. комплекс / А.П. Орлова, Н.Ю. Андрущенко. – Витебск, 2006.

6. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л.В. Мордахаев. – М.: Академия, 2002.

7. Словарь по социальной работе и социальной педагогике / под ред. И.И. Калачевой, Я.Л. Коломинского, А.И. Левко. – Минск: БелЭн, 2001.

8. Образовательный стандарт. Высшее образование. Специальность П.04.03.00. «Социальная педагогика с дополнительными специальностями». – Минск, 1999.

9. Образовательный стандарт. Высшее образование. Специальность-1-03 04 02 Социальная педагогика с дополнительными специальностями. – Минск, 2008.

1.4. Тематика рефератов и рецензий

Темы рефератов

1. Социальная педагогика: история и современность.
2. Конфуций: мысли об образовании.
3. Античные философы о воспитании.
4. Специфика развития социально-педагогической мысли в период Средневековья.
5. Проблемы развития и воспитания ребенка в наследии Я.А. Коменского.

Репозиторий БГУ

6. Социально-педагогические идеи Д. Локка и Симеона Полоцкого: общее и отличительное.

7. К.А. Гельвеций и Д. Дидро о роли социума в развитии человека.

8. Вопросы воспитания в трудах Ж.-Ж. Руссо.

9. Социально-педагогический опыт работы И.Г. Песталоцци и Р. Оуэна с детьми.

10. Представления А. Дистервега и П. Наторпа о социальной педагогике.

11. Система социального воспитания Я. Корчака.

12. Основы духовно-нравственного воспитания в Поучениях Владимира Мономаха и Кирилла Туровского.

13. Развитие социально-педагогических идей в Беларуси в период с середины XIII до второй половины XVI в.

14. Состояние отечественной социально-педагогической мысли в период вхождения Беларуси в состав Речи Посполитой.

15. Специфика развития социально-педагогических идей в период вхождения Беларуси в состав Российской империи.

16. К.Д. Ушинский о социальном воспитании подрастающего поколения.

17. В.Г. Белинский об образовании ребенка.

18. Белорусские педагоги XIX – первой половины XX столетия о социальном воспитании ребенка.

19. Развитие благотворительности в Беларуси в XVIII–XIX вв.

20. П.Ф. Каптерев об общественно-нравственном развитии и воспитании детей.

21. Социально-педагогические взгляды Н.К. Крупской.

22. Христианство и образование: проблемы и перспективы развития в понимании В.В. Зеньковского.

23. Социально-педагогическая деятельность В.Н. Сороки-Росинского.

24. В.Н. Шульгин о роли школы и социальной среды в развитии ребенка.

25. Становление и развитие отечественной социальной педагогики в 20–30-е годы XX столетия: проблемы и направления.

26. Идеи социального воспитания В.А. Сухомлинского.

27. Социально-педагогическая деятельность А.С. Макаренко.

28. Детский дом как форма воспитания подрастающего поколения: история и современность.

29. Опыт работы А. Нилла с трудными детьми.

30. Н.И. Пирогов о роли школы в развитии личности.

Репозиторий ВГУ

Темы рецензий на книги

1. М. Монтень. Опыты.
2. П. Наторп. Социальная педагогика.
3. Я. Корчак. Дом Сирот.
4. В.Н. Сорока-Росинский. От принудительности к добровольчеству.
5. Н.Н. Иорданский. Социальное воспитание, его задачи и пути.
6. Н.К. Крупская. Народное образование и демократия.
7. С.Т. Шацкий. Школа для детей или дети для школы.
8. П.П. Блонский. Задачи и методы новой народной школы.
9. А.С. Макаренко. Семья и воспитание детей.
10. В.А. Сухомлинский. О воспитании.

1.5. Примерный перечень вопросов к экзамену

1. Вопросы развития и воспитания человека в древневосточных государствах (Месопотамия, Древний Египет, Индия, Древний Китай).
2. Социально-педагогические идеи древнекитайского философа Конфуция.
3. Социально-педагогические воззрения античных философов.
4. Развитие социально-педагогической деятельности в период Средневековья.
5. Социально-педагогические взгляды представителей европейского Возрождения.
6. Развитие социально-педагогической мысли в период Нового времени (на примере педагогических трудов Я.А. Коменского).
7. Социально-педагогические воззрения Д. Локка.
8. Социально-педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо.
9. Социально-педагогические концепции Д. Дидро и К.А. Гельвеция.
10. Социально-педагогическая деятельность И.Г. Песталоцци.
11. Социально-педагогические идеи Р. Оуэна.
12. Социально-педагогические взгляды А. Дистервега и П. Наторпа.
13. Социально-педагогическая деятельность Я. Корчака.
14. Сущность социально-педагогических концепций зарубежных ученых конца XIX – начала XX в. (В. Лай, Г. Кершенштейнер, Дж. Дьюи, М. Монтессори).
15. Социально-педагогические идеи Ф. Скорины и Н. Гусовского.
16. Реформаторские взгляды С. Будного, Я.Л. Намысловского, С.Ф. Рысинского.
17. Социально-педагогические воззрения Симеона Полоцкого, К. Лыщинского, И.Ф. Копиевича, К. Нарбута.

Репозиторий ВГУ

18. Социально-педагогические взгляды Ф. Бохвица, Ф. Карпинского.
19. Социально-педагогические идеи К.Д. Ушинского.
20. Социально-педагогические взгляды В.Г. Белинского.
21. Социально-педагогические воззрения Н.И. Пирогова.
22. Проблемы социального воспитания в работах Ф.А. Кудринского и С.К. Павловича.
23. Ведущие факторы становления социальной педагогики в Беларуси (1917–1936 гг.).
24. Теоретическое осмысление проблем социально-педагогического характера белорусскими педагогами-практиками (1917–1936 гг.).
25. Развитие практической социально-педагогической деятельности в Беларуси в 1917–1936 гг.
26. Сеть учреждений социально-педагогической направленности в Беларуси в 20–30-е годы XX столетия.
27. Социально-педагогический компонент отечественной системы профессиональной подготовки работников образования в 1917–1936 гг.
28. Социальная педагогика в Беларуси в конце 50-х – 90-е гг. XX ст.
29. Генезис отечественной социальной педагогики как науки.
30. Организация профессиональной социально-педагогической деятельности в Беларуси.
31. Основные направления практической социально-педагогической деятельности за рубежом.
32. Профессиональное образование социальных педагогов в Беларуси.
33. Система профессиональной подготовки социальных педагогов за рубежом.
34. Социально-педагогические взгляды А.С. Макаренко.
35. Социально-педагогические воззрения В.Н. Сороки-Росинского.
36. Проблемы социально-педагогического характера в трудах Н.К. Крупской.
37. Социально-педагогическая деятельность С.Т. Шацкого.
38. Социально-педагогические взгляды П.П. Блонского.
39. Вопросы социального воспитания в трудах А.Г. Калашникова, М.В. Крупениной, А.П. Пинкевича, В.Н. Шульгина.
40. Социально-педагогические взгляды В.А. Сухомлинского.

Репозиторий ВГУ

РАЗДЕЛ 2
УЧЕБНО-ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ»

2.1. Становление социальной педагогики в древневосточных государствах

Заполните таблицы

Таблица 1 – Сравнительно-сопоставительный анализ развития социально-педагогической мысли и практики в странах Древнего Востока

Страна	Общее и особенное в развитии социально-педагогической мысли и практики
Месопотамия	
Древний Египет	
Индия	
Древний Китай	

Таблица 2 – Впишите по три исторических, культурологических, педагогических термина, характеризующих древневосточные страны

Страна	Термин
Месопотамия	
Древний Египет	
Индия	
Древний Китай	

Заполните пустые клетки

Страна	Литературный источник
Индия	
	Законы царя Хаммурапи
Древний Китай	
	Упанишады

Вопросы для самостоятельного изучения

- Что общего и особенного было в трактовке воспитания (на примере литературных источников)?
- Какие социально-педагогические функции выполняли древне-

Репозиторий ВГУ

восточные школы?

- Какую роль играли семья и религия в формировании ребенка?
- Какие идеи воспитания в странах Древнего Востока актуальны для современной системы образования?

Прокомментируйте следующие высказывания

- «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».
- «Тот, кто знает учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».
- «Человечный муж сам, желая иметь устои, создает их и для других, сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, – вот, что можно назвать искусством человечности».
- «Возвышая людей честных и преграждая путь бесчестным, мы можем сделать бесчестных честными».

Контрольные задания

I. Закончите предложения

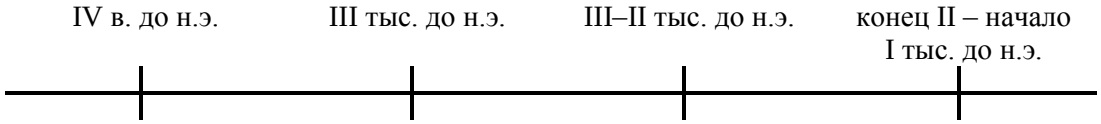
1. Целью школ стран Двуречья была…
2. История Древней Индии подразделяется на два основных периода…
3. Школьное образование в Индии появилось в …
4. Согласно индуистской традиции человек в своем жизненном цикле проходит четыре этапа…
5. Характер воспитания в Китае определяло философское учение…
6. Процесс самосовершенствования в соответствии с буддизмом включал в себя…
7. В Китае программа воспитания разносторонней личности включала в себя «шесть искусств»…
8. Зарождение древних цивилизаций Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай) началось в …

II. Заполните хронологическую таблицу

1. Сформировались города-государства Вавилон, Шумер, Ассирия.
2. Оформились религиозные тексты Индии «Веды».
3. Появилось школьное образование в Индии.
4. Рубеж дравидско-арийского и буддийского периода развития

Репозиторий ВГУ

древней Индии.

III. Выполните тест

1. Идеи Конфуция изложены в работе:
а) «Беседы»;
б) «Размышления»;
в) «Поучения»;
г) «Беседы и суждения».

2. Первые школы Шумера назывались:
а) домами книг;
б) домами табличек;
в) домами писем;
г) нет правильного ответа.

3. Девиз «Дитя несет ухо на своей спине, нужно бить его, чтобы он услышал» школ:
а) Индии;
б) Вавилона;
в) Египта;
г) Китая.

4. В Шумерах функционировали школы:
а) храмовые;
б) государственные;
в) частные;
г) все ответы верны.

5. Ребенка как незавершенного взрослого рассматривала педагогика:
а) Шумера;
б) Ассирии;
в) Месопотамии;
г) Египта.

6. Фактором развития воспитания в Индии была идеология брахманизма:
а) буддизм;
б) даосизм;
в) индуизм;

Репозиторий ВГУ

г) все ответы верны.

7. Свод этико-правовых норм в Индии:

а) «Закон Ману»;
б) «Закон Хаммурапи»;
в) «Закон Будды»;
г) «Закон Упанаямы».

8. Собрание религиозных текстов Индии:

а) «Веды»;
б) «Упанишады»;
в) «Поучения»;
г) верны ответы а) и б).

9. Свод правил жизни и воспитания детей в Шумерском государстве назывался:

а) «Закон Ману»;
б) «Бхагавадгита»;
в) «Закон Хаммурапи»;
г) «Махабхарата».

10. Упанаяма в Индии означала:

а) наказание;
б) инициацию;
в) поощрение;
г) философское учение.

2.2. Генезис социально-педагогических идей в Западной Европе (с древнейших времен до начала XX столетия)

Заполните таблицы

Таблица 1 – Социально-педагогические идеи просветителей Западной Европы

Представители	Социально-педагогические идеи
Платон	
Аристотель	
Марк Квинтилиан	
Я.А. Коменский	
Д. Локк	
Ж.-Ж. Руссо	
Р. Оуэн	

Репозиторий ВГУ

И.Г. Песталоцци	
А. Дистервег	

Таблица 2 – Развитие социально-педагогических идей в Западной Европе

Этап	Характеристика этапа	Представители этапа
Первобытнообщинный строй		
Античность		
Средневековье		
Новое время		
Эпоха Просвещения		
XIX–XX вв.		

Таблица 3 – Сравнительно-сопоставительная характеристика развития социально-педагогических идей в Западной Европе

Этап	Общее и особенное в развитии социально-педагогических идей
Античность	
Средневековье	
Новое время	
Эпоха Просвещения	
XIX–XX вв.	

Заполните пустые клетки

1.	2.
Педагоги	Основные труды (статьи)
	Государство
Ф. Рабле	
	Опыты
Т. Мор	
	Город Солнца
Аристотель	
	Руководство к воспитанию немецких учителей
И.Г. Песталоцци	
	Как любить ребенка
Ж.-Ж. Руссо	
	Письмо другу о пребывании в Станце
П. Наторп	

Репозиторий ВГУ

Репозиторий ВГУ

Установите соответствие (выбор обозначьте стрелками)

• В. Лай	Принцип сотрудничества разновозрастных детей
• Г. Кершенштейнер	Теория воспитания джентльмена
• Ж.-Ж. Руссо	Педагогика доброты
• П. Наторп	Педагогика действия
• Д. Локк	Социальная педагогика
• Я. Корчак	Теория свободного воспитания
• М. Монтессори	Прагматическая педагогика
• Дж. Дьюи	Школа работы

Вопросы для самостоятельного изучения

- Какие социально-педагогические идеи Марка Квинтилиана актуальны в настоящее время?
- Как Р. Спенсер трактовал цель и содержание воспитания?
- Что нового привнес Дж. Дьюи в практику воспитания?
- В чем заключалась сущность социально-педагогических идей М. Монтессори?
- В чем слабые и сильные стороны «воспитания свободой», предложенного А. Ниллом?

Прокомментируйте следующие высказывания

- Согласны ли вы с мнением Д. Локка: «… примите за несомненную истину, что какие бы наставления не давали ребенку и какими бы мудрыми уроками не пичкали его ежедневно, наибольшее влияние на его поведение будет все-таки оказывать компания, в которой он находится, и образ действий тех, кто ходит за ним». Прав ли Д. Локк? Аргументируйте свою точку зрения.
- Д. Дидро подверг критике положение К.А. Гельвеция «Воспитание может все». Чью точку зрения поддерживаете вы? Аргументируйте свой ответ.
- Какая, на ваш взгляд, ценная идея заложена в следующем тезисе К.А. Гельвеция: «Чем совершеннее воспитание, тем счастливее народы»?
- Прав ли К.А. Гельвеций, утверждая, что «воспитание делает нас теми, чем мы есть»?
- Раскройте идею, сформулированную в следующем высказывании Демокрита: «Природа и воспитание подобны. А именно воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает [ему вторую] природу».
- Я. Корчак писал: «Я думаю, что многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безустанно внушают, перекармливая хорошими словами». Разделяете ли вы точку зрения автора?

Репозиторий ВГУ

- Дж. Дьюи полагал, что прагматическое образование является фактором социального прогресса. Согласны ли Вы с педагогом? Продолжите дискуссию.

Контрольные задания

I. Закончите предложения

1. Человек современного физического типа появился…
2. Традиции воспитания как неотрефлексированные знания о средствах подготовки человека к самостоятельной жизнедеятельности воплотились в …
3. Развитие древнегреческого и древнеримского обществ проходило под девизом…
4. Автор книги «Политика»…
5. Д. Локк был приверженцем системы воспитания…
6. Термин «социальная педагогика» в научный оборот ввел…
7. Принцип сотрудничества был ведущим в педагогической деятельности…

II. Выполните тест

1. Приюты для детей-сирот и беспризорников в Нейгофе и Станце открыл:

а) Д. Дидро;
б) П. Наторп;
в) И.Г. Песталоцци;
г) Я.А. Коменский.

2. Основоположниками социальной педагогики являются:

а) А. Дистервег, П. Наторп;
б) М. Монтень, Ф. Рабле;
в) Платон, Аристотель;
г) Т. Мор, Т. Кампанелла.

3. Учебно-воспитательное учреждение «Дом Сирот» создал (а):

а) М. Монтессори;
б) Г. Кершенштейнер;
в) Я. Корчак;
г) Р. Оуэн.

4. Человека как частицу природы «микрокосм» понимал:

а) Квинтилиан;

Репозиторий ВГУ

б) Демокрит;
в) Сократ;
г) Ксенофонт.

5. Какое из высказываний принадлежит Сократу:
а) «Некоторое знакомство с главными принципами физиологии и элементарными истинами психологии необходимо для правильного воспитания детей»;
б) «Воспитывать, значит возбуждать»;
в) «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может»;
г) «Воспитание может все».

6. Автор книги «Государство»:
а) Сократ;
б) Аристотель;
в) Платон;
г) Квинтилиан.

7. Школу интернатного типа «Дом радости» создал:
а) Я. Корчак;
б) И.Г. Песталоцци;
в) Витторино да Фельтре;
г) М. Монтень.

8. Слова «Необразованность людей способствует распространению социально негативных явлений в обществе» принадлежат:
а) М. Монтеню;
б) Ф. Рабле;
в) Э. Роттердамскому;
г) Т. Мору.

9. Принцип «естественных последствий» в воспитании выдвинул:
а) Д. Локк;
б) Ж.-Ж. Руссо;
в) Р. Оуэн;
г) А. Дистервег.

10. Создал систему воспитательных учреждений, которую назвал «новым институтом для образования человеческого характера»:
а) Г. Спенсер;
б) Р. Оуэн;
в) Д. Дьюи;
г) В. Лай.

Репозиторий ВГУ

2.3. Развитие социально-педагогической мысли и практики в Беларуси (с древнейших времен до 1917 года)

Заполните таблицы

Таблица 1 – Эволюция социально-педагогической мысли в Беларуси

Этап	Характеристика этапа	Представители этапа
Первобытнообщинный строй		
Киевская Русь, Полоцкое и Турово-Пинское княжества		
Великое княжество Литовское		
Речь Посполитая		
Беларусь в составе Российской империи: – конец XVIII в. – 60–70-е гг. XIX в. – 60–70-е гг. XIX в. – 1917 г.		

Таблица 2 – Сравнительно-сопоставительный анализ взглядов белорусских и западноевропейских ученых по вопросам социального воспитания

Ученые	Цель воспитания	Содержание социального воспитания
К. Лыщинский		
Я.Л. Намысловский		
Ф. Бохвиц		
Ф. Карпинский		
Гуго Сен-Викторский		
И.Ф. Копиевич		
М.К. Сорбевский		
Н. Гусовский		
Винсент из Бове		
В. да Фельтре		

Таблица 3 – Сравнительно-сопоставительный анализ социально-педагогических взглядов белорусских и русских педагогов

Ученые	Социально-педагогические идеи
Ф. Кудринский	
В.Г. Белинский	
Я. Колас	

Репозиторий ВГУ

Н.И. Пирогов	
А. Пашкевич (Тетка)	
К.Д. Ушинский	

Таблица 4 – Сравнительная характеристика содержательной составляющей социально-педагогических идей на различных этапах общественного развития Беларуси

Этап	Общее и различное в развитии социально-педагогических идей
Киевская Русь, Полоцкое и Турово-Пинское княжества	
Великое княжество Литовское	
Речь Посполитая	
Беларусь в составе Российской империи	

Таблица 5 – Сравнительно-сопоставительный анализ социально-педагогических взглядов западноевропейских и белорусских просветителей эпохи Возрождения

Ученые	Роль образования и воспитания в жизни человека	Цель воспитания	Содержание воспитания
С. Будный			
В. Тяпинский			
Ф. Скорина			
Ф. Рабле			
М. Монтень			

Заполните пустые клетки

1.	2.
Ученые	Основные труды (статьи)
С.Т. Шацкий	
	Народ и демократия
Ф.А. Кудринский	
	Второе чтение для детей белорусов
А. Пашкевич (Тетка)	
	Труд в его психическом значении
Н.И. Пирогов	
	О несуществовании Бога
Н. Гусовский	
	Катехизис
Ф. Скорина	

Репозиторий ВГУ

Установите соответствие (выбор обозначьте стрелками)

• К.Д. Ушинский	Духовно-нравственная педагогика
• Тетка (А. Пашкевич)	Социально-педагогические комплексы
• Симеон Полоцкий	Система физического воспитания
• Л.Н. Толстой	Народная педагогика
• К. Нарбут	Теория свободного воспитания
• С.Т. Шацкий	Принцип народности воспитания
• П.Ф. Лесгафт	Концепция «чистой доски»
• Н.И. Пирогов	Сентенции

Вопросы для самостоятельного изучения

• Каким видел образование и воспитание М.В. Ломоносов?

• Как авторитет, по мнению Н.А. Добролюбова, влияет на формирование ребенка?

• Что понимал под общественно-нравственным развитием ребенка П.Ф. Каптерев?

• В чем заключается ценность социально-педагогического опыта Л.Н. Толстого?

• В чем видел главную цель воспитания А.Н. Радищев?

• Какое значение придавал семейному воспитанию П.Ф. Лесгафт?

• Что значит воспитывать «исключительных детей» в понимании В.П. Кащенко?

Прокомментируйте следующие высказывания

• Докажите или опровергните следующее высказывание Н.И. Пирогова: «Все готовящиеся стать полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми».

• М.В. Ломоносов полагал, что «…кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле». Что имел в виду известный ученый?

• В.Г. Белинский считал необходимым воспитывать ребенка с учетом его индивидуальных особенностей: «…забывают о природе, дающей ребенку наклонности и способности и определяющей его значение в жизни, и думают, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно, хоть арбузы вместо орех». Проанализируйте высказывание с социально-педагогической точки зрения.

• Согласны ли вы с К.Д. Ушинским, что «…воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту вос-

Репозиторий ВГУ

питательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа»? Продолжите дискуссию по данному вопросу.

• Выскажите свое отношение к сформулированному К.Д. Ушинским принципу трудового воспитания: «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни».

• Л.Н. Толстой говорил: «Народное образование в настоящее время для нас есть единственная законная сознательная деятельность для достижения наибольшего счастья всего человечества...». Какая ценная социально-педагогическая идея заложена в данном тезисе?

Контрольные задания

I. Закончите предложения

1. Просветители Н. Гусовский, Я.Л. Намысловский, М.К. Сорбевский считали, что важным средством воспитания являются…
2. Основоположником государственной системы призрения в России был(а)…
3. Одним из первых обратился к идее народности в воспитании…
4. Высказывание «признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем» принадлежит…
5. Автор книги «Труд в его психическом и воспитательном значении»…
6. Тезис «Критериум педагогики только один – свобода» выдвинул…
7. Автор книги «Основы педагогики»…
8. Экспериментальное учебно-воспитательное учреждение «Дом свободного ребенка» создал…
9. Автор книги «Второе чтение для детей белорусов» …

II. Выполните тест

1. Славянских просветителей В. Мономаха и Кирилла Туровского объединяло написание:

а) поучений;
б) статей;
в) басен;
г) стихов.

2. О ком идет речь: «Была она помощница обиженных, опечаленным утешение, раздетым одежда, больным насыщение»:

а) Екатерине I;

Репозиторий ВГУ

б) Елизавете II;
в) Евфросинии Полоцкой;
г) Алоизе Пашкевич.

3. Основы кальвинистского вероучения на белорусском языке в Виленской кальвинистской школе преподавал:
а) Я.Л. Намысловский;
б) С. Будный;
в) Ф. Скорина;
г) Н. Гусовский.

4. Первый воспитательный дом «Иисуса Младенца» княгиня Огинская открыла в:
а) Витебске;
б) Минске;
в) Вильно;
г) Гомеле.

5. Благотворительное общество «Императорское человеколюбивое общество» было организовано в:
а) XIX в.;
б) XX в.;
в) XVI в.;
г) XVIII в.

6. Православные монастыри начали призревать детей-сирот в:
а) XII в.;
б) V в.;
в) X в.;
г) VIII в.

7. В IX–XIII веках с принятием христианства традиция сострадательного отношения к обездоленным закрепилась в форме:
а) опеки;
б) попечительства;
в) благотворительности;
г) патроната.

8. Ведущим принципом педагогической системы К.Д. Ушинского является принцип:
а) научности;
б) народности;
в) системности;
г) логичности.

Репозиторий ВГУ

9. Автор духовно-нравственной педагогики:
а) К.Д. Ушинский;
б) Л.Н. Толстой;
в) Н.И. Пирогов;
г) А.С. Макаренко.

10. Автор книги «Первое чтение для деток белорусов»:
а) Я. Колас;
б) А. Пашкевич;
в) Ф.К. Богушевич;
г) Я. Купала.

2.4. Становление отечественной социальной педагогики в 1917–1936 гг.

Заполните таблицы

Таблица 1. Анализ взглядов зарубежных, русских и белорусских педагогов на проблему социального воспитания

Ученые	Цель и содержание социального воспитания
П. Лепешинский	
А.С. Макаренко	
С.Т. Шацкий	
П.П. Блонский	
В.Н. Сорока-Росинский	
В.В. Зеньковский	
П. Наторп	
А. Дистервег	

Таблица 2 – Соотношение стихийных и целенаправленных факторов социализации ребенка в понимании педагогов

Ученые	Основные идеи
М.В. Крупенина	
В.Н. Шульгин	
А.Г. Калашников	
А.П. Пинкевич	
М.М. Пистрак	

Репозиторий ВГУ

Заполните пустые клетки

1.	2.
Ученые	Основные труды (статьи)
А.С. Макаренко	
	Школа для детей или дети для школы
В.Н. Сорока-Росинский	
	Трудовая школа
Н.Н. Иорданский	
	Педагогическая психология
В.В. Зеньковский	
	Проектировать в человеке лучшее

Установите соответствие (выбор обозначьте стрелками)

- А.С. Макаренко
- М.В. Крупенина
- Л.С. Выготский
- В.П. Кащенко
- Н.К. Крупская
- В.В. Зеньковский
- В.Н. Шульгин
- В.Н. Сорока-Росинский

Система обучения и воспитания «исключительных» детей
Педагогика среды
«Суворовская» педагогика
Теория отмирания школы
Православная педагогика
Система социалистического воспитания
Теория коллектива
Педология

Вопросы для самостоятельного изучения

- Справедлива ли критика идеи отмирания школы?
- Почему практика социальной педагогики опережала в своем развитии теорию?
- Роль Н.К. Крупской в становлении системы социального воспитания в 1920–1930-е годы.
- Православная педагогика В.В. Зеньковского.
- Социальное воспитание в понимании Н.Н. Иорданского.
- Почему в 1936 году прервалось поступательное развитие социальной педагогики в Беларуси?
- Развивалась ли социальная работа с молодежью в 1920-е годы?

Прокомментируйте следующие высказывания

- С.Т. Шацкий, рассматривая проблемы социализации ребенка, обращал внимание на роль школы и среды в этом процессе: «Мы могли бы рассматривать нашу школу как своеобразный социальный фермент, задачей которого является урегулировать, перевести в другое состоя-

Репозиторий ВГУ

ние тот массовый педагогический процесс, который развивается вокруг школы, – значит, между школой и средой должны возникнуть взаимоотношения обмена: среда действует на школу, школа на основании этого воздействия изменяет свою работу и в свою очередь действует на окружающую среду с целью поддержать в ней положительные тенденции воспитания и борется с отрицательными». Насколько позиция автора совпадает с парадигмой современного образования?

• Согласны ли Вы с тезисом В.Н. Сороки-Росинского о том, что «принудительность и добровольчество в процессе воспитания могут рассматриваться трояким образом: либо как два противоположных и взаимоисключающих принципа, либо как начальная и конечная стадии одного и того же педагогического процесса, либо, наконец, как гармоничное сочетание обоих этих начал во всей длительности процесса воспитания»? Аргументируйте свой ответ.

• Насколько актуально для современности высказывание П.П. Блонского: «Мы должны самым решительным образом отвергнуть проклятое обособление школы от жизни и вернуться к античному пониманию школы как школы жизни. Выработки определенного поведения, определенных привычек. В народной школе ребенок должен, прежде всего, не обучаться теоретическим знаниям, но учиться жить»?

• А.С. Макаренко был убежден в том, что «нет детей правонарушителей, а есть дети с потрепанными нервами. Они встречают с сопротивлением каждое слово и каждое хитроумное педагогическое измышление». Что вы думаете по этому поводу?

• В.В. Зеньковский считал, что «семья является идеальным типом социальной структуры. Семья есть идеал всего мира»? Согласны ли Вы с педагогом? Продолжите дискуссию.

• Н.К. Крупская, размышляя о системе образования, задавалась вопросом, какой должна быть школа, чтобы воспитать «…людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду, как физическому, так и умственному, умеющих строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь…». Как бы Вы сегодня ответили на этот вопрос?

Контрольные задания

I. Закончите предложение

1. Академию социального воспитания (1919 г.) возглавлял…
2. Органы общественной и частной благотворительности в Беларуси были упразднены в …
3. Создание отечественной системы социального воспитания началось в …

Репозиторий ВГУ

4. Школой социально-индивидуального воспитания им. Достоевского (ШКИД) руководил…

5. Автор теории коллектива…

6. Леменской школой-коммуной руководил…

7. Ведущие факторы становления отечественной социальной педагогики в 1917–1936 годы…

8. Основные направления развития социальной педагогики в Беларуси (1917–1936 гг.)…

II. Заполните хронологическую таблицу

1. Положение о Единой трудовой школе.

2. Декрет СНК «Об учреждении совета защиты детей».

3. При Народном комиссариате просвещения был создан белорусский отдел.

4. Второй съезд инспекторов социального воспитания БССР.

5. Постановление о практических мероприятиях по проведению в жизнь национального вопроса.

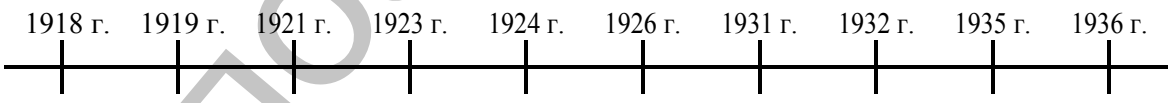
6. Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью».

7. Проект постановления СНК БССР о мероприятиях по развертыванию краеведческой работы.

8. Постановление ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

9. Постановление СНК и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».

10. Постановление СНК и ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов».

III. Выполните тест

1. Слова «Школа, стоящая рядом с жизнью, составляющая необходимую часть ее, в воспитательном процессе из массы влиятельных факторов избирает наиболее благоприятные для жизни ребенка» принадлежат:

а) П.Ф. Каптереву;

б) К.Н. Вентцелю;

в) В.Н. Шульгину;

г) С.Т. Шацкому.

Репозиторий ВГУ

2. Вопросы педологии разрабатывал:

а) К.Д. Ушинский;

б) Л.С. Выготский;

в) Л.Н. Толстой;

г) Н.И. Пирогов.

3. Принцип воспитания «Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему» был сформирован:

а) А.С. Макаренко;

б) С.И. Гессеном;

в) В.Н. Шульгиным;

г) П.Ф. Каптеревым.

4. Курс «Социальная педагогика» и предметы социально-педагогической направленности («Основы социального воспитания», «История и теория трудовой школы» и др.) были включены в программы подготовки педагогических кадров в:

а) 1950-е гг.;

б) 1980-е гг.;

в) 1960-е гг.;

г) 1920-е гг.

5. Деятельность белорусского общества «Друзья детей» была сконцентрирована на борьбе с:

а) наркоманией;

б) гемблингом;

в) токсикоманией;

г) детской беспризорностью.

6. Проблемы социально-педагогического характера в Беларуси в 1920-е годы обсуждались на страницах журнала:

а) «Асвета»;

б) «Сацыяльна-педагагічная работа»;

в) «Адукацыя і выхаванне»;

г) «Веснік адукацыі».

7. Какое из высказываний принадлежит П.П. Блонскому:

а) «Познай самого себя»;

б) «Человека, если он должен стать человеком, необходимо формировать»;

в) «Мы должны самым решительным образом отвергнуть проклятое обособление школы от жизни и вернуться к античному пони-

Репозиторий ВГУ

манию школы, как школы жизни, выработки определенного поведения, определенных привычек»;

г) «Здоровый дух в здоровом теле».

8. Течение в отечественной педагогике первой четверти XX в., рассматривавшее проблемы взаимодействия и взаимоотношений между человеком и социальной средой:

а) педагогика действия;

б) педагогика личности;

в) педагогика среды;

г) педагогика сотрудничества.

9. Руководитель I Опытной станции Наркомпроса:

а) С.И. Гессен;

б) С.Т. Шацкий;

в) А.С. Макаренко;

г) К.Н. Вентцель.

10. I Опытную показательную школу-коммуну в Беларуси создал (а):

а) П.П. Блонский;

б) Н.К. Крупская;

в) П.Н. Лепешинский;

г) В.В. Зеньковский.

2.5. Характеристика развития социальной педагогики в Беларуси (конец 50-х – первая половина 90-х годов XX столетия)

Заполните таблицу

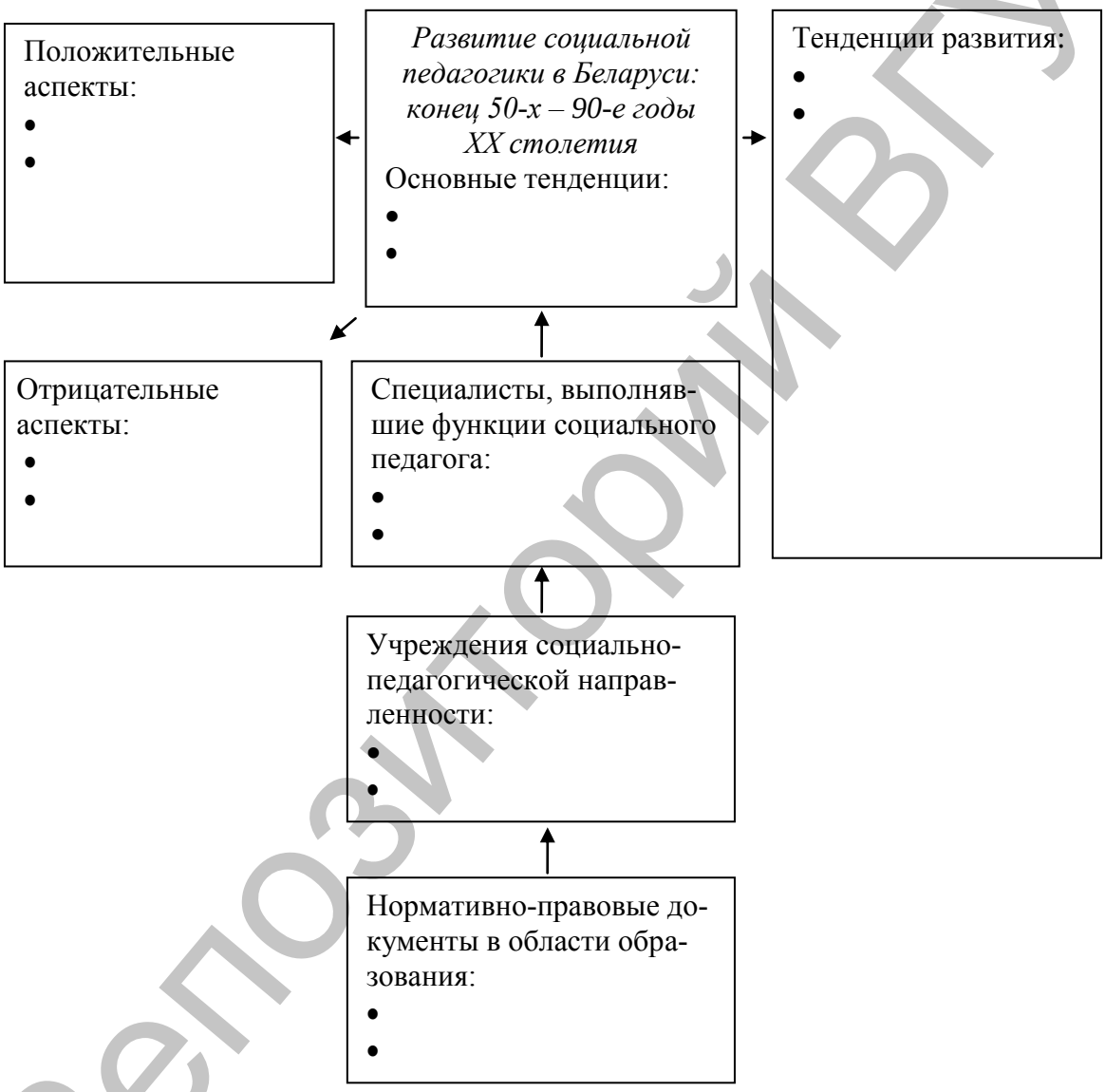
Деятельность учреждений социально-педагогической направленности

Учреждение	Цель деятельности
Консультационный пункт для родителей по вопросам воспитания	
Совет общественности по работе с детьми и подростками при домовых комитетах в государственном жилищном фонде БССР	

Репозиторий ВГУ

Детские комнаты, организованные на общественных началах при домоуправлениях	
Социальная служба помощи детям и молодежи	

Заполните схему

Заполните пустые клетки

1.	2.
Ученые	Основные труды (статьи)
И.В. Харламов	
	Работа классного руководителя по воспитанию дисциплины
Т.К. Короткина	

Репозиторий ВГУ

	Воспитательная работа со старшеклассниками (из опыта работы)
А.И. Кочетов	
	Воспитание учащихся по месту жительства

Вопросы для самостоятельного изучения

- Как развивалось теоретическое осмысление проблем социально-педагогического характера?
- Выявите положительные и отрицательные аспекты в практике организации взаимодействия школы и семьи в воспитании ребенка?
- Почему практика социальной педагогики по-прежнему вела за собой развитие теории?
- Что стимулировало развитие социальной педагогики в рассматриваемый период времени?
- Почему семья занимала второе после школы место в воспитании ребенка?
- Какие проблемы тормозили развитие отечественной социальной педагогики?

Прокомментируйте следующие высказывания

- Правильная постановка воспитания детей в школе, личный пример родителей и всех взрослых является одним из важных средств формирования у детей их взглядов, поступков, поведения в обществе.
- Что вы понимаете под тезисом В.А. Сухомлинского «Надо понимать движение детского сердца»?
- У учителя, умеющего воспитывать знаниями, эти знания, приобретаемые учениками, выступают как инструмент, с помощью которого ученики сознательно осуществляют новые шаги в познании мира.
- Согласны ли вы с мнением А.И. Кочетова, что «перевоспитание результативно в том случае, если оно четко спланировано, опирается на основы науки, а не является лишь стихийной импровизацией учителя»?

Контрольные задания

I. Заполните хронологическую таблицу

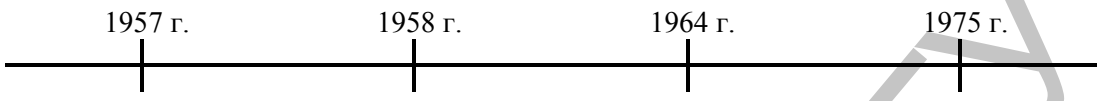
1. Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности».

Репозиторий ВГУ

2. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

3. Закон БССР «О народном образовании».

4. Постановление Министерства просвещения БССР «О мерах по ликвидации безнадзорности и преступлений среди несовершеннолетних».

II. Выполните тест

1. Развитие гуманистических ориентиров в педагогике, фрагментарный опыт социально-педагогической деятельности, отсутствие профессиональных социально-педагогических кадров стимулировали развитие отечественной социальной педагогики в:

а) 1960–1980-е гг.;
б) 1930–1940-е гг.;
в) 1940–1950-е гг.;
г) 1960–1970-е гг.

2. Должность «организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы с детьми» была введена в штат белорусских школ в:

а) 1977 г.;
б) 1997 г.;
в) 1957 г.;
г) 1967 г.

3. «Жековская педагогика» начала развиваться в:

а) 1960-е гг.;
б) 1930-е гг.;
в) 1990-е гг.;
г) 1920-е гг.

4. Развитие социально-педагогических комплексов началось в:

а) 1920–1930-е гг.;
б) 1970–1980-е гг.;
в) 1990–2000-е гг.;
г) 1910–1920-е гг.

5. Детские дома и школы-интернаты были основной формой призрения в Беларуси в:

а) 1900–1920-е гг.;

Репозиторий ВГУ

б) 1720–1730-е гг.;
в) 1840–1850-е гг.;
г) 1960–1990-е гг.

6. Должность «педагог-организатор» была введена в штаты домоуправлений в:
а) 1958 г.;
б) 1968 г.;
в) 1978 г.;
г) 1988 г.

7. Должность «педагог социальный» была введена в штаты учебно-воспитательных учреждений Беларуси в:
а) 1966 г.;
б) 1976 г.;
в) 1986 г.;
г) 1996 г.

8. Советы общественности по работе с детьми при домовых комитетах в государственном жилищном фонде БССР учреждены в:
а) 1934 г.;
б) 1944 г.;
в) 1954 г.;
г) 1964 г.

9. Положение о детских комнатах на общественных началах при домоуправлениях и жилищно-эксплуатационных конторах принято в:
а) 1937 г.;
б) 1947 г.;
в) 1957 г.;
г) 1967 г.

10. Положение об инспекторе школ по охране детства принято в:
а) 1985 г.;
б) 1986 г.;
в) 1987 г.;
г) 1988 г.

Репозиторий ВГУ

2.6. Проблемы и тенденции развития отечественной и зарубежной социальной педагогики в период со второй половины 90-х годов XX столетия по настоящее время

Заполните таблицы

Таблица 1 – Сравнительно-сопоставительный анализ определения объекта и предмета исследования социальной педагогики белорусскими, российскими и украинскими учеными

Ученые	Объект социальной педагогики	Предмет социальной педагогики
А.В. Мудрик		
В.Д. Семенов		
А.И. Левко		
А.В. Басов		
В.Г. Бочарова		
Н.П. Бурая		
Л.И. Мищик		
Л.Г. Ковалев		
Л.А. Штефан		
И.И. Калачева		
В.Н. Наумчик		
М.А. Галагузова		

Таблица 2 – Сравнительная характеристика направлений и содержания социально-педагогической деятельности

Страна	Общее и особенное в содержании социально-педагогической деятельности
Беларусь	
Германия	
Израиль	
Франция	
Норвегия	
Швеция	
США	
Великобритания	

Репозиторий ВГУ

Таблица 3 – Задачи и направления социально-педагогической деятельности

Страна	Задачи социально-педагогической деятельности	Направления социально-педагогической деятельности
Беларусь		
Германия		
Франция		
Израиль		
Норвегия		
Швеция		
США		
Великобритания		

Таблица 4. Сравнительная характеристика систем подготовки специалистов социальной и образовательной сфер

Страна	Общее и особенное в содержании подготовки социальных педагогов/социальных работников
Беларусь	
Германия	
Израиль	
Франция	
США	
Великобритания	

Таблица 5 – Подготовка специалистов по социальной педагогике и социальной работе

Страна	Специализации
Беларусь	
Россия	
Франция	
Израиль	

Заполните пустые клетки

1.	2.
Ученые	Основные труды (статьи)
В.Н. Наумчик	
	Социальная педагогика: диалог

Репозиторий ВГУ

	науки и практики
А.В. Басов	
	Социальная педагогика
А.И. Левко	
	История социальной педагогики

Соотнесите понятие и его автора

Л.И. Мищик	Социальная педагогика – наука о воспитательных влияниях социальной среды
Л.Г. Ковалев, И.Д. Зверева, С.Р. Хлебик	Социальная педагогика изучает социальные проблемы человека на различных этапах его возрастного развития, среду его жизнедеятельности, педагогические технологии, методы, направленные на повышение действенности социального развития, воспитания и обучения конкретного человека с учетом его индивидуальных возможностей, а также педагогические возможности среды жизнедеятельности человека и их влияние на его социальное развитие, воспитание
Н.П. Бурая	Социальная педагогика – наука о сущности, закономерностях и тенденциях воспитания в разных социальных институтах (в том числе в школе, во внешкольных учреждениях и т.п.)
В.Н. Наумчик, М.А. Паздников	Социальная педагогика – относительно молодое направление педагогики, задача которого – помочь юному поколению в социализации
В.А. Никитин	Социальная педагогика – отрасль знания, изучающая социальное воспитание в контексте социализации
Л.А. Штефан	Социальная педагогика – наука, исследующая влияние социальных факторов среды на социализацию подрастающего поколения, разрабатывающая и реализующая эффективную систему мероприятий по оптимизации воспитания на уровне личности, группы и территории с учетом конкретных условий социальной среды
А.В. Басов	Социальная педагогика – это самостоятельная отрасль научных знаний, направленная на выработку и систематизацию новых, объективных знаний о педагогическом влиянии на взаимодействие личности и социума на протяжении всех ее возрастных этапов в различных сферах

Репозиторий ВГУ

	жизнедеятельности
А.В. Мудрик	Социальная педагогика – комплексная научно-практическая дисциплина о социальном воспитании подрастающих поколений, которая возникла на стыке педагогики, социологии, культурологии и психологии
В.Г. Бочарова	Социальная педагогика – это наука о социально-педагогических механизмах формирования личности в социуме, гармонизации взаимоотношений на микро-, меза- и макроуровнях
Л.В. Мардахаев	Социальная педагогика – это теория и практика познания, регулирования и реализации образовательно-воспитательными средствами процесса социализации и реализации человека, результатом которого является приобретение индивидом ориентаций и поведения (убеждений, ценностей, соответствующих чувств и действий) по отношению к различным слоям и группам населения, обеспечение соответствующего уровня и вида социальной адаптации и социального функционирования
В.Д. Семенов	Социальная педагогика – это область общей педагогики, наука про закономерности и механизмы становления и развития личности в процессе получения образования и воспитания в различных социальных институтах, а также социально ориентированная деятельность образовательных, научных, культурных и других учреждений и социальных служб, которые способствуют формированию социальной активности детей и молодежи в процессе решения общественных, политических, экономических и других проблем общества

Вопросы для самостоятельного рассмотрения

- Что, на Ваш взгляд, может способствовать более активному развитию социальной педагогики как отрасли знания?
- Какие проблемы и достижения есть в отечественной социально-педагогической деятельности?
- Как Вы считаете, является ли актуальным зарубежный опыт подготовки специалистов по социальной педагогике для отечественной системы профобразования социально-педагогических кадров?
- Что можно взять из зарубежного опыта в целях совершенствова-

Репозиторий ВГУ

ния организации социально-педагогической деятельности в Беларуси?

Прокомментируйте следующее высказывание

- Белорусский ученый А.С. Никончук, касаясь проблемы профотбора абитуриентов, отмечал: «Необходимо привести к здравому смыслу процедуру набора абитуриентов, чтобы на эту специальность поступали те, кто проявил склонности и готовность к этой работе (рекомендации педколлективов, практикующих социальных педагогов, более глубокое тестирование и т.п.). Процедура эта важна и деликатна, но тем не менее необходима, ибо социальный педагог – та профессия, для которой и теоретическая подготовка, и наученность по методике могут ничего не стоить, если ее конкретный представитель будет обделен даром человеколюбия, милосердия, коммуникабельности, умением расположить к себе и способностью "заглянуть в душу", восприняв чужую боль как свою». Согласны ли Вы с данной точкой зрения? Аргументируйте ответ.

Контрольное задание

I. Закончите предложения

1. А.В. Мудрик, Л.И. Мищик, Л.А. Штефан считают, что социальная педагогика должна решать проблемы…
2. В.Н. Наумчик, М.А. Паздников, В.А. Никитин полагают, что социальная педагогика призвана исследовать…
3. А.В. Басов, В.Д. Семенов, Л.Г. Ковалев придерживаются точки зрения, что социальная педагогика призвана решать…
4. «Словарь по социальной педагогике и социальной работе» под редакцией И.И. Калачевой, Я.Л. Коломинского, Л.И. Левко определяет социальную педагогику как…
5. Наука о воспитательных влияниях социальной среды…
6. Первый набор студентов – будущих социальных педагогов в Беларуси был сделан университетом… в …
7. В национальную систему профессиональной подготовки социальных педагогов входят следующие уровни:…
8. Начало подготовке специалистов в области социальной педагогики в западных странах было положено в …

II. Заполните хронологическую таблицу

1. Первый образовательный стандарт Республики Беларусь по подготовке социальных педагогов.
2. Начало издания журнала «Сацыяльна-педагагічная работа».
3. I Республиканский конкурс профессионального мастерства со-

Репозиторий ВГУ

циальных педагогов «Лучший социальный педагог года».

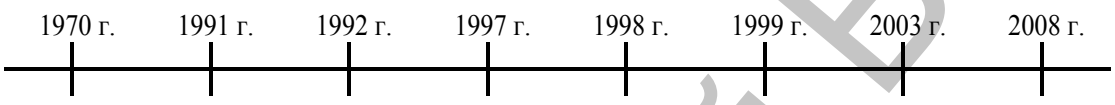
4. Начало работы Белорусской ассоциации социальных педагогов и социальных работников.

5. Второй образовательный стандарт Республики Беларусь по подготовке социальных педагогов.

6. Первый набор студентов – будущих социальных педагогов Белорусским государственным педагогическим университетом им. М. Танка.

7. Подготовка социальных педагогов региональными вузами Беларуси.

8. Подготовка социальных педагогов в Германии в условиях высшего образования.

III. Выполните тест

1. Должность «педагог социальный» в Республике Беларусь официально была введена в:

а) 1999 году;
б) 1996 году;
в) 1991 году;
г) 1990 году.

2. Должность «педагог социальный» в России официально была введена в:

а) 1991 году;
б) 1990 году;
в) 1999 году;
г) 1996 году.

3. Социальная педагогика является самостоятельной областью профессиональной деятельности в:

а) США;
б) Норвегии;
в) Великобритании;
г) Франции.

4. Социальную работу по защите детства осуществляют сектора Специального воспитания и Специальной превенции в:

а) России;
б) Беларуси;
в) Франции;

Репозиторий ВГУ

г) Швеции.

5. Социально-педагогическая деятельность является составной частью социальной работы в:

а) Швеции;
б) Беларуси;
в) Норвегии;
г) Израиле.

6. Социальная работа представлена следующими направлениями: в здравоохранении, в области реабилитации, с умственно отсталыми детьми – в:

а) Англии;
б) Израиле;
в) Беларуси;
г) Украине.

7. При подготовке социальных педагогов/социальных работников на практику отводится до 50% учебного времени в:

а) России;
б) Германии;
в) Великобритании;
г) Беларуси.

8. В англоязычных странах студента во время прохождения практики курирует (ют):

а) один руководитель;
б) четыре руководителя;
в) два руководителя;
г) три руководителя.

9. В Германии обучение социальных педагогов осуществляется с:

а) 1907 года;
б) 1917 года;
в) 1908 года;
г) 1911 года.

10. Первая профессиональная школа социального обучения во Франции, осуществлявшая подготовку работников социально-педагогической сферы была основана в:

а) 1907 году;
б) 1917 году;
в) 1937 году;
г) 1927 году.

Репозиторий ВГУ

РАЗДЕЛ 3
МИНИ-АНТОЛОГИЯ ПО КУРСУ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ»

3.1. Выдержки из трудов ученых по проблемам социальной педагогики

ПЛАТОН
Протагор

...Пока родители живы, они с малолетства учат и вразумляют своих детей и делают это до самой своей смерти. Чуть только ребенок начинает понимать слова, и кормилица, и мать, и дядька, и сам отец бьются над тем, чтобы он стал как можно лучше, уча его и показывая ему при всяком деле и слове, что справедливо, а что несправедливо, что прекрасно, а что гадко, что благочестиво, а что нечестиво, что можно делать, а чего нельзя. И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его словно кривое, согнувшееся деревцо выпрямляют угрозами и побоями. А потом, когда посылают детей к учителям, велят учителю гораздо больше заботиться о благонравии детей, чем о грамоте и игре на кифаре. Учителя об этом и заботятся; когда дети усвоили буквы и могут понимать написанное, как до той поры понимались голоса, кладут перед ними на скамьях творения хороших поэтов, чтобы те их читали, и заставляют детей заучивать их, а там много наставлений, много поучительных рассказов, содержащих похвалы и прославления древних доблестных мужей, и ребенок, соревнуясь, подражает этим мужам и стремится на них походить. И кифаристы, со своей стороны, заботятся об их рассудительности и о том, чтобы молодежь не бесчинствовала; к тому же, когда те научатся играть на кифаре, они учат их творениям хороших поэтов-песнотворцев, согласуя слова со звуками кифары, и заставляют души мальчиков свыкаться с гармонией и ритмом, чтобы они стали более чуткими, соразмерными, гармоничными, чтобы были пригодны для речей и для деятельности: ведь и вся жизнь человеческая нуждается в ритме и гармонии. Кроме того, посылают мальчиков к учителю гимнастики, чтобы крепость тела содействовала правильному мышлению и не приходилось бы из-за телесных недостатков робеть на войне и в прочих делах.

...Зевс, испугавшись, как бы не погиб весь наш род, посылает Гермеса ввести среди людей стыд и правду, чтобы они служили украшением городов и дружественной связью. Вот и спрашивает Гермес

Репозиторий ВГУ

Зевса, каким же образом дать людям правду и стыд. «Так ли их распределить, как распределены искусства? А распределены они вот как: одного, владеющего искусством врачевания, хватает на многих, не сведущих в нем; то же и со всеми прочими мастерами. Значит, правду и стыд мне таким же образом установить среди людей или же уделить их всем?» «Всем, – сказал Зевс, – пусть все будут к ним причастны; не бывать государствам, если только немногие будут этим владеть, как владеют обычно искусствами. И закон положи от меня, чтобы всякого, кто не может быть причастен к стыду и правде, убивать, как язву общества».

Законы

…Священная наша обязанность – выплатить им (родителям) самые большие и настоятельные долги – главнейшие из всех повинностей; мы должны сознавать, что все, чем мы обладаем и что имеем, принадлежит тем, кто нас родил и вскормил; потому-то и должно по мере сил предоставлять все это к их услугам; во-первых – наше имущество, затем – наше тело, наконец – нашу душу. Только этим можем мы отплатить нашим родителям, когда они состарятся и нужды их увеличатся, за их заботливость, за муки родов и давние страдания, которые они претерпели ради нас в нашем детстве. Всю свою жизнь надо с особым благоговением относиться к своим родителям, выражая его в речах, потому что тяжкой бывает кара за легкомысленные, брошенные мимоходом слова... Не оставим также без определения того, что мы разумеем под воспитанием. Ведь теперь, порицая или хваля воспитание отдельных лиц, мы называем одних из нас воспитанными, а других – нет, причем иной раз прилагаем это обозначение и к людям, вся воспитанность которых заключается в умении вести мелкую или морскую торговлю и в других подобных сноровках. В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием не это, а то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или же властвовать. Только это, кажется мне, можно признать воспитанием... Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество или какое-нибудь иное искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это имя.

...Хорошо воспитанные дети легко станут хорошими людьми и, став такими, все остальное будут делать прекрасно, в том числе и побеждать в битвах врагов. Воспитание ведет и к победе, победа же иной раз – к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков. Я утверждаю: ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или нет. Если дело поставлено

Репозиторий ВГУ

так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь одним и тем же забавам, то все это служит незыблемости также серьезных узаконений. Если же молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи, если они не довольны всегда своим внешним обликом и убором, не признают раз и навсегда установленных правил о том, что благообразно и что безобразно, но особенно высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то новшества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в другие подобные вещи, то мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более гибельного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и заставляет их бесчестить старое и почитать только новое.

...Самое великое зло – это господство страсти, когда душа дичает от вожделений. Всего более это проявляется в том, к чему у большинства имеется самое частое и сильное стремление, то есть в насилии, которое следствие дурных природных свойств и воспитания порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества либо денег. Причиной же невоспитанности служит распространенное среди эллинов и варваров мнение, превратно восхваляющее богатство. Признавая богатство первым из благ – между тем как на самом деле оно стоит лишь на третьем месте, – они портят и самих себя, и свое потомство. Насколько лучше и прекраснее было бы, если бы во всех государствах господствовал истинный взгляд на богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради души.

...Из-за страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем, кроме своего собственного достатка. Душа всякого гражданина привязана к этому и больше уже ни о чем не заботится, кроме как о каждодневной выгоде. Всякий про себя полон готовности изучить те науки и те занятия, что ведут к этой цели; все же прочее у них подвергается осмеянию. ...Из-за ненасытной страсти к золоту и серебру всякий готов прибегнуть к любым уловкам и средствам, достойные ли они или нет, лишь бы разбогатеть. Благочестив ли поступок или нечестен и безусловно позорен, это его не трогает, лишь бы только обрести обильную пищу, питье и, словно зверь, предаваться всевозможному сладострастию.

Государство

...Значит, у кого нет опыта в рассудительности и добродетели.., кто вечно проводит время в пирушках и других подобных увеселениях, того, естественно, относит вниз, а потом опять к середине, а вот так они блуждают всю жизнь. Им не выйти за эти пределы: ведь они никогда не взирали на подлинно возвышенное и не возносились к не-

Репозиторий ВГУ

му, не наполнялись в действительности действительным, не вкушали надежного и чистого удовольствия; подобно скоту, они всегда смотрят вниз, склонив голову к земле... и к столам; они пасутся, обжираясь и совокупляясь, и из-за жадности ко всему лягут друг на друга, бодаясь железными рогами, забивая друг друга насмерть копытами – все из-за ненасытности, так как они не заполняют ничем действительным ни своего действительного начала, ни своей утробы.

...Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в постройках или в любой своей работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное? Кто не в состоянии выполнить это требование, того нам нельзя допускать к мастерству, иначе наши стражи, воспитываясь на изображениях порока, словно на дурном пастбище, много такого соберут и поглотят, – день за днем, по мелочам, но в многочисленных образцах, и из этого незаметно для них самих составится в их душе некое единое великое зло. Нет, надо выискивать таких мастеров, которые по своей одаренности способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам, подобно жителям здоровой местности, все шло на пользу, с какой бы стороны ни представилось их зрению и слуху что-либо из прекрасных произведений: это словно дуновение из благотворных краев, несущее с собой здоровье и сразу же, с малых лет, незаметно делающее юношей близкими прекрасному слову и ведущее к дружбе и согласию с ним.

История социальной педагогики: хрестоматия-учеб. /
под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – С. 26–30.

АРИСТОТЕЛЬ

Политика

Книга VIII

I часть

1. Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит от того ущерб. Ведь для каждой формы государственного строя соответственное воспитание – предмет первой необходимости: каждая форма государственного строя отличается присущим ей характером, который обыкновенно и служит к сохранению самого строя и определяет его изначала, как, например, демократический характер строя – демократию, олигархический – олигархию. И всегда наилучший характер государственного

Репозиторий ВГУ

строя обусловливает собой и более высокую его форму.

2. Далее, все (прирожденные) способности (человека), всякое практическое применение их для соответственной каждой из них работы нуждаются в предварительном воспитании и в предварительном приноравливании. Очевидно, все это необходимо и для проявления деятельности в духе добродетели. А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы. Теперь всякий печется о воспитании своих детей по-своему, каждый и учит их по-своему, как ему вздумается. На деле же то, что имеет в виду общий интерес, должно быть и делаемо сообща. Не следует, сверх того, думать, будто каждый гражданин – сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. А забота о каждой частице, естественно, должна иметь в виду попечение о всем целом, вместе взятом.

3. В этом отношении можно одобрить лакедемонян: они прилагают очень большие заботы о воспитании детей, и оно носит у них общегосударственный характер. Итак, ясно, должны существовать узаконения, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим. Но нельзя оставить без внимания и того, что вообще представляет собою воспитание и как оно должно быть организовано. В настоящее время на этот счет существуют различные точки зрения: не все согласны в том, нужно ли вести обучение молодых людей в целях воспитать в них добродетель, или же [вести это воспитание так], чтобы молодые люди могли достигнуть наибольшего счастья; не выяснено также и то, на что нужно обращать при воспитании преимущественное внимание, на развитие ли интеллектуальных способностей, или на развитие нравственных качеств.

4. Вследствие такой неустойчивости во взглядах на современное воспитание и обсуждение (связанных с ним вопросов) является сумбурным, и остается совершенно невыясненным, нужно ли развивать в детях те их душевные свойства, которые им не пригодятся в практической жизни, или те, которые имеют в виду добродетель, или, наконец, те, что ведут к высшему отвлеченному знанию. Каждый из приведенных здесь взглядов имеет своих защитников. Не пришли также ни к какому соглашению и насчет того, что же ведет к добродетели. Так как далеко не все ценят одну и ту же добродетель, то – логическое отсюда следствие – разногласия и в вопросе, касающемся ее применения на практике.

II часть

1. Совершенно очевидно, что из числа полезных (в житейском обиходе) предметов должны быть изучаемы те, которые действитель-

Репозиторий ВГУ

но необходимы, но не все без исключения. Так как все занятия людей разделяются на такие, которые приличны для свободорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то, очевидно, из первого рода занятий должно участвовать лишь в тех, которые не обратят человека, занимающегося ими, в ремесленника. Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают физические, психические и интеллектуальные силы свободорожденных людей непригодными для применения их к добродетели и для связанной с нею деятельности. Оттого-то мы и называем ремесленными такие искусства и занятия, которыми ослабляются физические силы. Это те работы, которые исполняются за плату; они отнимают досуг для развития интеллектуальных сил человека и принижают их.

2. И из числа «свободных» наук свободорожденному человеку можно изучать некоторые только до известных пределов; чрезмерно же налегать на них с тем, чтобы изучить их во всех деталях, причиняет указанный выше вред. Большая разница существует в том, для какой цели всякий что-нибудь делает или изучает. Если это совершается в личных интересах, или в интересах друзей, или, наконец, в интересах добродетели, то оно достойно свободорожденного человека; но поступать точно таким же образом в интересах чужих зачастую может оказаться поведением, свойственным наемнику и рабу. Распространенные ныне предметы обучения, как уже замечено выше, носят двойственный характер.

3. В настоящее время обычными предметами обучения являются следующие четыре: грамматика, гимнастика, музыка и иногда рисование. Из них грамматика и рисование изучаются как предметы, полезные в житейском обиходе и часто имеющие практическое применение; гимнастикой занимаются потому, что она способствует развитию мужества. Что касается музыки, то может, пожалуй, возникнуть сомнение [в пользе ее изучения], так как теперь большею частью занимаются музыкою только ради удовольствия. Но предки наши поместили музыку в число общеобразовательных предметов потому, что сама природа, как на это было указываемо неоднократно, стремится доставить нам возможность не только правильно направлять нашу деятельность, но и прекрасно пользоваться нашим досугом. А последний – мы снова подчеркиваем это – служит основным принципом всей нашей деятельности.

4. Если же необходимы и деятельность и досуг и досуг должен быть в значительной степени предпочтен деятельности, то возникает вопрос, чем досуг этот нужно заполнить. Конечно, не игрой же, так как в таком случае она неизбежно оказалась бы конечною целью нашей жизни. Раз это невозможно, то играм должно скорее уделить место

Репозиторий ВГУ

среди нашей деятельности: ведь трудящемуся человеку потребен отдых, а игра и существует ради отдохновения, деятельность же всякого рода влечет за собою напряженный труд. Поэтому игры должны иметь свое место, но при этом, назначая время игр, нужно пользоваться удобным для того моментом, так как они служат своего рода лекарством: движение при играх ведет к успокоению души и благодаря тому, что с игрою связано и развлечение, оно содействует ее отдохновению.

5. Но досуг, очевидно, заключает уже в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь, и все это выпадает на долю не занятых людей, а людей пользующихся досугом. Делающий что-либо делает это ради чего-либо, так как цель им еще не достигнута, между тем как счастье само по себе есть цель, и оно соединяется в представлении всех людей не с горем, но с наслаждением. Однако это наслаждение не все еще признают тождественным для всех; каждый определяет наслаждение в соответствии со своей индивидуальностью и присущими ей свойствами; наилучший человек предпочитает, конечно, наилучшее наслаждение, то, которое проистекает из наилучших его свойств. Отсюда ясно, что для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему научиться, кое в чем воспитаться и что как это воспитание, так и это обучение заключает цель в самих себе, между тем как то обучение, которое признается необходимым для применения его к деловой жизни, имеет в виду другие цели.

6. Поэтому-то и наши предки поместили музыку в число общевоспитательных предметов, не как предмет необходимый (никакой настоятельной необходимости в обучении музыке нет) и не как предмет общеполезный вроде грамотности, которая нужна и для ведения денежных дел, и для домоводства, и для научных занятий, и для многих отраслей государственной деятельности. И рисование также, очевидно, изучается потому, что оно приносит пользу при лучшей критической оценке художественных произведений, как, в свою очередь, гимнастика служит укреплению здоровья и развитию физических сил. Ничего подобного занятия музыкой не дают. Поэтому остается принять одно, что она служит для заполнения нашего досуга и с этою-то целью она, очевидно, и введена в обиход воспитания. В самом деле (те, кто вводят музыку в число предметов воспитания), полагают, очевидно, что она служит интеллектуальным развлечением свободорожденных людей. Поэтому-то и Гомер выразился так: «Только его одного приглашать надлежит к богатому пиру»; он говорит также и о других, кого следует приглашать, и продолжает: «Кто приглашает певца, который всех услаждает». В другом месте Одиссей говорит, что наилучшим времяпрепровождением бывает такое, когда среди веселящихся людей «гости в домах рядом по чину сидят, песнопевцу внимая».

Репозиторий ВГУ

III часть

1. Итак, ясно, имеется и такого рода воспитание, которое родители должны давать своим сыновьям не потому, чтобы оно было практически полезно или необходимо для них, но потому, что оно достойно свободорожденного человека и само по себе прекрасно. Входит ли в круг этого воспитания один предмет, или их несколько, и каковы они, и как (они должны быть поставлены), о всем этом мы скажем впоследствии. Теперь же из наших предварительных указаний достаточно выяснилось, что уже древние свидетельствуют в пользу нашего мнения об обычных предметах воспитания; музыка подтверждает это и с фактической стороны. Сверх того, [в пользу нашего мнения говорит следующее]: детей следует обучать общеполезным предметам не только в интересах получаемой от этого пользы – таково, например, обучение грамоте, но и потому, что благодаря этому обучению возможно бывает сообщить им целый ряд других сведений.

2. Так обстоит дело с рисованием: и его изучают не ради того, чтобы не впасть в ошибку при своих собственных покупках или чтобы не подвергнуться обману при покупке и продаже домашней утвари, но рисование изучают потому, что оно развивает глаз при определении физической красоты. Вообще, искать повсюду лишь одной пользы всего менее приличествует людям высоких душевных качеств и свободорожденным. Ясно, что в деле воспитания развитие навыков должно предшествовать развитию ума и что физическое воспитание должно предшествовать воспитанию интеллектуальному. Отсюда следует, что мальчиков должно (прежде всего) отдавать в руки учителей гимнастики и педотрибов: первые приведут в надлежащее состояние их организм, а вторые будут направлять соответствующим образом их занятия гимнастикой.

3. Среди греческих государств, которые, по общепринятому мнению, в настоящее время прилагают всего более забот о воспитании молодежи, почти все стремятся придать ему «атлетическое» направление и тем самым калечат фигуру детей и мешают их естественному росту. Лакедемоняне в такую ошибку не впали, зато постоянными тяжелыми упражнениями они обращают детей в своего рода диких животных; поступают они так в том расчете, будто бы это всего более полезно для развития мужества. Однако, как на это часто было указываемо, не следует обращать все свои заботы на эту одну цель, не следует преимущественно ее иметь в виду. Далее, если бы и стремиться только к ее достижению, все равно этим ничего не достигнешь. Ведь ни у животных, ни у варварских племен мы не замечаем того, чтобы храбрость непременно отличала самых диких из них; напротив, она скорее свойственна бывает животным, отличающимся более кротким

Репозиторий ВГУ

нравом, похожим на нрав львов. (...)

4. Отсюда следует, что в воспитании первую роль должно играть прекрасное, а не дико животное. Ведь ни волк, ни какой-либо другой дикий зверь не стал бы бороться с тою опасностью, цель которой – прекрасное; на такую опасность скорее рискнет мужественный человек. Но те люди, которые при воспитании храбрости в детях допускают чрезмерную ретивость, которые оставляют их невоспитанными по части всего того, что им необходимо для жизни, делают из детей, по всей справедливости, ремесленников. Они делают детей полезными только для разрешения одной из задач, связанных с ролью человека в государстве, но и в этом отношении, как показывают наши соображения, они поступают хуже других. Судить о всем этом нужно не по фактам прошлого, а по фактам настоящего: теперь у лакедемонян есть соперники по части гимнастического воспитания, а ранее у них таких соперников не было.

История социальной педагогики: хрестоматия-учеб. /
под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – С. 32–37.

МАРК КВИНТИЛИАН

О воспитании оратора

Книга первая
Глава I

Первоначальное воспитание детей до поступления их в школу

Как только родится сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это сделает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратит труд и время. Напротив, мы найдем немалое число людей восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека: как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам достались в особенный удел разум и понятливость; это заставляет думать, что наша душа небесного происхождения. Тупые и не поддающиеся учению умы появляются столько же против законов природы, как и всякие другие уроды и чудовища в физической природе, но таких бывает очень мало. Доказательством этого служит то, что дети подают иногда блестящие надежды, которые потом, с годами, исчезают; следовательно, не природа виновата, а недостаток воспитания служит тому причиной. Я согласен, что один имеет более ума, чем другой; это доказывает только, что один может сделать больше другого, однако

Репозиторий ВГУ

не найдешь никого, кто бы не достиг чего-нибудь прилежанием...

Некоторые думают, что не следует начинать учить детей раньше семилетнего возраста, так как, по их мнению, до этого времени ни способности, ни физические силы детей не позволяют еще заниматься учением... Но основательно рассуждают те, которые думают..., что ни одного времени в жизни человеческой не следует опускать без внимания; хотя этот философ и соглашается оставлять детей на руках кормилицы на три года, однако требует, чтобы и тогда их наставляли всему хорошему. Так почему же нельзя бы приучить к наукам в таком возрасте, когда можно приучать к благонравию? И я знаю, что во все это время, о котором здесь говорится, едва ли дети успевают столько, сколько могут успеть в один год после. Но мне кажется, что те, которые в данном случае не согласны со мной, жалели труда не столько учащихся, сколько учащих. Кроме того, чем же лучше заниматься ребенку, как только он начнет говорить? А упражнение, какое бы то ни было, ему необходимо. Зачем же в ожидании семилетнего возраста пренебрегать выгодой, какова бы она ни была? Правда, в таком раннем возрасте он немногому научится, однако чему-нибудь все больше научится в тот год, когда ему следовало бы учиться и этому немногому. Таким образом, он год от года будет приобретать познания и достигнет желаемого успеха; и сколько времени выиграется в детстве, столько сбережется для юношества. То же самое следует сказать и о последующих годах: что нужно знать, тому не хорошо поздно учиться. Итак, не станем напрасно терять времени, тем более что для начал всякой науки нужна одна память, которою дети одарены в самой высокой степени.

И я также принимаю во внимание возраст: не хочу, чтобы ребенка принуждали к учению, не требую от него полного прилежания. Советую еще всего более остерегаться, чтобы ребенок не возненавидел учения, которое полюбить еще не имел времени, и чтобы, испытав однажды горечь, не страшился ее и в зрелом возрасте. Учение должно быть для него забавою; надо поощрять его то просьбами, то похвалами, доводить его до того, чтобы он радовался, когда что-нибудь выучит, и завидовал, когда станут учить другого, если сам вздумает полениться; чтобы соперничал в успехах со своими сверстниками и часто считал себя победителем; для этого не лишни и награды, которые для этого возраста бывают заманчивы.

Я не могу одобрить обыкновения заставлять детей заучивать названия и порядок букв, не показав им прежде начертания или вида их. Это мешает успеху, потому что, зная наизусть буквы, они меньше внимания обращают на вид их, чем на то, что уже у них в памяти; по этой причине учащие должны не всегда показывать им буквы в обык-

Репозиторий ВГУ

новенном, но иногда и в обратном и в различном порядке, пока учащиеся не станут различать их по виду, а не по порядку, подобно тому как различают людей и по лицу и по имени. Но в отношении слогов или складов надо поступать иначе.

Я не осуждаю известного способа заохочивать детей к учению, т.е. давать им вместо игрушки буквы, сделанные из слоновой кости, или что-нибудь другое, чем бы ребенок мог заняться с удовольствием.

Когда же дети начнут учиться письму, то не худо бы давать им дощечки с искусно вырезанными на них буквами, чтобы по черточкам, как по бороздкам, ходил стиль; удерживаемый с обеих сторон, он бы не скользил, как бывает на воску, и дитя путем постоянного подражания научится писать тверже и чище. Тут не нужна и помощь учителя, который водил бы его рукою. Писать скоро и чисто – дело немаловажное, хотя о нем не заботятся иногда достойные люди. Так как среди других занятий письмо составляет особенное упражнение, от которого только и получается истинный и прочный успех, то медленность в этом деле много вредит живости ума, а дурной и неисправный почерк затмевает смысл; от этого происходит новый труд, так как нужно самому пересказать снова то, что понадобится переписать...

Глава II

Лучше ли учить детей дома или следует отдавать в училища?

Представим, что дитя мало-помалу подросло и, выйдя из-под надзора нянек, должно заняться уже настоящим учением. Здесь следует обсудить вопрос: полезнее ли обучать мальчика дома, в семейном кругу, или же лучше посылать его в училище и поручать заботам общественных наставников? Знаю, что самые знаменитые законодатели и выдающиеся писатели высказались за общественное воспитание. Но нельзя, однако, обойти молчанием, что некоторые отвергают этот почти всеобщий обычай. Они основывают свое мнение на двух обстоятельствах: во-первых, на том, что нравственность детей будет в большей безопасности вне толпы товарищей одного возраста, весьма склонного к порокам (о, если бы этот упрек был неоснователен!); во-вторых, на том, что учитель, каков бы он ни был, будет больше времени заниматься одним учеником, чем многими. Первая причина весьма важна, так как, если бы стало известно, что в училищах хотя и приобретаются большие успехи, но зато портится нравственность, я охотно предпочел бы поведение самому высшему красноречию.

Говорят, что в училищах портится нравственность. Это случается иногда, но она портится и в родительском доме, как это подтверждается многими примерами. Природные наклонности и заботливость составляют всю разницу. Если дитя от природы наклонен к дурному, ес-

Репозиторий ВГУ

ли об исправлении его не будут заботиться в юные годы, то он найдет не менее случаев к порокам и без училищных товарищей. Может попасться в дом порочный учитель: пребывание среди испорченных рабов может повредить столько же, сколько между нескромными товарищами. А если дитя имеет доброе сердце, если родители чужды слепой и непробудной беспечности, то можно найти и вполне достойного учителя (и это первая забота благоразумных людей) и приучать питомца к строгому порядку и, сверх того, приставить к нему умного и усердного надзирателя или верного отпущенника, который бы безотлучно находился при нем и удержал бы от худого поведения даже и тех, сообщество которых казалось бы нам подозрительным.

Говорят также, что учитель, имея у себя одного ученика, займется им гораздо больше времени. Но, во-первых, никто не мешает определить особенного наставника к обучающемуся в школе. Но если бы этого и невозможно было сделать, то все-таки лучше предпочесть, по моему мнению, торжественность общественного и благоустроенного собрания уединенности и безызвестности частных домов. Ведь всякий хороший учитель желает иметь как можно больше слушателей и считает себя достойным более обширного поприща. А человек посредственных способностей, чувствуя свою слабость, не пренебрегает местом и в частном доме, а иногда и должностью дядьки. Но положим, что кто-нибудь или благодаря своей знатности, богатству, или по дружбе нашел для себя ученого и превосходного учителя: да может ли он целый день быть при своем ученике? И внимание учащегося может ли не утомиться от постоянного напряжения, как утомляется глаз, слишком долго устремленный на один предмет? Притом же для некоторых занятий требуется уединение. Например, при заучивании уроков, при письме, при размышлении не нужно присутствия учителя; в таких случаях и учитель, и всякий посторонний человек может служить помехою. Также не всякое чтение и не всегда требует помощи наставника. А без чтения как приобрести сведения о многих писателях? Итак, для назначения занятий на целый день требуется немного времени, и потому преподаваемое одному ученику может относиться и к другим, в каком бы числе они ни были. Есть еще предметы, которые должны предлагаться всем вместе. Я не говорю о задачах для сочинений и декламациях учителей риторики; как известно, это делается для одного таким же порядком, как и для большего количества учеников. Голос учителя не уменьшается, как обед, от числа участвующих, но действует на каждого, как солнце с одинаковым светом и теплотою. Когда учитель грамматической школы рассуждает о языке, разрешает недоумения, объясняет стихотворца или историка, он обучает всему этому, сколько бы ни было слушателей.

Но, возразят мне, при большом числе учеников не достанет вре-

Репозиторий ВГУ

мени пересмотреть и исправить упражнения каждого. Я не отрицаю этого неудобства; но в чем оно не встречается? Сравним только с ним и выгоды. Я и сам не советую посылать мальчика в такое училище, где не было бы за ним присмотра. Да и благоразумный учитель не обременит себя излишним количеством учеников; больше всего следует стараться сделать его особенным нам другом, чтобы он при учении руководился не одним долгом, но и расположением к нашему дому. Таким образом, наше дитя не будет забыто в толпе. Притом же всякий сколько-нибудь просвещенный наставник, заметив в ученике прилежание и способность, обратит на него внимание и для собственной своей чести. Впрочем, хотя бы и следовало осуждать многолюдные училища (с чем, однако, я не совсем согласен, если это многолюдство происходит от достоинств наставника), но из этого не следует, чтобы нужно было осуждать все вообще училища. Ведь одно дело – избегать и другое – выбирать.

Сказав кое-что в опровержение тех лиц, которые не одобряют общественных училищ, предложим и наше собственное мнение. Во-первых, будущий оратор, который предназначается для многолюдных собраний и который будет жить как бы пред лицом целого государства, должен с самых юных лет привыкать не страшиться многолюдства и преодолевать ту застенчивость, которая происходит от уединенной и как бы затворнической жизни. Следует постоянно возбуждать и возвышать дух; вместо того он в уединении или слабеет и как бы остается в тени, или, напротив, становится гордым пустой самонадеянностью, потому что тот, кто себя ни с кем не сравнивает, по необходимости слишком много о себе думает. Когда приходится ему потом показать свои знания пред другими людьми, он приходит в замешательство, и все новое затрудняет его, потому что он учился в уединении тому, что следует делать в присутствии многих.

Я не говорю о детских дружественных связях, которые ненарушимо сохраняются до самой старости, как священные обязательства. Они, без сомнения, должны быть таковыми, так как начинаются вместе с учением.

Да и в обыкновенном кругу как научится вести себя тот, кто убегает общежития, свойственного не только людям, но и даже бессловесным животным?

Прибавьте, что дома дитя может учиться только тому, чему учат его одного, а в училище узнает и то, чему учат других. Каждый день он будет слышать, почему одно одобряют, а другое исправляют; будут ли бранить ленивого, будут ли хвалить прилежного, все это обратится ему в пользу. Похвала возбудит в нем соревнование; он постыдится уступить равному, сочтет за честь превзойти старшего. Все это возбу-

Репозиторий ВГУ

дит в нем пламенное усердие к учению; честолюбие хотя и порок, но часто бывает причиною достоинств человека. Я помню, как полезен был для нас обычай, какой наблюдали наши учителя: разделивши учеников на разряды, они назначали очередь говорить, смотря по способностям каждого; прежде всего говорил оказавший больше успехов. Об этом составлялись суждения; каждый старался превзойти других. Быть первым в разряде считалось между нами лучшим отличием. Но это определялось не навсегда; в конце месяца вновь давалось каждому право на состязание. Таким образом, в отличившемся поддерживалось усердие, и в побежденных возникала надежда загладить стыд и получить верх в свою очередь. И это, сколько я могу припомнить, придавало нам больше охоты к учению, чем убеждения учителей, наблюдение педагогов и советы родителей.

Подобно тому как соперничество увеличивает успехи старших, так и в начинающих учиться возникает желание подражать более своим товарищам, чем наставнику, потому что первое для них легче. Ведь было бы слишком смело питать надежду достигнуть той степени красноречия, какую предполагают дети в своем учителе. Поэтому они и хватаются за ближайшее к себе, как виноградные лозы, привязанные к деревьям, сперва вьются около ветвей, а потом поднимаются до вершины. Да и сам учитель, который старается быть более полезным, чем блистать умом, не должен вдруг обременять слабые умы, но обязан соразмерять свои силы с умственными силами учащихся. Как небольшие и с узким горлом сосуды не могут принять много воды зараз, а наполняются постепенно, капля за каплей, так следует судить и о детских умах; что превосходит их понятия, то не пойдет в их ум, еще мало способный к усвоению знаний. Итак, полезно иметь кого-нибудь для того, чтобы сперва ему подражать, а потом его превзойти. Таким образом, можно надеяться постепенно достигнуть и больших успехов. К этому прибавлю еще, что и сами учителя не могут говорить перед одним учеником с таким жаром и силою, какими бывает проникнута их речь в многолюдном собрании. Настоящим очагом красноречия служит душа; для нее нужно возбуждение, нужно, чтобы она наполнялась образами и сливалась, так сказать, с теми предметами, о которых говорим. И чем благороднее и возвышеннее душа, тем сильнее должны быть те двигатели, которые служат для ее возбуждения; поэтому похвала возвышает ее, борьба увеличивает ее силы, и она всегда стремится к великому. Мы чувствуем какое-то тайное отвращение к проявлению пред одним слушателем своего красноречия, которое приобретается такими большими трудами; даже стыдно бывает отступать тогда от обыкновенной речи. И в самом деле, представим себе человека, который пред одним учеником стал бы говорить со всеми

Репозиторий ВГУ

ораторскими приемами, громким голосом, с особого рода жестами и произношением, одним словом, со всем напряжением душевных и телесных сил: не покажется ли он похожим на безумного? Конечно, не было бы между людьми красноречия, если бы всякий из них говорил один на один.

Глава III

Как распознавать способности детей и как обходиться с ними

Благоразумный наставник, прежде всего, должен узнать свойства ума и характера поручаемого ему ученика. Особенный признак ума в малолетних есть память; ее действие двойное: скоро понимать и не забывать, что поняли. К этому следует прибавить подражание, которое также указывает на способности ребенка, но надо смотреть, чтобы он обращал этот дар на то, чему его учат, а не на то, чтобы живо представлять собою лица, в которых заметит какие-нибудь недостатки. Я не могу быть хорошего мнения о том ребенке, который старается только смешить таким подражанием. Переимчивое дитя должно быть вместе с тем и добрым, а иначе пусть останется лучше с медленным, чем со злым умом. Но я здесь под именем доброго отнюдь не имею в виду ребенка неразвязного и вялого во всем. Тот, кого я в данном случае представляю себе, без труда должен понимать учение, обращаться иногда и с вопросами, но чаще следовать за учителем, чем предупреждать его. Скороспелые умы, как преждевременные плоды, почти никогда вполне не созревают. Их можно узнать по той легкости, с какой они исполняют незначительные труды; они смелы и на первых же порах обнаруживают то, к чему они способны. Но силы их не обширны: они, например, при чтении легче разбирают слова, произносят их смело и без запинки. Они делают мало, но скоро; тут нет настоящей силы, нет прочного основания; их можно сравнить с брошенными на самой поверхности земли семенами, которые скоро пускают ростки, но зато дают только похожую на хлеб и пожелтевшую еще до жатвы траву с пустыми колосьями. Правда, такое раннее развитие пленяет нас в детях, но успех их на этом и останавливается, и наше прежнее удивление скоро исчезает.

После таких наблюдений над способностями учащихся учитель замечает, как лучше всего обходиться ему с учениками. Один требует понуждения, другой не терпит строгих приказаний; некоторых сдерживает страх, у других же он отнимает бодрость; иной успевает; от постоянного прилежания другой действует порывами. Я желал бы иметь такого ученика, которого бы поощрял я и похвалы, который был бы чувствителен и к славе, и даже плакал бы, когда отстанет от товарищей. Я не опасаюсь лености и нерадения со стороны того, на кого порицание и почет одинаково хорошо действуют.

Детям, каких бы свойств они ни были, следует давать некоторый

Репозиторий БГУ

отдых не только потому, что нет ничего, что могло бы выдержать непрерывный труд и что даже неодушевленные предметы сохраняют свои силы не иначе, как оставаясь на некоторое время в покое, но и потому, что прилежание зависит от доброй воли, на которую нельзя подействовать принуждением. Таким образом, дети после отдыха охотнее принимаются за учение; ум, которому свойственна свобода, становится бодрее. Я не осуждаю также в детях и любви к играм; это служит проявлением их живости. Напротив, я еще не могу надеяться, что тот задумчивый и всегда угрюмый мальчик, который вял и в играх, наиболее свойственных его возрасту, будет усердно заниматься. Однако при таких роздыхах надо соблюдать меры или середину, чтобы от недостатка их не возникла ненависть к учению, а от излишества – привычка к праздности. Для упражнения детского ума существуют разные забавы: не бесполезно, например, обращаться к ученикам с разными вопросами, на которые бы они старались давать лучшие друг перед другом ответы. Во время игры всего легче распознавать характер детей; нет возраста, в котором бы так скоро перенималось хорошее и худое; тогда-то и нужно заботиться об исправлении всего дурного, так как дети притворяться еще не умеют и легко поддаются убеждениям. Скорее можно переломить, чем исправить старое дерево. Итак, нужно приучать ребенка к тому, чтобы он не делал ничего по прихоти, по злости или небрежно, и всегда помнить, что привычка, приобретенная в детстве, есть великое дело, как говорит Вергилий. Я не одобряю обычая подвергать детей телесному наказанию, хотя это почти всеми принято и не отвергается и Хризиппом. Такое наказание мне кажется низким и свойственным только рабам и справедливо считается жестоким оскорблением для всякого другого возраста. Затем дурной ребенок, которого не исправляют выговоры, привыкнет к побоям и будет терпеть их с рабским упрямством. Наконец, не было бы и нужды прибегать к этому наказанию, если бы заботливый наставник требовал от ученика строгого отчета в его занятиях. В настоящее время проступки детей, которые происходят от небрежности педагогов, исправляются, по-видимому, не тем, что детей заставляют поступать правильно, а только тем, что наказывают их за то, что они этого не исполнили. Притом же, если вы думаете розгою, как единственным средством, принудить ребенка к учению, то как вы поступите с юношей, которому вы не можете грозить этим наказанием, а между тем должны учить его гораздо большему.

История социальной педагогики: хрестоматия-учеб. /
под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – С. 38–46.

Репозиторий ВГУ

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

Великая Дидактика

Глава VI

Человека, если он должен стать человеком, необходимо формировать.

Семена не есть еще плод.

1. Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия. Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать…

Чтобы человек стал человеком, он должен получить образование, что доказывается:

1. На примере прочих творений.

2. Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать, как человек, т. е. не получивши наставления о том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни; предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми; металлы, созданные для важных нужд нашей жизни, нужно добывать, расплавлять, очищать, различным образом отливать и ковать. Без этого от них меньше пользы, чем от земляной грязи. Из растений мы имеем пищу, питье, лекарства, однако таким образом, что травы и хлеба нужно сеять, окапывать, косить, молотить, молоть, толочь, а деревья необходимо сажать и пр., но еще более их нужно обрабатывать самыми разнообразными способами, если что-либо из них должно быть использовано на лекарства или на постройку. Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней. Вот примеры: конь от природы пригоден для военного дела, вол – для упряжки; осел – для ношения тяжестей, собака – для охраны и охоты, сокол и ястреб – для ловли птиц и пр. И все же, если каждое из этих животных мы не приучим к свойственному им

Репозиторий ВГУ

делу упражнениями, то пользы от них будет мало.

Глава VII

Формирование человека легче всего происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.

Сходство человека с растением.

1. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

Формирование человека должно начинаться в раннем возрасте:

2. Вследствие ненадежности настоящей жизни.

3. Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда.

Но уход из этой жизни неподготовленным – дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана затем, чтобы человек или приобрел милость Божию, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания Бога и союза с Ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того, что здесь идет дело о приеме такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

Чтобы он был приготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.

4. Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть, и он был уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же формировать его необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь учению, то бесконечное разнообразие вещей, которые Создатель мира предоставил нашему приятному

Репозиторий ВГУ

созерцанию, так велико, что, если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. Он находил бы повсюду сокрытые сокровища божественной мудрости и из них бы добывал себе средства для счастливой жизни. Итак, рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.

Все всего легче образуется в нежном возрасте.

5. Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок. Молодое дерево можно сажать, пересаживать, подчищать, изгибать как угодно; но, если оно выросло, это невозможно сделать. Так, если кто желает согнуть из дерева лук, ему нужно взять дерево зеленое и молодое; нельзя согнуть старое, сухое, суковатое дерево. Свежие яйца при насиживании легко согреваются и дают птенцов; от старых яиц напрасно будешь ждать этого. Желая приучить к работе барышник – коня, пахарь – вола, охотник – собаку и ястреба (как вожак – медведя к пляске, старуха – сороку, ворона, попугая к подражанию человеческому голосу), избирают молодых и юных животных и птиц; если же выберут старых, то их труды пропадут даром.

Так же формируется и сам человек.

6. Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг (как мы выше сказали), воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск, и в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов». Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр., должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать и сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении мудрости, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память креп-

Репозиторий ВГУ

ка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий начала; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться», – говорит Сенека (Письмо 36).

Человеку дано чрезвычайно большое время для роста, и это время нельзя употреблять на другое.

7. Чтобы человек мог сформироваться как человек, Бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для формирования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели Бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче сформировала человека? Но она ведь без всяких усилий в несколько месяцев образует гораздо большие тела. Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану Творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период не способными к хозяйственной и политической деятельности, стали бы зато более подготовленными для остального времени жизни (даже для вечности).

Только то прочно, что усваивается в раннем возрасте.

8. Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался при первом употреблении. Дерево как распростерло свои ветви в нежном возрасте вверх, вниз, в стороны, так и сохраняет их в течение сотен лет, пока его не срубят. Шерсть так прочно удерживает краску, которой она была первоначально окрашена, что перекрасить ее нельзя. Деревянный обод колеса, затвердев, скорее разлетится на тысячу кусков, чем станет снова прямым. Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились. Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

Получить неправильное воспитание – дело весьма опасное.

9. Наконец, дело чрезвычайно опасное, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Ибо, как только начинают действовать внешние чувства, человеческий дух ни в коем случае не может оставаться в покое и даже не может воздержи-

Репозиторий ВГУ

ваться, чтобы не занять себя полезными делами, если он не будет занят чем-либо самым пустым и (под влиянием дурных примеров испорченного века) даже вредным. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Заключение.

10. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении – благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно формировать небесные растения дли достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М., 1989. – С. 16–26.

Всеобщий совет об исправлении дел человеческих

Часть четвертая
Пампедия
Глава IX
Школа младенчества, материнское попечение, или О заботливом воспитании человеческого потомства от рождения до шестнадцатилетнего возраста

Определение. Младенец есть новорожденный человек, только что вступивший в мир, во всем неразвитый, всецело нуждающийся в воспитании. Все, что здесь надлежит делать, просто, но требует ума, осмотрительности и благоразумия. В выражениях *человек неразвитый* и *нуждающийся в воспитании* первое указывает на материю, или предмет, всех школ, а второе – на цель воспитания и школьной работы. ...Воспитан, обучен и наставлен тот, у кого ум светится наподобие ясного зеркала и показывает весь мир, даже сквозь тьму; язык выполняет службу самого находчивого переводчика всякий раз, как ум пожелает явить свой свет другому уму; рука быстро выполняет работу, если нужны не слова, а дела; нравы полны мягкости и склонны не вредить кому бы то ни было, а служить всем; наконец, сердце полно Бога и всегда пылает желанием угодить Ему и наслаждаться Его благодатью, – словом, воспитанный человек, словно живой образ Божий, умом схватывает все, речью выражает все, делами показывает все, на-

Репозиторий ВГУ

сколько возможно небесконечной природе; способность ко всему этому и есть человеческое совершенство, его истинная воспитанность. Такая вот образованность является и должна быть целью и назначением всех наших школ, прежде всего начальных, и всего нашего воспитания, а его семена надо сеять здесь, в раннем младенчестве, при закладке первых оснований.

Вся надежда на всеобщее исправление человеческих дел зиждется на первичном воспитании.

1. Мы обычно бываем таковы (телом, душой, нравами, стремлениями, речью, поведением), какими нас сделало первое воспитание и следующее за ним обучение в годы отрочества.

2. Мы жалуемся на испорченность века и на растущее во всяком положении, поле, возрасте настроение. Пытаемся мы и исправить друг друга в семье, в школах, в церквах, в государствах разными, по большей части насильственными способами. А ведь насколько было бы лучше понуждать людей уздою разума, а не силой законов и наказаний!

3. Вся сила растения – в семени, поэтому, что заложено в семени, то есть и в растении. Так человек: к чему привыкнет в раннем возрасте, таким остается в старости. Пороки начального воспитания сопровождают нас в течение всей жизни. Поэтому главное обережение рода человеческого – в колыбели...

…В этой школе младенчества должно быть шесть классов: (1) рождения, полмесяца; (2) кормления грудью, шесть месяцев; (3) лепета и первых шагов; (4) говорения и чувственного восприятия; (5) нравов и благочестия; (6) первая школа совместного обучения, или класс первых познаний...

6. *Класс материнского надзора, первого совместного и активного обучения.*

Это своего рода полуобщественная школа, где дети должны приучаться к общению, игре, пению, счету, укрепляться в добрых нравах и благочестии, упражнять чувства и память (без чтения и письма) под присмотром достойных матерей семейств...

Для детей при учении нет более тяжелого труда, чем тот, который приходится вложить в первые элементы: детям стоит больших усилий наука чтения и рисования букв; после преодоления той трудности, словно после обнажения родников, все остальное течет наподобие ручейка. Поэтому стоит каким-то образом подсластить эти первые горькие корни образования, чтобы дети не чувствовали трудности, а это можно сделать, только придав довольно тяжелой этой работе форму игры.

Прежде чем покинуть эту школу, вынесем из нее, поскольку мы стали более зрелыми, несколько полезных напоминаний, которые не-

Репозиторий ВГУ

сомненно помогут отвратить падение людей, семей, государств.

Аксиома I. Пренебрежение воспитанием есть гибель людей, семей, государств и всего мира.

Аксиома II. Приобретенные в семье пороки ведут позже к мучительным трудностям в школах, церквах и общественной жизни.

Аксиома IV. Основа доброго воспитания в том, чтобы все научились понимать, чем отличается человек от животного, чем отличается добрый человек от злого, ученый от неученого, мудрый от глупого и, наконец, чем земная жизнь отличается от будущей и путь, ведущий к блаженству, от пути, уводящего к погибели.

Там же. – С. 129–131.

ДЖОН ЛОКК

Мысли о воспитании

§ I. Здоровый дух в здоровом теле – вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, того лишь в малой степени может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека большей частью является делом его собственных рук. Тот, чей дух – неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути, а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией – как физической, так и духовной, – что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна сила их природной одаренности от самой колыбели влечет их к прекрасному, что благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть, – добрыми или злыми, полезными или бесполезными – благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то самое, что у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они, в конце концов, достигают весьма отдаленных и

Репозиторий ВГУ

далеко отстающих друг от друга мест.

Физическое здоровье.

§ 2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду, но хотя в этом и заключается основная задача воспитания и наша забота должна быть уделена главным образом внутренней стороне человека, однако не следует оставлять без внимания и бренную оболочку... С последней я поэтому начну и прежде всего, рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего, и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть для моего юного джентльмена. Я уверен, что этот здоровый завтрак сделает его столь же сильным человеком, как и более тонкие блюда; да если приучить его к такому завтраку, он и нравиться ему будет не меньше. Если мальчик просит дать ему есть не в установленное время, не давайте ему ничего другого, кроме сухого хлеба. Если он голоден, а не капризничает только, он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не следует есть. Этим вы достигните двух хороших результатов. Во-первых, привычка заставит его полюбить хлеб, ибо, как я сказал, наш вкус и желудок находят удовольствие в том, к чему мы их приучили. Другая польза, достигаемая этим, заключается в том, что вы не приучите его есть больше и чаще, чем требует природа. Я не думаю, что все люди обладают одинаковым аппетитом, у одних желудки от природы крепче, у других слабее. Но я думаю, что многие люди становятся гурманами и обжорами в силу привычки, не будучи таковыми от природы; и я вижу в разных странах, что люди, которые едят только два раза в день, так же сильны и бодры, как те, которые постоянным упражнением приучили свои желудки напоминать о себе четыре или пять раз. Римляне ничего не ели до ужина; это была единственная настоящая еда даже у тех, которые ели более одного раза в день, и те, кто имел привычку завтракать – одни в восемь часов, другие в девять, третьи в двенадцать и несколько позже, никогда не ели мяса и не заставляли для себя готовить что-либо другое. Август, будучи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собою в экипаж кусок хлеба. А Сенека, сообщая в своем 83-м письме, какой режим он установил для себя, уже будучи стариком, когда возраст допускал послабления, говорит, что он имел привычку съедать за обедом один лишь кусок сухого хлеба и даже не садился за стол, хотя его состояние дозволяло бы ему (если бы этого требовало его здоровье) тратиться не на худший обед, чем любой

Репозиторий ВГУ

обед, принятый в Англии, и притом даже в два раза больший. Повелители мира росли на этой скудной пище; и молодые джентльмены в Риме не чувствовали недостатка силы, физической или духовной, из-за того, что они ели лишь один раз в день. Если же случалось, что кто-либо не был в состоянии поститься до ужина, который был единственной установленной едой, то он брал только кусок сухого хлеба или – самое большое – несколько изюминок, чтобы заморить червячка.

Это правило умеренности считалось настолько необходимым для здоровья и работы, что обычай садиться за стол один раз в день устоял против наплыва роскоши, которая была занесена в среду римлян их завоеваниями и грабежами на Востоке, и те, которые отказались от старинной умеренности в еде и стали задавать пиры, не начинали их раньше вечера. Садиться за стол больше одного раза в день считалось столь чудовищным, что со времен Цезаря римляне находили предосудительным устраивать пир или садиться за стол до захода солнца. Поэтому, если в том не усмотрят чрезмерной суровости, я считал бы самым подходящим давать моему юному джентльмену также и к завтраку только хлеб. Вы не можете себе представить, какую силу имеет привычка; и я приписываю большую часть наших болезней в Англии тому, что мы едим слишком много мяса и слишком мало хлеба...

Постель.

§ 22. Постель ребенка должна быть жесткой, и стеганое одеяло лучше перины; жесткое ложе укрепляет члены, в то время как зарывание каждую ночь в перины изнеживает и расслабляет тело и часто является причиной слабости и предтечей ранней могилы. В значительной мере спаньем на перине вызываются помимо каменной болезни, которая часто возникает от теплого укутывания поясницы, некоторые другие заболевания, а также та нежная и слабая конституция, которая является корнем всех болезней. Далее, тот, кто привык спать дома на жестком ложе, не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог стать нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми, наверное, будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон – великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого, и очень несчастен тот человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство,

Репозиторий ВГУ

и совершенно неважно, спал ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо, – это сон сам по себе.

Ранний возраст.

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму, и в том наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны – скажу я – позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им поступать по своей воле; а так как дети в свои детские годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это неважная вещь: да, сказал он, но привычка – важная вещь.

§ 35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других, он должен получать все, что потребует, и делать то, что ему нравится. Так родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они станут совсем взрослыми, слишком взрослыми, чтобы можно было с ними нянчиться, и их родители уже не могут больше забавляться ими как игрушками, тогда родители начинают жаловаться, что мальчишки-де непослушны и испорчены; тогда им уже неприятно видеть их своеволие, и их уже смущают дурные наклонности детей, которые они сами посеяли и поощряли в них; тогда, быть может уже слишком поздно, они были бы рады вырвать те сорные травы, которые они засеяли собственными руками и которые теперь пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было вырвать. Ибо если ребенок привык во всем проявлять свою волю, пока он носил детскую рубашонку, то почему мы должны считать странным, когда, надевши уже штаны, он стремится к тому же и претендует на то же самое? Конечно, с возрастом и его недостатки обнаруживаются сильнее; и мало есть родителей настолько нечувствительных, чтобы они не чувствова-

Репозиторий ВГУ

ли плохих результатов своей собственной снисходительности. Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он вырос, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным? Почему в возрасте семи, четырнадцати или двадцати лет он должен потерять ту привилегию, которую родительская снисходительность широко предоставляла ему до сих пор? Сделайте опыт над собакой или лошадью или над каким-либо другим животным и посмотрите, легко ли, когда они уже стали большими, исправить те дурные привычки и то своенравие, к которым они были приучены, когда были молоды. Между тем ни одно из этих животных и наполовину не наделено тем своеволием и тем самомнением, ни одно из них и наполовину не проникнуто тем желанием быть хозяином над собою и властвовать над другими, как человек.

§ 36. Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за упомянутыми другими созданиями с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными. Только в отношении собственных детей мы здесь проявляем небрежность; и, сделав их дурными детьми, мы неразумно надеемся, что из них выйдут хорошие люди. Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы, из-за которых он плакал, когда был мал. Порок заключается не в том, чтобы иметь желания, соответствующие этим различным возрастам, а в неумении подчинять их правилам и ограничениям разума; разница заключается не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них. Тот, кто не привык подчинять свои желания разуму других, когда он молод, вряд ли будет вслушиваться и подчиняться голосу своего собственного разума, достигши того возраста, когда он способен им пользоваться. И нетрудно предвидеть, какого рода человек, по всей вероятности, выйдет из такого субъекта...

Капризы.

§ 40. Итак, кто ставит своей целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле своих родителей. Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно

Репозиторий ВГУ

раньше, а именно как только он стал способен подчиняться и понимать, в чьей власти он находится. Если вы хотите, чтобы ваш сын питал к вам почтительный страх, запечатлейте в нем это чувство уже в детстве; а по мере того как он будет становиться старше, позволяйте ему сближаться с вами; при этом условии вы будете иметь в нем послушного подданного (как оно и должно быть) в детстве и преданного вам друга, когда он вырастет. По моему мнению, очень неправильно понимают должное обращение с детьми те, которые проявляют по отношению к ним снисходительность и фамильярность, пока они малы, и становятся суровыми к ним и держат их на известном расстоянии от себя, когда они выросли; ибо свобода и потворство не приносят пользы детям, а недостаток рассудительности создает необходимость для них ограничений и дисциплины, и, наоборот, властное и строгое отношение – плохой способ обращения с людьми, уже обладающими собственным разумом, чтобы им руководствоваться, если только вы не хотите стать в тягость своим детям, когда они вырастут, и не хотите, чтобы они втайне говорили про себя: «Когда ты наконец умрешь, отец?»

§ 41. Я полагаю, что всякий признает разумным, чтобы его дети, пока они малы, смотрели на родителей как на своих господ, как на облеченных полнотою власти руководителей, по отношению к которым проявляли бы почтительный страх, впоследствии, когда они подрастут, чтобы они видели в родителях самых лучших и единственно надежных друзей и, как таковых, любили бы и уважали их. Указанный мною путь является, если я не ошибаюсь, единственным, который может обеспечить достижение таких результатов. Когда дети подрастут, мы должны смотреть на них как на равных нам, как на людей с такими же страстями, с такими же желаниями, как наши страсти и желания. Мы желаем, чтобы в нас признавали разумные создания, мы стремимся к свободе: мы не любим, если нам надоедают постоянными выговорами и окриками, и не миримся с тем, чтобы люди, с которыми мы сталкиваемся, проявляли к нам суровое отношение или держали нас на почтительном расстоянии. Тот, кто, будучи взрослым, встречает подобное отношение к себе, будет искать другого общества, других друзей, других собеседников, с которыми он мог бы чувствовать себя легко. Поэтому, если детей держать в строгости с самого начала, то, пока они дети, они будут послушны и спокойно подчиняться строгостям, как будто никогда не знали другого обращения. И если, по мере того как они будут подрастать и подрастут настолько, чтобы руководствоваться своим разумом, строгость управления будет мало-помалу (в той мере, в какой они будут заслуживать) смягчаться, обращение отца будет становиться все более мягким и расстояние между ним и детьми уменьшится, то его прежняя строгость только усилит их любовь, так как дети поймут, что это было лишь проявление доброты к

Репозиторий ВГУ

ним и желания сделать их способными заслужить любовь родителей и уважение всех и каждого.

§ 42. В этом заключается общее правило для установления вашего авторитета над вашими детьми. Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами, а любовь и дружба должны закрепить ее, ибо должно прийти время, когда они перерастут розгу и исправительные меры воздействия, и тогда – я вас спрошу, – если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувства долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, – какое у вас будет в отношении их средство повернуть их на этот путь? Конечно, страх оказаться при маленькой доле наследства из-за того, что стали бы вас огорчать, может их сделать рабами вашего богатства, но внутренне они, несмотря на то, будут оставаться дурными и испорченными. Но это сдерживающее начало ведь не останется навсегда. Всякий человек должен рано или поздно быть предоставлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания, то, что должно повлиять на его жизнь, должно быть своевременно вложено в его душу, а именно привычки, крепко переплетенные с самыми основами его натуры, а не притворное поведение и лицемерная личина, надетая лишь из страха и с единственной целью избежать в данное время гнева отца, который может лишить его наследства.

Побои.

§ 47. Обычный метод воздействия наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан и доступен пониманию воспитателей, является наименее пригодным из всех мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду, которые с той ли или другой стороны губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§ 48. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а, скорее, поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие?

Репозиторий ВГУ

В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что, собственно, значит регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит – спрошу я вас – поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный проступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49. Этот метод исправления, естественно, порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, видя, что из-за этих вещей они подвергаются побоям и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его вздумали побоями и бранью заставлять развлекаться или подвергать его такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничего из этой чашки уже не покажется вам приятным, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 50. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствие наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким образом, нисколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такой насильственной сдержки прорывается еще с большей силой.

§ 51. Или же, если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной наклонности, то этот результат часто достигается за счет насаждения другого, еще худшего и более опасного недуга – душевной пришибленности, и тогда вместо беспорядочного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, ока-

Репозиторий ВГУ

жется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя, и для других.

Награды.

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко или пряник или какой-либо другой в этом роде предмет из наиболее любимых им с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не можете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказывать в удовлетворении своему вкусу к богатству, щегольству, лакомству и пр., когда разум его советует, а долг от него требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или награждаете его за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка; когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так люди неправильно пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие к грамматике, к танцам и к некоторым другим подобным предметам, не имеющим большого значения для их счастья или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют их добродетелью, извращают правила их воспитания и приучают детей к роскоши, чванливости, жадности и т.п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь подавляя наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

Правила.

§ 64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания; она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предпи-

Репозиторий ВГУ

саниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится благодаря постоянной практике столь же естественным, что и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§ 65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть, и еще менее они могли их выполнять. И несмотря на то, за нарушение этих многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом этого было то, что они не обращали внимания на указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего внимания, на которое они способны, недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и последующих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему сыну, будет возможно меньше, лучше пусть их будет меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обремените его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанным, что, конечно, вызовет пренебрежительное отношение к ним и подорвет ваш авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем,

Репозиторий ВГУ

чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и, лишь по мере того как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое правило.

§ 66. Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения: 1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы проступок. 2. Второе, что вам следует соблюдать, заключается в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек зараз, иначе вы разнообразием собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки. Когда постоянная практика превратила какое-либо действие в нечто легкое для них и естественное и они его выполняют не раздумывая, вы можете перейти к другому.

Практика.

§ 70. Этот метод обучения детей путем повторной практики, путем многократного выполнения, под наблюдением и руководством воспитателя, одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании. Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их прирожденные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное.

Репозиторий ВГУ

Поэтому тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частных испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что к ним подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и на что они могут пригодиться. Он должен подумать над тем, чего им недостает и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики и стоит ли об этом стараться. Ибо во многих случаях все, что мы можем сделать и к чему мы должны стремиться, – это использовать наилучшим образом то, что дала природа, предупредить те пороки и недостатки, к которым наиболее предрасположена данная конституция. Природные дарования каждого должны быть развиваемы до возможных пределов, но попытка привить ребенку что-либо другое будет только бесплодным трудом, и то, что таким образом будет на нем налеплено, в лучшем случае окажется не к лицу и всегда будет производить неприятное впечатление принужденности и манерности.

Наказание.

§ 72. Но вернемся к вопросу о наградах и наказаниях. Поскольку, как я уже говорил, дисциплину розги не следует применять для борьбы со всякими детскими выходками, с неприличным поведением и всем прочим, что непременно исцелят время и возраст, то вовсе нет надобности так часто бить детей, как это обычно практикуется. Если сюда присоединить обучение чтению, письму, танцам, иностранным языкам и тому подобные занятия, которые должны пользоваться той же привилегией, то при умелом воспитании очень редко представится повод для применения побоев или насилия. Правильный метод обучения этим вещам заключается в том, чтобы внушить детям любовь и склонность к тому, что вы предлагаете им изучить и что потребует от них усердия и прилежания. Сделать это, по моему мнению, нетрудно, если руководить детьми надлежащим образом и осторожно применять указанные выше награды и наказания, соблюдая вместе с тем в методе обучения следующие немногие правила.

Обязательные задания.

§ 73. 1. Ни один предмет, который они должны изучить, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Все, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным, душа проникается отвращением к этому даже в том случае, если оно раньше было для нее приятно или безразлично. Заставьте ребенка ежедневно известное время гонять свой волчок, хочется ли ему это делать или нет; требуйте этого от него как обязанности, которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня, – и вы увидите, как скоро ему надоест при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что

Репозиторий ВГУ

они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях как вам угодно, но им также хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей.

§ 74. Поэтому даже такие вещи, к которым вам удалось их приохотить, возможно реже заставляйте их делать в такое время, когда у них нет охоты и расположения к этому. Человек может любить читать, писать, заниматься музыкой и т.п., однако бывают у него моменты, когда эти занятия не доставляют ему никакого удовольствия, и, если в такие моменты он заставит себя заниматься ими, он будет лишь суетиться без всякого толка. То же бывает и с детьми. За этими переменами настроения нужно следить внимательно и неукоснительно пользоваться теми благоприятными периодами, когда у них бывает готовность и расположение. А если дети недостаточно часто сами проявляют готовность, следует внушать им благоприятное расположение, беседуя с ними, прежде чем посадить их за какую-нибудь работу. Я думаю, что это дело нетрудно для благоразумного воспитателя, который изучил характер своего ученика и не затрудняется наполнить голову его подходящими идеями, способными возбудить в нем охоту к предстоящим занятиям. Таким способом можно сберечь много времени и усилий, так как ребенок усвоит в три раза больше, когда он настроен благоприятно, чем при затрате двойного количества времени и усилий, если он это делает неохотно или по принуждению. Если бы на это обращали должное внимание, можно было бы предоставить детям играть до изнеможения и все-таки они имели еще достаточно времени для изучения того, что соответствует способностям каждого возраста. Но ничто подобное не учитывается и не может в должной мере учитываться при обычном способе воспитания. Грубая дисциплина розги основана на других принципах, лишена всякой привлекательности, не обращает внимания на настроение детей и не следит за моментами благоприятного настроения. Да и в самом деле, смешно было бы, внушив ребенку принуждением и побоями отвращение к занятиям, ожидать, что он свободно, по своему побуждению бросит игру и с удовольствием воспользуется случаем поучиться. Между тем при правильной организации дела занятие каким-либо предметом учебной программы можно было бы превращать в такой же отдых, каким игра является после учения. Труд одинаков в том и в другом случае. Да и не он отталкивает детей; ибо они любят быть занятыми, а перемены и разнообразие, естественно, увлекают их. Единственная разница в том, что при так называемой игре они действуют по своему усмотрению и свободно прилагают свой труд (которого, как

Репозиторий ВГУ

вы можете заметить, они никогда не щадят), а к учению их принуждают: их зовут, сажают насильно, подгоняют. Это-то их сразу отталкивает и охлаждает: они чувствуют утрату свободы. Добейтесь того, чтобы не воспитателю приходилось звать учиться, а чтобы они сами просили его поучить их, как они просят товарищей поиграть с ними; и тогда, удовлетворенные тем, что и они действуют так же свободно, как и в других случаях, они и за учение будут приниматься с таким же удовольствием, и оно не будет отличаться от других их развлечений и игр. Тщательно придерживаясь этих приемов, можно возбудить в ребенке желание научиться всему, чему бы вы хотели его научить. Я признаю, что труднее всего справиться с первым или самым старшим, но раз вы его поставили на правильный путь, уже нетрудно с его помощью вести остальных, куда вы захотите.

§ 75. Хотя и не подлежит сомнению, что наиболее подходящим временем для учебных занятий детей является то, когда они настроены и расположены к учению, когда ни душевная вялость, ни сосредоточение на каких-либо других мыслях не делают учения слишком трудным и противным для них, однако следует иметь в виду две вещи: 1) если за такими моментами недостаточно тщательно следят и недостаточно пользуются ими всякий раз, когда они наступают, или если такие моменты наступают не так часто, как следовало бы, нельзя пассивно допускать, чтобы из-за этого страдали успехи ребенка: нельзя давать ребенку привыкать к лени и этому нерасположению к учению в нем укрепляться; 2) хотя иные вещи плохо усваиваются, когда душа к ним не расположена или занята чем-либо другим, однако очень важно и стоит затрачивать усилия на то, чтобы приучить душу господствовать над собой и быть способной по собственному выбору освобождаться от увлечения одним предметом, обращаться легко и с удовольствием к другому или в любой момент стряхивать с себя вялость и энергично приниматься за то, что указывает разум или совет другого. Если удастся таким способом приучить их душу господствовать над собой, отвлекаться, когда этого требуют обстоятельства, от одних мыслей и дел, чтобы заняться другим, менее привлекательным делом, это явится более полезным приобретением, чем знание латыни или логики и большей части тех предметов, которым обычно детей заставляют учиться.

Рассуждение.

§ 81. Может быть, покажется странным, что я говорю о рассуждении с детьми; тем не менее я вижу в этом наиболее правильный способ обращения с детьми. Дети понимают рассуждения уже с того раннего возраста, когда начинают говорить; и если мои наблюдения меня не обманывают, им раньше начинает нравиться, когда с ними обращаются как с разумными существами, чем обычно думают. Это

Репозиторий ВГУ

чувство гордости следует в них поддерживать и в меру возможности использовать в качестве главнейшего орудия их воспитания. Но, говоря о рассуждениях, я имею в виду лишь такие, которые подходят к детским способностям и уровню понимания. Никто не станет думать, что с мальчиком трех или семи лет можно рассуждать, как со взрослым человеком. Длинные речи и философские рассуждения в лучшем случае приводят детей в изумление и смущение, но нисколько не учат их. Поэтому, когда я говорю, что с ними нужно обращаться как с разумными существами, я имею в виду, что вы должны мягкостью своего обращения и сдержанностью даже в мерах воздействия на них научить их понимать, что то, что вы делаете, исходит от вашего разума (диктуется вашим разумом) и полезно и необходимо для них, что если вы что-нибудь приказываете или запрещаете им, то это не вытекает из каприза, страсти или фантазии. Это они способны понимать; я думаю, что они способны воспринимать доводы касательно любого добродетельного чувства, которое нужно в нем возбудить, и любого проступка, от которого их следует удержать; при этом нужно только пользоваться такими доводами, которые доступны их возрасту и уровню понимания, и выражать их совершенно краткими и простыми словами. Основания, на которых базируются некоторые обязанности и те источники добра и зла, из которых последние вытекают, может быть, нелегко уяснить и взрослым людям, не привыкшим отвлекаться в своих мыслях от общепринятых мнений. Дети еще менее способны исходить в своих рассуждениях из отдаленных принципов. Они не в состоянии освоить убедительность длинных дедукций. Доводы, которые на них действуют, должны быть очевидными и соответствовать уровню их мышления; они должны быть, так сказать, ощутимыми, осязательными. Тем не менее, если мы будем учитывать их возраст, характер и наклонности, у нас никогда не будет недостатка в доводах достаточно для них убедительных. И если не найдется другого, более специального довода, им всегда будет понятен и для них всегда будет достаточно убедителен, чтобы отвратить от проступка, могущего обратить на себя внимание, тот довод, что этот проступок доставит им позор и порицание и возбудит ваше неудовольствие.

Примеры.

§ 82. Однако самый простой и легкий и вместе с тем самый эффективный способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показывать им на наглядных примерах, как им следует поступать и чего они должны избегать. Если фиксировать их внимание на таких примерах из поступков знакомых им людей и сопровождать это отзывами о достоинстве или неприличии данного поступка, это будет сильнее толкать или удерживать их от подражания, чем какие бы то ни было отвлеченные рассуждения,

Репозиторий ВГУ

обращенные к ним. Никакие слова не могут сделать столь ясными для их понимания добродетели и пороки, как поступки других людей, если вы при этом руководите их наблюдением и фиксируете их внимание на той или иной хорошей или дурной черте в поведении других людей. И положительные или отрицательные стороны многих вещей, при хорошем ли воспитании или дурном, будут лучше познаваться и глубже запечатлеваться из примеров других людей, чем из тех правил и наставлений, которые могут им даваться по этому поводу.

Этот метод следует применять не только пока дети еще малы, но и в течение всего последующего времени, пока они находятся на чьем-либо попечении или под чьим-либо руководством. Более того, может быть, это наилучший метод, которым отец может пользоваться так долго, как он сочтет нужным, и в любом случае, когда он желает в чем-либо исправить сына. Ибо ничто не проникает так незаметно и так глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда она выступает перед ними в других людях...

Воспитатель.

§ 88. Если можно найти воспитателя, который, считая себя заместителем отца, принявшим на себя его заботы, и разделяя вышеизложенные идеи, будет стараться с самого начала осуществить их на практике, то в дальнейшем он убедится, что работа уже совсем легка, и ваш сын, мне думается, сделает такие успехи в учении и в благовоспитанности, каких вы, может быть, не представляете себе. Только никоим образом не разрешайте воспитателю когда бы то ни было бить мальчика без вашего согласия и распоряжения, по крайней мере до тех пор, пока вы на опыте не убедитесь в его рассудительности и сдержанности. Но вместе с тем, для того чтобы поднять его авторитет в глазах воспитанника, вы должны скрыть от последнего, что его воспитатель не властен применять розги; кроме того, вы обязательно должны и сами оказывать воспитателю большое почтение и заставлять точно так же относиться к нему всю вашу семью. Ибо вы не можете рассчитывать, что ваш сын будет относиться с уважением к человеку, к которому его отец и мать, по его наблюдениям, относятся пренебрежительно. Если вы находите, что воспитатель достоин презрения, вы сделали плохой выбор, но, если вы обнаруживаете свое презрение к нему, ваш сын навряд ли будет относиться к нему иначе. А коль скоро это случится, то, каким бы достойным человеком воспитатель ни был сам по себе и какими бы он ни обладал способностями к своему делу, все это пропадет для вашего сына и уже никогда не может быть сделано полезным для него.

§ 89. Как пример отца должен учить ребенка уважению к своему

Репозиторий ВГУ

воспитателю, так пример воспитателя должен побуждать ребенка к тем действиям, которых он требует от последнего. Его собственное поведение ни в коем случае не должно расходиться с его предписаниями, если только он не желает испортить ребенка. Бесцельно со стороны воспитателя говорить об обуздании страстей, если он дает волю какой-либо собственной страсти; и бесплодными будут его старания искоренить в своем воспитаннике порок или непристойную черту, которые он допускает в себе самом. Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил, и поэтому он должен всегда тщательно оберегать своего воспитанника от влияния дурных примеров, в особенности наиболее опасных – примеров прислуги: от этого общества следует держать мальчика подальше, притом не путем запрещений, которые только подстрекнут его к такому общению, а другими средствами, на которые я указывал.

Любознательность.

§ 108. Если начать воспитание вовремя, если с ранних лет приучать детей подавлять свои желания, эта полезная привычка сделает их дисциплинированными; по мере же того как они становятся старше и рассудительнее, можно предоставлять им большую свободу в тех случаях, когда в них говорит разум, а не страсть, ибо к голосу разума всегда следует прислушиваться.

Но если никогда не следует слушать детей, когда они заводят речь об определенных вещах, которые им хотелось бы иметь (если только эти вещи не были раньше им обещаны), то, наоборот, всегда следует их выслушивать и отвечать обстоятельно и ласково, когда они спрашивают о чем-либо, что их заинтересовало, и хотят услышать объяснение от других.

Любознательность в детях нужно так же заботливо поощрять, как другие желания подавлять. Но если капризы следует строго в них обуздывать, то есть все-таки одна сфера, в которой детской выдумке надо предоставить слово и прислушиваться к нему. Развлечения так же необходимы, как труд и пища. Но развлечения невозможны без удовольствий, которые не всегда зависят от разума, а чаще от воображения; поэтому надо позволять детям не только развлекаться, но и делать это так, как им нравится, если только это развлечения невинные и не могущие причинить вреда их здоровью. В этой сфере, когда они придумывают какой-либо способ развлечения, не следует их связывать запретами. Впрочем, я думаю, что при хорошо поставленном воспитании у детей редко будет возникать необходимость просить о подобной свободе. Нужно заботиться, чтобы они всегда делали с удовольствием то, что для них полезно. Пока же их еще не довели до той степени совершенства, когда какое-либо полезное занятие может стать для них развлечением, необходимо предоставлять им полную

Репозиторий ВГУ

свободу в придумываемых ими детских играх; они отстанут от них, когда сами пресытятся ими. Полезные же занятия следует прерывать в такой момент, когда они еще занимаются с охотой, по крайней мере раньше, чем они устанут или почувствуют полное отвращение к ним; нужно, чтобы дети могли возвращаться к полезным занятиям как к ожидающему их удовольствию. Ибо вам нечего и думать, что дети правильно воспитаны, раз они еще не способны находить удовольствие в похвальных занятиях и чередование телесных и умственных упражнений еще не сделало для них жизнь и учение наслаждением, непрерывным потоком развлечений, в которых утомленный орган постоянно получает облегчение и освежается. Возможно, ли это при всяком характере ребенка и захотят ли воспитатели и родители взять на себя этот труд, хватит ли у последних благоразумия и терпения, чтобы добиться таких результатов, я не знаю, но я не сомневаюсь в том, что это в отношении большинства детей достижимо, если только взять правильный курс на возбуждение в них желания похвалы, чести и доброго имени. А раз в них достаточно крепко заложены такие основы правильной жизни, с ними можно откровенно говорить о том, что им больше всего нравится, и направлять их или предоставлять им в этом отношении свободу с тем, чтобы они почувствовали, что их любят, лелеют, что те, под чьей опекой они находятся, не враги их удовольствий. Такое обращение заставит их любить ту руку, которая их ведет, и ту добродетель, к которой она их ведет.

Предоставление детям свободы в их развлечениях полезно также в том отношении, что в условиях такой свободы раскрываются природные характеры детей, выявляются их наклонности и способности, и разумные родители могут в этом почерпнуть указания относительно выбора для них карьеры и профессии и в то же время относительно способов исправления любого недостатка, который, по их наблюдениям, грозит направить ребенка на дурной путь.

Жалоба.

§ 109. 2. Дети, живущие вместе, часто спорят из-за господства, из-за того, кому из них командовать над остальными. Кто бы ни начал этот спор$_т$ спор обязательно следует пресекать. Мало того, надо учить их относиться друг к другу с величайшей уступчивостью, снисхождением и корректностью. Если они будут видеть, что это доставляет им уважение, любовь и признание и что они не теряют при этом ни одного из своих преимуществ, они будут находить в этом больше удовольствия, чем в нахальном командовании, т.е., очевидно, в противоположном складе отношений.

Взаимные обвинения детей, которые обычно выражаются только в криках гнева и мести, ищущих поддержки, не должны вызывать с вашей стороны ни участия, ни внимания. Проявлять терпимость к дет-

Репозиторий ВГУ

ским жалобам – это значит расслаблять и изнеживать их душу. А если они изредка переносят противоречия или обиды от других и им не разрешают видеть в этом что-либо необычайное и непереносимое, то от того, что они таким образом научатся терпеть и рано закаляться, никакого вреда для них не будет. Не откликаясь на жалобы обиженных, вы должны, однако, когда вы являетесь непосредственным свидетелем нанесенной обиды, побранить за нее в присутствии обиженного; если же жалоба действительно заслуживает вашего внимания, а также предупреждения на будущее время, сделайте выговор обидчику наедине, в отсутствии жалобщика, и заставьте его пойти просить у последнего прощения и исправить свою вину: он сам то сделает охотнее, если это выйдет так, как будто он действует по собственному побуждению; да и тот примет извинение более ласково, и, таким образом, дружба между ними укрепится; помимо того, наши дети усвоят привычку к вежливости.

Щедрость.

§ 110. Что касается обладания и владения вещами, то учите детей легко и свободно делиться со своими друзьями тем, что у них есть, и заставьте их убедиться на опыте, что самый щедрый человек всегда оказывается и самым богатым да вдобавок еще пользуется признанием и одобрением; и тогда они быстро научатся быть щедрыми на деле. Я полагаю, что таким путем вы сделаете братьев и сестер более ласковыми и вежливыми по отношению друг к другу, а следовательно, и к другим, чем десятками правил о хороших манерах, которыми обычно мучают и стесняют детей. Жадность и желание иметь в своем обладании и распоряжении больше, чем нам нужно, являются корнем всех зол, и эти качества следует поэтому искоренять с ранних лет и со всей тщательностью, а противоположную черту – готовность делиться с другими – всячески поощрять выражениями похвалы и одобрения, всегда при этом заботясь о том, чтобы ребенок ничего не терял из-за своей щедрости. Пусть всегда, во всех случаях проявления подобной щедрости, ребенок получает награду, и притом с процентами: и пусть он осязательно чувствует, что доброта, которую он проявляет по отношению к другим, небезвыгодна и для него самого, что она вызывает доброе отношение к нему со стороны как тех, которые воспользовались его добротой, так и тех, кто ее наблюдает со стороны. Делайте это предметом соревнования между детьми, чтобы они старались превзойти друг друга в этом отношении. Когда же таким образом, благодаря постоянной практике, детям станет легко делиться тем, что они имеют, с другими, то добросердечие укоренится в них как привычка и они будут находить удовольствие и гордиться тем, что они добры, щедры и вежливы с другими.

Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци.

Репозиторий ВГУ

Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М., 1989. – С. 145–168.

ЖАН-ЖАК РУССО

Эмиль, или О воспитании
Книга I

...В естественном строе, так как люди все равны, то общее звание их – быть человеком; кто хорошо воспитан для своего звания, тот не может быть дурным исполнителем и в тех же званиях, которые связаны с этим. Пусть предназначают моего воспитанника к тому, чтобы носить саблю, служить церкви, быть адвокатом, – мне все равно. Прежде звания родителей природа зовет его к человеческой жизни. Жить – вот ремесло, которому я хочу учить его. Выходя из моих рук, он не будет – соглашаюсь в этом – ни судьей, ни солдатом, ни священником: он будет прежде всего человеком; всем, чем должен быть человек, он сумеет быть в случае надобности так же хорошо, как и всякий другой, и, как бы судьба ни перемещала его с места на место, он всегда будет на своем месте...

Изучение человеческого состояния есть наша истинная наука. Кто умеет лучше всех выносить блага и бедствия этой жизни, тот из нас, по-моему, и воспитан лучше всех; отсюда следует, что истинное воспитание состоит не столько в правилах, сколько в упражнениях... Это не значит учить его выносить бедствия: это значит развивать восприимчивость к ним.

Думают только о том, как бы уберечь своего ребенка; этого недостаточно: нужно научить, чтобы он умел сохранять себя, когда станет взрослым, выносить удары рока, презирать избыток и нищету, жить, если придется, во льдах Исландии или на раскаленном утесе Мальты. Каких бы вы ни предпринимали предосторожностей, чтобы он не умер, ему придется все-таки умереть, и, если смерть его не была бы результатом ваших забот, последние были все-таки превратно направленными. Все дело не в том, чтобы помешать ему умереть, а в том, чтобы заставить его жить. А жить – это не значит дышать: это значит действовать, это значит пользоваться нашими органами, чувствами, способностями, всеми частями нашего существа, дающими нам сознание нашего бытия. Не тот человек: больше всего жил, который может насчитать больше лет, а тот, кто больше всего чувствовал жизнь. Иного хоронят столетним старцем, а он умер в самом рождении. Ему выгоднее было сойти в могилу юношей, если бы он дожил хотя бы до юности.

...Если вы хотите, чтобы он сохранил свой оригинальный вид, берегите этот вид с той самой минуты, как ребенок является в мир, лишь только он родится, завладейте им и не покидайте его, пока он не ста-

Репозиторий ВГУ

нет взрослым: без этого вы никогда не добьетесь успеха. Как настоящая кормилица есть мать, так настоящий наставник есть отец. Пусть они условятся между собой о порядке исполнения своих обязанностей, равно как и о системе; пусть из рук одной ребенок переходит в руки другого. Рассудительный и недалекий отец лучше его воспитает, чем самый искусный в мире учитель, ибо усердием лучше заменяется талант, чем талантом усердие.

А дела, служба, обязанности... Ах, да! Обязанности! Быть отцом – это, несомненно, последняя обязанность... Нечего удивляться, что мужчина, жена которого погнушалась кормить ребенка – плод их союза, гнушается воспитывать его. Нет картины более прелестной, чем картина семьи; но недостаток одной черты портит все остальные. Если у матери слишком мало здоровья, чтобы быть кормилицей, то у отца окажется слишком много дел, чтобы быть наставником. Дети, удаленные, разбросанные по пансионам, по монастырям и колледжам, перенесут в другое место любовь к родительскому дому или, лучше сказать, вынесут оттуда привычку ни к чему не быть привязанными. Братья и сестры едва будут знать друг друга. Когда потом они церемонно соберутся все вместе, они будут, может быть, весьма вежливы друг с другом, но обходиться они будут как чужие. Коль скоро нет уже интимности между родными, коль скоро общество семьи не составляет жизненной отрады, приходится прибегать к безнравственным наслаждениям взамен ее. Кто настолько глуп, что не видит связи во всем этом?

Производя и питая детей, отец исполняет этим только третью часть своей задачи. Он должен роду человеческому дать людей, обществу – общественных людей, государству – граждан. Всякий человек, который может платить этот тройной долг и не делает этого, виновен и, может быть, более виновен, если платит его наполовину. Кто не может выполнить обязанностей отца, тот не имеет права быть им. Никакая бедность, никакие труды, никакое внимание к людскому мнению не избавляют его от обязанности кормить своих детей и самому воспитывать их. Читатель, ты можешь поверить мне в этом! Я предсказываю всякому, у кого есть сердце и кто пренебрегает столь священными обязанностями, что он долго будет проливать слезы по поводу вины своей и все-таки никогда не будет утешен...

Воспитание человека, повторяю, начинается вместе с рождением его; прежде чем говорить, прежде чем слышать, он уже обучается. Опыт предшествует урокам; в момент, когда он узнает кормилицу, он уже много приобрел. Мы были бы изумлены познаниями человека, даже самого грубого, если бы проследили развитие его с момента, когда он родился, до того момента, которого он достиг. Если разделить все знания человеческие на две части и отнести к одной знания, общие

Репозиторий ВГУ

всем людям, а к другой – свойственные ученым, то последняя часть оказалась бы самой незначительной по сравнению с первой...

Книга II

...Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг. Будьте такими по отношению ко всякому состоянию, всякому возрасту, во всем, что только чуждо человеку! Разве есть какая-нибудь мудрость для вас вне человечности? Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту! Кто из вас жалел подчас о том возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа наслаждается постоянно миром? Зачем хотите вы отнять у этих невинных малюток возможность пользоваться временем, столь кратким и столь быстро от них утекающим, этим драгоценным благом, злоупотреблять которым они еще не умеют? Для чего вы хотите наполнить горестью и страданиями первые годы, которые мчатся так быстро и не возвратятся уже для них, как не могут возвратиться и для нас? Отцы! Разве вы знаете момент, когда смерть ожидает ваших детей? Не готовьте сожалений, отнимая у них тот небольшой запас минут, который дает им природа: как скоро они в состоянии чувствовать удовольствие существования, дайте им возможность наслаждаться жизнью: позаботьтесь, чтобы они не умирали, не вкусив жизни, в какой бы час Бог их не призвал!

Чтобы не гнаться за химерами, не будем забывать того, что прилично нашему положению. У человечества – свое место в общем порядке Вселенной, у детства – тоже свое в общем порядке человеческой жизни: в человеке нужно рассматривать человека, в ребенке – ребенка. Указать каждому свое место и укрепить его на нем, упорядочить человеческие страсти сообразно с организацией человека – вот все, что мы можем сделать для его благосостояния. Остальное зависит от посторонних причин, которые не в нашей власти. Ограничь, человек, свое существование пределами своего существа, и ты уже не будешь несчастным. Только тот исполняет свою волю, кто для исполнения ее не нуждается в чужих руках вдобавок к своим; отсюда следует, что первое из всех благ не власть, а свобода. Истинно свободный человек хочет только то, что может, и делает, что ему угодно. Вот мое основное положение. Стоит только применить его к детскому возрасту, и все правила воспитания будут сами собой вытекать из него. Мудрый человек умеет оставаться на своем месте; но ребенок, не знающий своего места, не сумел бы на нем и держаться. Он имеет среди нас тысячу лазеек, чтобы выйти из него: обязанность руководителей – удерживать его, а это не легкая задача. Он должен быть не зверем, не взрослым, а ребенком: нужно, чтобы он зависел, а не слепо повиновался; нужно, чтобы он просил, а не приказывал. Он подчинен другим только вследствие своих нужд и вследствие того, что они видят лучше его, что ему полезно, что может содействовать или вредить

Репозиторий ВГУ

его самосохранению. Никто, даже отец, не имеет права приказывать ребенку то, что ему ни на что не нужно.

Пока еще предрассудки и учреждения человеческие не изменили наших природных наклонностей, счастье детей, так же как и взрослых, состоит в пользовании своей свободой; но, во-первых, свобода эта ограничена слабостью. Всякий, кто делает то, что хочет, счастлив, если он довольствуется самим собою, – вот положение взрослого человека, живущего в естественном состоянии. Всякий, кто делает то, что хочет, несчастлив, если нужды его превосходят запас его сил, – вот что можно сказать о ребенке в том же состоянии. Дети и в естественном состоянии пользуются только несовершенной свободой, подобной той, которой пользуются взрослые в гражданском быту. Каждый из нас, не будучи в состоянии обойтись без других, снова делается в этом отношении слабым и несчастным. Мы созданы, чтобы быть взрослыми; законы и общество снова погружают нас в детство. Богачи, вельможи, короли – все это дети, которые, видя, как хлопочут облегчить их бедственное положение, находят в этом самом предмет для чисто детского тщеславия и гордятся заботами, которыми их не окружали бы, если бы они были взрослыми.

Эти соображения очень важны и служат для разрешения противоречий социальной системы. Есть два сорта зависимости: зависимость от вещей, лежащая в самой природе, и зависимость от людей, порождаемая обществом. Первая, не заключая в себе ничего морального, не вредит свободе и не порождает пороков; вторая, не будучи упорядоченной, (...) порождает все пороки...

Держите ребенка в одной зависимости от вещей, и вы будете следовать порядку природы в постепенном ходе его воспитания. Противопоставляйте его неразумной воле одни только физические препятствия или такие наказания, которые вытекают из самих действий и которые он при случае припоминает; нет нужды запрещать дурной поступок, достаточно помешать совершению его. Опыт или бессилие должны одни заменять для него закон. Соглашайтесь исполнить его желания не потому, что он этого требует, а потому, что это ему нужно. Когда он действует, пусть не знает, что это – послушание; когда за него действуют другие, пусть не знает, что это – власть. Пусть он одинаково чувствует свободу как в своих действиях, так и в ваших. Вознаграждайте в нем недостаток силы ровно настолько, насколько это нужно ему, чтобы быть свободным, а не властным; пусть он, принимая ваши услуги с некоторого рода смирением, мечтает о том моменте, когда сумеет обойтись и без них и когда будет иметь честь сам служить себе.

Для укрепления тела и содействия его росту природа имеет свои средства, которым никогда не следует противодействовать. Не нужно принуждать ребенка оставаться на месте, когда ему хочется ходить,

Репозиторий ВГУ

или заставлять ходить, когда ему хочется остаться на месте. Если свобода детей не искажена по нашей вине, они не захотят ничего бесполезного. Пусть они прыгают, бегают, кричат, когда им хочется. Все их движения вызваны потребностями их организма, который стремится окрепнуть; но нужно недоверчиво относиться к тем желаниям, которых они не могут выполнить сами, так что исполнять их придется вместо них другим. В этом случае нужно заботливо отличать потребность истинную, естественную от зарождающейся прихоти или от той потребности, которая происходит вследствие указанного мною избытка жизни...

Возвратимся к основному положению. Природа создала детей, чтобы мы их любили и приходили к ним на помощь; но создала ли она их для того, чтобы мы им повиновались и боялись их? Дала ли им внушительный вид, суровый взгляд, грубый и грозный голос, чтобы внушить к ним страх? Я понимаю, что рев льва поражает ужасом животных, что они трепещут при виде его страшной пасти; но что может быть нелепее, гнуснее и смешнее зрелища, когда целый штат должностных лиц, в парадных одеждах, с главным начальником впереди, повергается перед ребенком, который еще в пеленках, и ведет к нему пышную речь, а тот кричит и пускает слюни в ответ?

Если рассматривать детство само по себе, едва ли мы найдем в мире существо более слабое и жалкое, чем ребенок, более зависящее от всего окружающего и столь сильно нуждающееся в жалости, заботах и покровительстве. Кажется, что он своим нежным личиком, своим трогательным видом так и просит, чтобы каждый, кто к нему подходит, проникся жалостью к его слабости и позаботился ему помочь. Что после этого может быть противнее и непристойнее того, как властный и упрямый ребенок командует всем окружающим и, не стесняясь, принимает тон господина по отношению к людям, которым стоит только его покинуть, чтобы он погиб?

С другой стороны, кто не видит, что слабость первого возраста так сковывает детей, что было бы жестоко к этому подчинению присоединять еще подчинение нашим капризам, отнимая у них без того ограниченную свободу, которой они так мало могут злоупотреблять и лишение которой столь бесполезно и для них, и для нас?

Обращайтесь с вашим воспитанником сообразно с его возрастом. Поставьте прежде всего его на должное место и умейте удержать на нем так искусно, чтобы он не пытался покинуть его. Тогда, не зная еще, что такое мудрость, он на практике получит самый важный урок ее. Никогда не приказывайте ему – ничего на свете, решительно ничего! Не допускайте у него даже представления, что вы претендуете на какую-нибудь власть над ним. Пусть он знает только, что он слаб и что вы сильны, что, по взаимному вашему положению, он необходимо

Репозиторий ВГУ

зависит от вас. Пусть он это знает, пусть научится этому, пусть чувствует это; пусть с ранних пор чувствует над своей гордо поднятой головой жестокое иго, налагаемое на человека природой, тяжелое иго необходимости, под которым должно склониться всякое ограниченное существо. Пусть он видит эту необходимость в вещах, а не в капризе людей... пусть уздой, его удерживающей, будет сила, а не власть. Не запрещайте ему того, от чего он должен воздерживаться, поставьте ему только препятствие, без объяснений, без рассуждений; что ему позволяете, позволяйте с первого слова, без упрашивания, без просьб и особенно без условий. Дозволяйте с удовольствием, отказывайте лишь с сожалением; но все отказы ваши пусть будут бесповоротны, пусть не колеблет вас никакая настойчивость; пусть сказанное вами «нет» будет несокрушимой стеной, так, чтобы, испытав раз 5–6 перед ней свои силы, ребенок не пытался уже опрокинуть ее.

Таким именно способом вы сделаете его терпеливым, ровным, безропотным, смирным, даже тогда, когда он не получит желаемого, ибо это лежит в природе человека – терпеливо переносить неизбежность вещей, но не сумасбродную волю другого. Слова «нет больше» – вот ответ, против которого никогда не восставал ребенок, если только не считал его ложью. Впрочем, тут нет середины: нужно или ничего вовсе не требовать, или с самого начала приучить его к полнейшему подчинению. Худший способ воспитания – это заставлять его колебаться между его волей и вашей и постоянно оспаривать, кто из двух, вы или он, будет господином: я сто раз предпочел бы, чтобы он оставался им всегда. Странно, что с тех пор, как берутся воспитывать детей, не придумали еще другого способа руководить ими, кроме соревнования, зависти, ненависти, тщеславия, жадности, низкого страха, всех страстей, наиболее опасных, наиболее способных волновать и портить душу, даже прежде, чем сформируется тело. При всяком преждевременном наставлении, которое вбивают им в голову, в глубине их сердца насаждают порок; безрассудные воспитатели думают сделать чудо, делая их злыми с целью научить, что такое доброта, а потом важно говорят нам: таков уж человек. Да, таков человек, которого вы сделали.

Испробованы все орудия, кроме одного единственного, которое может нести к успеху, – кроме хорошо направленной свободы. Не нужно и браться за воспитание ребенка, когда не умеешь вести его куда хочешь, с помощью одних законов возможного и невозможного. Так как сфера того и другого одинаково неизвестна, то ее можно по желанию расширить или суживать вокруг него. С помощью одной узды – необходимости – его можно связывать, двигать вперед, задерживать, не возбуждая в нем ропота; с помощью одной силы вещей можно делать его гибким и послушным, не давая возможности одному по-

Репозиторий ВГУ

року зародиться в нем, ибо страсти не возбуждаются, пока они не способны произвести никакого действия.

Не давайте вашему ученику никаких словесных уроков; он должен получать их лишь из опыта; не налагайте на него никаких наказаний, ибо он не знает, что такое быть виноватым; никогда не заставляйте его просить прощения, ибо он не сумел бы вас оскорбить. Лишенный всякого нравственного мотива в своих поступках, он не может сделать ничего такого, что было бы нравственно злым и заслуживало бы наказания или выговора...

Примем за неоспоримое правило, что первые природные движения всегда правдивы, в сердце человеческом нет исконной испорченности; в нем не находится ни одного порока, о котором нельзя было бы сказать, как и откуда он туда проник. Единственная страсть, прирожденная человеку, – это любовь к самому себе, или самолюбие, в обширном смысле слова. Это самолюбие само по себе, т.е. по отношению к нам самим, хорошо и полезно... Поступайте противно обычаю, и вы почти всегда будете поступать хорошо. Так как из ребенка хотят создать не ребенка, а ученого, то отцы и наставники только и делают, что журят, исправляют, дают выговоры, ласкают, угрожают, обещают, наставляют, приводят резоны. Поступайте лучше этого: будьте рассудительны и не рассуждайте с вашим воспитанником, особенно с целью заставить его согласиться на то, что ему не нравится, ибо вечно приводить таким образом доводы разума в вещах, неприятных для ребенка, – это значит наскучить ему этим разумом и заранее уничтожить к нему доверие в душе, еще не способной понимать его. Упражняйте тело ребенка, его органы, чувства, силы, но оставляйте его душу в бездействии, пока можно. Бойтесь всех чувствований, возникающих раньше суждения, умеющего их оценить. Задерживайте, останавливайте чуждые впечатления и не спешите делать добро, чтобы помешать возникнуть злу, ибо добро только тогда бывает таковым, когда его освещает разум. Смотрите на всякую остановку как на выигрыш: подвигаться к цели, ничего не теряя, – это значит много выигрывать. Дайте детству созреть в детях. Наконец, если какой-нибудь урок становится для них необходимым, берегитесь давать его сегодня, если можете безопасно отложить на завтра.

Другое соображение, подтверждающее полезность этого метода, касается особых дарований каждого ребенка: нужно с ними хорошо ознакомиться, чтобы знать, какой нравственный режим пригоден для них. Каждый ум имеет свой собственный склад, сообразно с которым и следует управлять им; для успешности принимаемых забот важно, чтобы им управляли таким-то путем, а не иным. Благоразумный наставник! Изучай дольше природу, хорошо наблюдай за своим воспитанником, прежде чем сказать ему первое слово; дай прежде всего на полной сво-

Репозиторий ВГУ

боде обнаружиться зачаткам его характера; не принуждай его в чем бы то ни было, чтобы лучше видеть его во всей целости. Неужели вы думаете, что это время свободы потеряно для него? Совершенно напротив: оно окажется лучше всего употребленным, ибо таким образом вы научитесь не терять ни одной минуты из времени более ценного, тогда как если вы начнете действовать, не узнавши, что нужно делать, то вы будете действовать наугад; вы можете обмануться, и вам придется возвращаться назад: вы дальше будете от цели, чем в том случае, если меньше торопились бы достигнуть ее. Не поступайте поэтому, как скупой, который из желания ничего не потерять теряет много. Жертвуйте в первом возрасте временем, которое вы с избытком воротите в более позднем возрасте. Мудрый врач не дает опрометчивых рецептов с первого же взгляда, но предварительно изучает темперамент больного, прежде чем предписать что-либо; он начинает лечить поздно, но зато вылечивает, меж тем как врач, слишком поспешивший, убивает больного...

Помните, что прежде, чем вы осмелитесь взяться за формирование человека, вам самим нужно сделаться людьми; нужно, чтобы в вас самих был образец, которому он должен следовать. Пока еще ребенок несознательно относится к окружающему, есть время все подготовить так, чтобы первые взоры он бросал только на такие предметы, которые следует ему видеть. Внушите всем уважение к себе, заставьте, прежде всего, себя полюбить, чтобы каждый искал случая вам угодить. Вы не будете управлять ребенком, если вы не господин всего, что окружает его; а этот авторитет никогда не будет достаточным, если он не основан на уважении к добродетели. Тут дело не в том, чтобы опустошать свой кошелек и сыпать деньги полными руками: я никогда не видел, чтобы деньги кого-нибудь заставили любить. Не нужно быть скупым и жестоким; мало жалеть нищету, которую можно облегчить; но хотя бы открыли все сундуки, если вы не открываете при этом и своего сердца, для вас навсегда останутся закрытыми сердца других. Свое собственное время, свои заботы, свои привязанности, самих себя – вот что вы должны отдавать другим, ибо, что бы вы ни делали, люди всегда чувствуют, что ваши деньги – это не вы. Иные знаки сочувствия и доброжелательства оказывают более действия и на деле полезнее, чем все дары. Сколько несчастных, больных нуждаются скорее в утешении, чем в милостыне! Скольким угнетенным покровительство полезнее, чем деньги! Мирите людей, которые ссорятся, предупреждайте тяжбы; склоняйте детей к долгу, отцов к снисходительности; содействуйте удачным бракам; ставьте преграду притеснениям; хлопочите, широко пользуйтесь влиянием родителей вашего воспитанника в защиту слабого, которому отказывают в правосудии и которого давит сильный. Смело объявляйте себя покровителем несчастных! Будьте справедливы, человечны, благотворитель-

Репозиторий ВГУ

ны. Творите не одну милостыню, творите дела любви: дела милосердия облегчают больше бедствий, чем деньги. Любите других, и они вас будут любить; помогайте им, и они вам станут помогать; будьте братьями их, и они будут вашими детьми... Молодые наставники! Я вам проповедую трудное искусство – управлять без предписаний, делать все, ничего не делая. Искусство это, сознаюсь, не по летам вам; оно не пригодно на то, чтобы с первого же раза блеснуть вам перед отцами своими талантами или похвастать небывалыми качествами; но оно одно способно вести к успеху. Вам не удастся никогда создать мудрецов, если вы не создадите сначала шалунов. Таково было воспитание спартанцев: вместо того, чтобы прилеплять их к книгам, их прежде всего учили воровать обед. А были ли спартанцы вследствие этого тупоумными, когда становились взрослыми? Кому не известна сила и меткость их возражений? Всегда готовые побеждать, они уничтожали своих врагов во всякого рода войне, и болтуны-афиняне столько же боялись их языка, сколько ударов.

При самом тщательном воспитании учитель приказывает и воображает, что управляет; в действительности же управляет ребенок. С помощью того, что вы требуете от него, он добивается от вас того, что ему нравится, и всегда умеет заставить вас за час усердия заплатить ему неделей снисходительности. Каждую минуту приходится с ним договариваться. Договоры эти, которые вы предлагаете на свой манер, а он выполняет на свой, всегда обращаются в пользу его прихотей, особенно если вы имели неосторожность, на его счастье, поставить в условиях такую вещь, которой он вполне надеется добиться и помимо условий, налагаемых на него. Ребенок обыкновенно гораздо лучше читает в уме учителя, чем учитель в сердце ребенка. Да это так и должно быть; ибо всю смышленость, которую ребенок, предоставленный самому себе, употребил бы на заботы о своем самосохранении, он употребляет на то, чтобы спасти свою природную свободу от цепей своего тирана, тогда как последний, не имея никакой настоятельной нужды разгадывать ребенка, находит иной раз для себя выгодным дать волю его лености или тщеславию.

Изберите с вашим воспитанником путь противоположный; пусть он считает себя господином, а на деле вы будьте сами всегда господином. Нет подчинения столь совершенного, как то, которое сохраняет наружный вид свободы, – тут порабощают саму волю. Разве бедный ребенок, который ничего не знает, ничего не может сделать, ни с чем не знаком, не в вашей власти? Разве вы не располагаете по отношению к нему всем окружающим? Разве вы не властны производить на него какое вам угодно влияние? Разве его занятия, игры, удовольствия, горести не в ваших руках, даже без его ведома? Конечно, он должен делать только то, что хочет; но он должен хотеть только того, чего вы от

Репозиторий ВГУ

него хотите; он не должен делать ни одного не предусмотренного вами шага; не должен открывать рта, если вы не знаете, что он скажет.

Тогда только он может предаваться телесным упражнениям, потребным для его возраста, и не притуплять при этом ума; тогда только вместо того, чтобы изощрять свою хитрость в увертках от несносной для него власти, он будет занят единственно тем, чтобы извлекать изо всего окружающего как можно больше пользы для своего настоящего благополучия; тогда именно вы будете изумлены тонкостью его изобретательности для присвоения себе всего, чего он может добиться, и для истинного пользования жизнью, независимо от условных понятий.

Оставляя его таким образом господином своей воли, вы не станете вызывать его на капризы. Не чувствуя, что поступает так, как следует, он скоро будет делать только то, что должно делать; и хотя бы тело его находилось в постоянном движении, вы увидите, что и все силы разума, ему доступные, пока дело будет касаться настоящей и видимой выгоды, будут развиваться гораздо лучше и гораздо целесообразнее, чем при занятиях чисто умозрительных.

Таким образом, не видя в вас стремления противоречить ему, не питая к вам недоверия, не имея ничего такого, что нужно скрывать от вас, он не станет вас и обманывать, не станет лгать вам; он явится таким, каким бывает, когда не чувствует страха; вам можно будет изучать его на полной свободе, и, какие бы вы ни хотели дать ему уроки, вы можете обставить их так, чтобы он никогда не догадывался, что получает уроки...

Книга III

На что это нужно? Вот слова, которые отныне делаются священными, решающими разногласие между ним и мною во всех действиях нашей жизни; вот вопрос, который с моей стороны неизменно следует за всеми его вопросами и служит уздой для тех многочисленных, глупых и скучных расспрашиваний, которыми дети, без устали и пользы, утомляют всех окружающих – скорее с целью проявить над ними некоторого рода власть, чем извлечь из этого какую-нибудь пользу. Кому внушают, как наиболее важный урок, желание знать только полезное, тот вопрошает, подобно Сократу; он не задает ни одного вопроса, не давши себе в нем отчета, которого, как он знает, потребуют от него прежде, чем разрешить вопрос.

Смотрите, какое могущественное средство действовать на воспитанника даю я в ваши руки. Не зная оснований ни для одной вещи, он почти осужден молчать, когда вам угодно; и наоборот, какое огромное преимущество имеете вы в своих познаниях и опытности, чтобы указывать ему пользу всего того, что ему предлагаете! Ибо не забывайте, что задавать ему этот вопрос – значит научать, чтобы он, в свою очередь, и вам задавал его; вы должны рассчитывать, что впо-

Репозиторий ВГУ

следствии на всякое ваше предложение и он, по вашему примеру, не преминет возразить: «А на что это нужно?».

Здесь, быть может, самая опасная западня для воспитателя. Если вы на вопрос ребенка из желания отделаться от него приведете хоть один довод, которого он не в состоянии понять, то, видя, что вы в рассуждениях основываетесь не на его идеях, а на своих собственных, он будет считать все сказанное вами пригодным для вашего, а не его возраста; он перестанет вам верить – и тогда все погибло. Но где тот наставник, который согласится стать в тупик и сознаться в своей вине перед учеником? Все считают своей обязанностью не сознаваться даже в том, в чем виноваты. Что же касается меня, то моим правилом будет сознаваться даже в том, в чем я неповинен, если мне невозможно будет привести доводов, доступных пониманию ребенка; таким образом, поведение мое, всегда ясное на его взгляд, никогда не будет для него подозрительным, и, предполагая в себе ошибки, я сохраню для себя больше влияния, нежели другие, скрывающие свои ошибки.

Прежде всего, вы должны хорошо помнить, что лишь в редких случаях вашей задачей будет указывать, что он должен изучать: это его дело – желать, искать, находить; ваше дело – сделать учение доступным для него, искусно зародить в нем это желание и дать ему средства удовлетворить его. Отсюда следует, что вопросы ваши должны быть не многочисленными, но строго выбранными; а так как ему приходится чаще обращаться к вам с вопросами, чем вам к нему, то вы всегда будете более обеспечены и чаще будете иметь возможность сказать ему: «А на что тебе нужно знать то, о чем ты спрашиваешь меня?»…

Книга IV

Вот где то второе рождение, о котором я говорил; вот когда человек воистину возрождается к жизни, и ничто человеческое ему не чуждо. Доселе наши заботы были лишь детскими забавами; теперь только они получают истинное значение. В эту именно эпоху, когда обычное воспитание уже оканчивается, наше воспитание должно начинаться; но чтобы нагляднее изложить этот новый план, проследим с самого начала положение вещей, сюда относящихся.

Источником наших страстей, началом и основой всех прочих, единственной страстью, которая рождается вместе с человеком и никогда не покидает его, пока он жив, является любовь к себе; это страсть первоначальная, врожденная, предшествующая всякой другой: все другие являются в некотором смысле лишь ее видоизменениями. С этой стороны все страсти, если хотите, естественны. Но большая часть этих видоизменений вызывается причинами посторонними, без которых они и не появились бы; а самые эти видоизменения не только не полезны, но даже вредны нам: они изменяют основную

Репозиторий ВГУ

цель и обращаются против своего начала. Тут именно человек оказывается вне природы и становится в противоречие с самим собою.

Любовь к самому себе всегда пригодна и всегда в согласии с порядком вещей. Так как каждому вверено прежде всего его собственное самосохранение, то первой и самою важной из его забот является – и должна являться – именно эта постоянная забота о самосохранении; а как мы могли бы заботиться о нем, если бы не видели в этом своего главнейшего интереса? ...

Первое чувство ребенка есть любовь к самому себе, а второе, вытекающее из первого, – любовь к тем, кто его окружает, ибо при том состоянии слабости, в котором он находится, он знакомится с другими лишь через помощь и уход, который получает. Сначала привязанность его к своей кормилице и гувернантке есть не что иное, как привычка. Он ищет их, потому что имеет нужду в них и потому что ему хорошо, что они есть у него: это скорее знакомство, чем расположение. Ему нужно много времени, чтобы понять, что они не только полезны ему, но и хотят быть полезными; вот тогда-то он начинает любить их.

Ребенок, значит, по природе расположен к доброте, потому что он видит, что все окружающее склонно ему помогать, и из этого наблюдения черпает привычку благожелательно относиться к себе подобным, но, по мере того, как расширяются его сношения, потребности, активная или пассивная зависимость, в нем пробуждается сознание его отношений к другим, ведущее к чувству долга и чувству предпочтения. Тогда ребенок делается высокомерным, ревнивым, лживым, мстительным. Если его принуждают к послушанию, он, не видя пользы в том, что ему приказывают, приписывает эти приказания капризу, желанию помучить его и упрямится. Если ему самому повинуются, он в первом же сопротивлении видит бунт, намеренное неповиновение; за непослушание он бьет и стул или стол. Любовь к себе, касающаяся лишь нас самих, удовлетворена, когда удовлетворены наши истинные потребности; но самолюбие, которое сравнивает себя, никогда не бывает и не может быть удовлетворено, потому что чувство это, заставляя нас предпочитать себя другим, требует, чтобы и другие предпочитали нас самим себе, а это невозможно. Вот каким образом нежные и сердечные страсти рождаются из себялюбия. Итак, добрым делает человека то обстоятельство, что он имеет мало потребностей и мало сравнивает себя с другими; а злым человека делает главным образом обилие потребностей и излишнее уважение к людскому мнению. На основании этого принципа легко видеть, каким образом можно направлять к добру или злу все страсти детей и взрослых.

Оказывая предпочтение, мы желаем его и для себя: любовь должна быть взаимной. Чтобы быть любимым, нужно сделаться милым; чтобы заслужить предпочтение, нужно сделаться милее другого,

Репозиторий ВГУ

милее всякого другого, по крайней мере в глазах любимого существа. Отсюда – первые сравнения с ними, отсюда – соревнование, соперничество, ревность. Сердце, до краев переполненное чувством, любит излияния; из потребности иметь возлюбленную скоро рождается потребность в друге. Кто почувствует, как сладко быть любимым, тот захочет быть любимым всеми… Вместе с любовью и дружбой рождаются раздоры, неприязнь, ненависть. И вот я вижу, как из недр всех этих разнородных страстей людское мнение воздвигает себе несокрушимый трон, а глупые смертные, порабощенные его владычеством, свое собственное существование основывают на суждениях другого.

Расширьте эти понятия, и вы увидите, откуда является у нашего самолюбия та форма, которую мы считаем естественной, и каким образом любовь к себе, переставая быть безотносительным чувствованием, становится в великих душах гордостью, в мелких душах тщеславием и во всех душах постоянно питается за счет ближнего. Этот род страстей, не имея источника в сердце детей, не может зарождаться здесь сам собой; только мы сами и вносим их туда, по нашей вине они и пускают там корни; но не то бывает с сердцем юноши: здесь, что бы мы ни делали, они зародятся против нашей воли. Пора, следовательно, изменить методу...

Все предшествующие размышления можно, мне думается, свести к двум-трем правилам, точным, ясным и удобопонятным.

Первое правило

Сердцу человеческому свойственно ставить себя на место не тех людей, которые счастливее нас, но только тех, которые больше нас заслуживают жалости.

Второе правило

Жалость возбуждают в нас только те чужие беды, от которых мы не считаем сами себя избавленными.

Третье правило

Жалость, внушаемая нам горем другого, измеряется нами не количеством этого горя, а тем чувствованием, которое мы предполагаем в людях страдающих.

...Научите нашего воспитанника любить всех людей и даже тех, кто их презирает; сделайте так, чтобы он не помещал себя в один класс, но чтобы оказывался во всех классах; говорите при нем о роде человеческом с умилением, даже с жалостью, но никогда не отзывайтесь о нем с презрением. Человек, не позорь человека!

Вот этими-то путями и другими, им подобными, но совершенно не похожими на пути избитые, и следует проникать в сердце юноши, чтобы возбудить в нем первые природные движения и раскрыть его для сочувствия ближним; кроме того, я прибавлю, что к этим движениям нужно примешивать как можно меньше личного интереса; особенно не

Репозиторий ВГУ

должно быть тщеславия, соревнования, славолюбия, всех тех чувствований, которые принуждают нас сравнивать себя с другими; ибо эти сравнения никогда не обходятся без некоторой доли ненависти к тем, которые оспаривают у нас преимущество, даже только по нашей собственной оценке. В этом случае приходится быть ослепленным или раздражаться, быть злым или глупым; постараемся избежать этой альтернативы. Мне говорят: «Эти страсти, столь опасные, рано или поздно появятся помимо нашей воли». Я не отрицаю этого; для каждой вещи есть свое время и место; я говорю только, что мы не должны помогать их зарождению... Когда я вижу, что в годы наибольшей деятельности заставляют молодых людей ограничиваться занятиями чисто умозрительными, а потом они без малейшей опасности сразу пускаются в свет и в дела, то я нахожу, что тут столько же оскорбляют природу, сколько и разум, и не удивляюсь уже, что так мало людей, умеющих вести себя. Какой нужен странный склад ума, чтобы учить стольким бесполезным вещам, а искусство действовать – считать за ничто! Претендуют образовать нас для общества, а учат так, как будто каждый из нас должен проводить свою жизнь в одиноких думах, в своей келье или в беседах на разные вздорные темы с людьми, ничем не заинтересованными. Вы думаете, что учите детей жить, если обучаете их разным кривляньям и условным фразам, ничего не обозначающим. Но ведь и я тоже учил Эмиля жить, ибо я научил его ладить с самим собою и, кроме того, зарабатывать себе хлеб. Но этого недостаточно. Чтобы жить в обществе, нужно уметь обходиться с людьми, нужно знать, какими способами можно действовать на них: нужно рассчитывать действие и противодействие частных интересов в гражданском обществе и так верно предвидеть события, чтобы редко обманываться в своих начинаниях или по крайней мере принимать всегда лучшие меры для успеха. Законы не позволяют молодым людям заниматься своими собственными делами и располагать своим имуществом; но к чему служили бы эти меры предосторожности, если бы до установленного законом возраста они не могли приобрести никакой опытности? Они ничего не выиграли бы от этого ожидания и в 25 лет были бы такими же новичками в деле, как в 15 лет. Без сомнения, нужно помешать, чтобы молодой человек, ослепленный своим невежеством или обманутый страстями, не причинил сам себе зла; но быть благотворительным во всяком возрасте позволительно; во всяком возрасте можно покровительствовать под руководством умного человека несчастным, которые нуждаются только в поддержке...

Я не перестаю повторять: облекайте все ваши уроки молодым людям в форму поступков, а не речей; пусть они не учат по книгам того, чему может научить их опыт. Какая нелепая задача – упражнять их в искусстве говорить без всякого намерения что-либо сказать; давать

Репозиторий ВГУ

чувствовать энергию языка страстей и всю силу искусства убеждать на школьной скамье, когда у них нет никакого интереса кого-нибудь и в чем-нибудь убеждать! Все правила риторики кажутся лишь пустой болтовней тому, кто не знает, как применить их в свою пользу. Для чего знать ученику, каким способом Ганнибал склонял солдат к переходу через Альпы? Если бы вместо этих великолепных речей вы показали ему, как он должен приняться за дело, чтобы убедить своего надзирателя дать ему отпуск, будьте уверены, что он внимательнее отнесся бы к вашим правилам...

Мы работаем в согласии с природой и, пока она формирует человека физически, пытаемся сформировать существо нравственное; но наши успехи не одинаковы. Тело уже крепко и сильно, в то время как душа еще немощна и слаба; и что бы ни могло сделать человеческое искусство, темперамент всегда предшествует разуму. Сдерживать один и возбуждать другой – вот к чему мы доселе всячески стремились для того, чтобы человек всегда был единым, насколько это возможно. Развивая природные свойства, мы задерживали зарождавшуюся чувствительность; мы ее регулировали, развивая разум; умственные предметы умеряли действие чувствительных предметов. Восходя к началу вещей, мы изъяли своего воспитанника из власти чувств; от изучения природы нетрудно было подняться до вопроса о Творце.

Когда мы дошли до этого, сколько приобрели мы новых способов влияния на воспитанника! Сколько у нас новых способов обращаться к его сердцу! Только теперь истинный интерес свой он видит в том, чтобы быть добрым, делать добро вдали от людских взоров и без принуждения со стороны законов, быть справедливым перед Богом и собою, исполнять долг, даже жертвуя жизнью...

Эмиль, напротив, считает для себя честью сделаться человеком и подчиниться игу нарождающегося разума; тело его, уже сформированное, не нуждается теперь в прежних движениях и начинает останавливаться, зато ум его, наполовину развившийся, начинает, в свою очередь, расправлять свои крылья. Таким образом, возраст разума для одних является лишь возрастом своеволия, для другого же он делается порою рассудительности...

Наконец, приходит и торжественный момент, начертанный природой: «Ему нужно прийти». Раз человеку необходимо умереть, он должен и воспроизводить себя, чтобы род продолжался и сохранялся мировой порядок. Когда по признакам, о которых я говорил, вы предугадаете критический момент, тотчас же оставьте навсегда ваш прежний тон по отношению к нему. Он еще ваш ученик, но уже не воспитанник ваш. Это ваш друг, это мужчина; обращайтесь отныне с ним, как с мужчиной...

Репозиторий ВГУ

Я.А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Педагогическое наследие / сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. – М., 1989. – С. 199–296.

ИОГАНН ГЕНРИХ ПЕСТАЛОЦЦИ

Письмо другу о пребывании в Станце

...Со всем энтузиазмом, свойственным исполняющейся надежде, я изложил свой план министру Штапферу. Он одобрил его с теплотой благородного человека, понимающего нужды народного образования с самой важной и высшей точки зрения. Так же поступил и министр внутренних дел Ренггер. ...Несчастье, постигшее Унтервальден (в сентябре 1798 г.), решило выбор местности. Правительство считало крайне необходимым прийти на помощь этому кантону и просило меня попытаться осуществить мое предприятие в таком месте, где, по правде говоря, не хватало всего того, что хоть сколько-нибудь могло бы содействовать удачному его результату.

Я охотно отправился туда. В неиспорченности страны я надеялся найти возмещение ее недостатков, а в ее бедствии – основание для благодарности. Мое горячее желание приняться, наконец, за великую грезу моей жизни заставило бы меня начать мое дело на высочайших вершинах Альп, так сказать, без огня и воды, только бы позволили мне его начать.

Правда, правительство назначило мне для жительства новое здание женского монастыря (урсулинок) в Станце. Однако строение, когда я прибыл туда, отчасти не было еще закончено, отчасти совершенно не приспособлено для устройства сиротского дома на значительное количество детей. Поэтому прежде всего требовалось привести его в надлежащее состояние...

Однако при всем желании и при всей поддержке эти подготовительные мероприятия требовали по меньшей мере времени. А его-то именно и было меньше всего вследствие необходимости быстро позаботиться о множестве детей, частично брошенных на произвол судьбы, частично осиротевших из-за предшествовавших кровавых событий.

Кроме необходимого количества денег, чувствовался, впрочем, недостаток во всем, и дети стали поступать в приют прежде, чем для них смогли быть приведены в порядок кухня, комнаты и постели. Это поначалу внесло в дело невероятную неразбериху. Первые недели я был заперт в комнате, не имевшей и 24 квадратных футов. Воздух нездоровый, к тому же наступила плохая погода, кирпичная же пыль, наполнявшая все коридоры, завершала неприглядность начатого.

Вследствие нехватки постелей я поначалу вынужден был отсылать бедных детей на ночь домой. Все они утром возвращались осы-

Репозиторий ВГУ

панные насекомыми. Большинство детей при поступлении в приют находилось в таком состоянии, которое явилось результатом крайне пренебрежительного отношения к человеческой природе. Многие поступили с хронической чесоткой, сильно мешавшей им передвигаться, с проломленными головами, некоторые в лохмотьях, усыпанных насекомыми, худые, словно скелеты, желтые, со впалыми щеками, с глазами, полными страха, у некоторых лбы изрезаны морщинами – следствие недоверчивости и озабоченности; одни были отчаянно наглы, привыкли попрошайничать, лицемерить и всячески фальшивить; другие – подавлены бедствием, терпеливы, но недоверчивы, жестоки и робки. Были среди поступивших неженки, прежде жившие в комфортабельной обстановке; эти были полны притязаний, держались особняком, с презрением смотрели на нищих и бедных детей. Они себя чувствовали плохо в этом новом равноправном положении, поскольку уход за бедными в том виде, как он практиковался у нас, не совпадал с их прежними привычками, не соответствовал их желаниям. Вялость и бездеятельность, недостаток развития духовных и физических сил были общими для всех детей. Из десяти едва ли один знал азбуку. На какое-либо иное школьное обучение или на существенные образовательные средства, которые бы способствовали их воспитанию, можно было рассчитывать еще меньше.

Между тем полное отсутствие школьного обучения меньше всего меня беспокоило; доверяя силам человеческой природы, которые Бог вложил даже в самых бедных и заброшенных детей, я благодаря моему прежнему опыту знал, что среди тины грубости, одичания и беспорядочности природа развивает самые великолепные склонности и способности, да и на своих приютских детях видел, как сквозь их грубость везде пробивается живая сила природы. Я знал, насколько сами по себе нужда и житейские потребности содействуют ясному пониманию человеком реального соотношения вещей, развитию здравого смысла, природного остроумия и пробуждению способностей, которые, правда, на этой низшей ступени существования кажутся покрытыми грязью, но, очищенные от нее, излучают яркий блеск. Я хотел сделать следующее: высвободить детей из этой тины и переместить их в простую, но чистую домашнюю обстановку и домашние условия. Я был уверен, что этого достаточно для того, чтобы они проявили самый здравый смысл и большую способность к деятельности, а также испробовали свои силы во всем, что только может удовлетворять ум и отвечать сокровеннейшему влечению сердца.

Итак, мои желания исполнились, и я был убежден, что мое душевное отношение к детям так быстро изменит их состояние, как весеннее солнце затвердевшую зимнюю почву. И не ошибся: прежде чем весеннее солнце растопило снег наших гор, моих детей нельзя

Репозиторий ВГУ

было узнать...

...Во всем Божьем мире не оказалось никого, кто пожелал принять участие в осуществлении моих взглядов на обучение и воспитание детей. Я едва ли знал тогда кого-либо, кто это мог сделать. Чем ученее и образованнее было большинство людей, с которыми можно объединиться, тем меньше понимали они меня и тем неспособнее оказывались они даже теоретически усвоить основные положения, к которым я старался вернуться. Все их взгляды на то, как организовать дело, обеспечить его потребности и т.д., были абсолютно чужды моим взглядам. Больше всего претили им, однако, как сама мысль, так и возможность ее осуществления, что в качестве образовательного средства надо пользоваться не искусственными вспомогательными средствами, а только природой, окружающей детей, повседневными их потребностями и их постоянно живой деятельностью. И все же именно это было той идеей, на которой я основывал все исполнение моего плана. Она была также тем центром, вокруг которого концентрировалось и из которого как бы вытекало множество других мыслей...

Мои убеждения целиком совпадали с моей целью. Своим опытом я хотел, собственно, доказать, что общественное воспитание должно подражать преимуществам домашнего воспитания и что первое имеет ценность для человеческого рода лишь в случае подражания последнему. Школьное обучение, не проникнутое тем духом, который требуется для воспитания человека, и не основанное на самой сущности семейных отношений, на мой взгляд, ведет не к чему иному, как к искусственному уродованию людей. Хорошее человеческое воспитание требует, чтобы дома глаз матери ежедневно и ежечасно безошибочно читал в глазах, на устах и на лице ребенка любую перемену его душевного состояния. Такое воспитание по существу требует, чтобы сила воспитателя была подобна отцовской, оживленной наличием всех семейных отношений.

На этом я строил свои планы. С раннего утра до самой ночи, все время, мои дети должны были видеть на моем лице и догадываться по моим губам, что всем сердцем я с ними, что их счастье – мое счастье, а их радость – моя радость.

Человек так хочет добра, ребенок так охотно прислушивается к доброму; но он хочет его не ради тебя, воспитатель, он хочет его ради себя самого. То добро, к которому ты должен принести ребенка, не должно быть причудой твоего настроения и твоей страсти, оно по самой природе вещей должно быть добром само по себе и очевидно для ребенка. Положение ребенка и его потребности вынудят его почувствовать необходимость твоего желания раньше, чем он сам пожелает добра. Ребенок хочет всего, что охотно делает. Он хочет всего, что де-

Репозиторий ВГУ

лает ему честь. Он хочет всего, что вызывает в нем большие ожидания. Он хочет всего, что возбуждает в нем силы, что заставляет его сказать: «Я могу это сделать».

Но это желание вызывается не словами, а всесторонней заботой о ребенке, а также чувствами и силами, возбуждаемыми в нем этой всесторонней заботой. Слова не дают самого дела, а только четкое представление о нем, вызывают его осознание.

Таким образом, прежде всего я хотел и должен был приобрести доверие и привязанность детей. Если бы мне это удалось, то я с уверенностью ожидал бы, что остальное сложится само собой...

...Как ни гнетуща и неприятна была моя беспомощность, она, с другой стороны, благоприятствовала выполнению моих планов, вынуждая меня быть для детей всем. С утра до вечера я был один среди них. Все хорошее для их тела и духа шло из моих рук. Всякая помощь и поддержка в нужде, всякое наставление, получаемое ими, исходило непосредственно от меня. Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и моя улыбка сопровождала их улыбку. Они были вне мира, вне Станца, они были со мной, и я был с ними. Их похлебка была моей похлебкой, их питье было моим питьем. У меня ничего не было, у меня не было ни дома, ни семьи, ни друзей, ни слуг – только они были у меня. Когда они бывали здоровы, я находился среди них, когда они бывали больны, я тоже находился около них. Я спал в одном помещении с ними. Вечером я последним ложился в постель, а утром первым вставал. И даже будучи уже в постели, я продолжал молиться вместе с ними и поучать их, пока они не засыпали: этого желали они. Под непрерывной угрозой заражения я сам снимал с их платья и с них самих грязь, с которой почти невозможно было бороться. Только благодаря этому и было, конечно, возможно то, что дети постепенно привязались ко мне, а некоторые из них настолько сильно, что оспаривали все то нелепое и презрительное, что слышали обо мне от своих родителей и друзей. Они чувствовали, что ко мне относятся несправедливо, и я могу сказать, что за это они вдвойне любили меня...

...Приют все разрастался, так что в 1799 г. у меня было около восьмидесяти детей. У большинства из них были хорошие, а у некоторых даже отличные способности. Для большинства из них чтение было совершенно новым делом, и, как только некоторые видели, что могут чего-то добиться, их усердие не знало предела. Дети, за всю свою жизнь не державшие книги в руках, едва знавшие наизусть такие молитвы, как «Отче наш» и «Богородице, дево радуйся», спустя несколько недель начинали учиться с величайшим интересом, с раннего утра почти без перерыва до самого вечера. После ужина, особенно поначалу, когда я их спрашивал, что они охотнее станут теперь делать –

Репозиторий ВГУ

спать или учиться, они обычно отвечали: «Учиться». Правда, позднее их усердие несколько уменьшилось, так как им приходилось вставать раньше. Однако первоначальное рвение определило их отношение ко всему делу и обеспечило учению успех, далеко превзошедший даже мои ожидания.

Между тем мне приходилось невыразимо трудно. Хорошо наладить организацию занятий было еще невозможно.

Запущенность отдельных детей и общее замешательство еще не были ликвидированы, несмотря на все доверие ко мне и все старания. Мне самому еще нужно было искать какое-нибудь высшее основание для организации всего моего дела и как бы самому создать это основание. Но покуда такого основания не было, нельзя было как следует организовать в приюте ни обучения, ни занятий, ни хозяйства. Да я и не желал этого. То и другое должно было скорее вытекать из моих отношений с детьми, а не из заранее составленного плана. И в этом я пытался найти высшие принципы и созидательные силы. Все это должно было стать продуктом высшего духа, свойственного учреждению, и гармонирующего с окружающей внимательностью и деятельностью самих детей, непосредственно вытекать из их быта, их потребностей, их общих связей. Ни экономическая сторона, ни что-либо другое внешнее не были тем, из чего я мог и должен был исходить, с чего мог и должен был начинать свои усилия освободить приютских детей от свойственных их окружению тины и грубости, которыми были обусловлены их внутренняя порча и одичание. Было почти невозможно с самого начала облагородить их душу жестким и принудительным введением внешнего порядка и приличий или внушением правил и предписаний, чем я при необузданности детей в этом отношении скорей отдалил бы их от себя, а их дикие природные способности направил бы непосредственно против своей цели. Я обязательно должен был сперва пробудить и оживить в детях самую душу, правдивое и нравственное расположение духа, чтобы тем самым сделать их и внешне деятельными, внимательными, благосклонными, послушными. Иначе я поступить не мог, я должен был следовать возвышенному принципу Иисуса Христа – сначала очистить душу, чтобы и внешнее очистилось. И если когда-либо этот принцип и был неопровержимо доказан, то, безусловно, в моем деле.

В настоящее время моя главная цель была в первую очередь направлена на то, чтобы, воспользовавшись пробудившимся в детях впервые чувством, вызванным их совместной жизнью, и начавшимся развитием их сил, сделать детей братьями, сплотить весь дом, словно одну большую семью, и на основе таких отношений и вытекающего из них настроения оживить во всех детях чувства справедливости и нравственности.

Репозиторий ВГУ

Я довольно счастливо достиг этой цели. Вскоре можно было видеть, как семьдесят одичавших нищих детей мирно живут, проявляя друг к другу такую любовь, внимательность и сердечность, которые редко встречаются в маленькой семье между братьями и сестрами. В этом случае я в своей деятельности исходил из следующего принципа: в первую очередь старайся сделать своих детей отзывчивыми, удовлетворяя их ежедневные потребности, добивайся того, чтобы основу их впечатлений, опыта и деятельности составляли любовь и благодеяния, которые тем самым надежно закреплялись бы в их сердце; затем старайся научить их многому, чтобы они могли уверенно и широко применять в своем кругу эти благодеяния. И в последнюю очередь, наконец, займись опасными знаками, выражающими добро и зло, – словами. Свяжи их с повседневными, домашними явлениями и всем окружением и позаботься о том, чтобы они полностью основывались на желании разъяснить детям происходящее в них и вокруг них, чтобы посредством этого возбудить в детях справедливые и нравственные воззрения на жизнь и отношения. Но если бы тебе пришлось бодрствовать целые ночи, чтобы суметь в двух словах сказать то, на что другие тратят двадцать слов, не жалей о своих бессонных ночах.

Я своим детям объяснял очень мало; я не учил их ни морали, ни религии; но, когда они вели себя так тихо, что можно было расслышать дыханье каждого ребенка, тогда я спрашивал их: «Разве вы не станете разумнее и лучше, если будете вести себя так, а не шумя?» Когда они бросались мне на шею и называли отцом, я спрашивал их: «Дети, можно ли лицемерить перед отцом? Правильно ли целовать меня, а за моей спиной делать то, что причиняет мне боль?» Когда речь заходила о бедствиях страны, а они в это время веселились и чувствовали себя счастливыми, я говорил им: «Разве не добр Бог, вложивший в сердце человека сострадание?» Но иногда я спрашивал их: «Разве нет разницы между властями, воспитывающими бедняков так, чтобы всю свою жизнь они сами способны были помогать себе, и такими властями, которые либо целиком предоставляют их самим себе, либо подают им милостыню и содержат в убежищах, не оказывая действительной помощи в их нужде и не уничтожая по-настоящему их пороков и праздности?» Подробно и часто изображал я им счастье тихой и мирной семьи, которая благодаря рассудительности и трудолюбию имеет верный кусок хлеба и в состоянии давать советы и помогать незнающим, невоспитанным и несчастным людям. Прижимая их к своей груди, я уже в первые месяцы спрашивал наиболее чувствительных детей: «Разве тебе не хотелось бы, подобно мне, жить в кругу бедных несчастных людей, воспитывать их, делать их образованными людьми?» Боже, какими возвышенными становились их чувства, как блестели слезы в их глазах, когда они отвечали мне: «Иисус,

Репозиторий ВГУ

Мария! Если бы и я мог этого добиться!»

Больше всего ободряла их перспектива не оставаться вечно нищими, а когда-нибудь появиться среди окружающих с приобретенными ими познаниями и навыками, суметь стать для них полезными и пользоваться их уважением. Они чувствовали, что благодаря мне они добьются большего успеха, чем другие дети; они живо ощущали ту внутреннюю связь, которая существует между моим руководством и их будущей жизнью, и в их мечтах счастливая будущность представлялась им вполне достижимой. Поэтому вскоре они перестали ощущать тяжесть своих усилий. Их желания и надежды гармонировали с целью этих усилий.

Друг, добродетель возникает из этого согласия, как молодое растение вырастает на почве, соответствующей природе и потребностям его самых нежных волокон.

Я видел, как в детях развивалась такая внутренняя сила, которая намного превосходила мои ожидания и проявления которой часто приводили меня в изумление и трогали.

Когда сгорел Альтдорф, я собрал детей и сказал им: Альтдорф сгорел, и, быть может, в эту минуту сто детей остались без крова, без пищи, без одежды. Не хотите ли вы просить наши добрые власти, чтобы они примерно двадцать пострадавших детей приняли в наш дом?

Еще и теперь представляется мне то волнение, которым сопровождались их восклицания:

– Ах, да! Ах, боже мой, да!

Но тогда я сказал им:

– Поразмыслите над тем, чего вы желаете. Наш приют не имеет столько денег, сколько ему нужно, нет уверенности, что мы, приняв этих бедных детей, станем получать больше, чем прежде. Следовательно, из-за этого вы можете оказаться в таком положении, что вам придется больше работать, чтобы оправдать расходы на ваше обучение, получать меньше еды и, может быть, даже делиться с детьми своей одеждой. Так что говорите о желании принять детей только в том случае, если ради них охотно и искренне примиритесь со всем этим.

Я сказал это со всей доступной мне твердостью и заставил их повторить все, что я сказал, чтобы убедиться, что они ясно поняли, к чему ведет их предложение, но они оставались непоколебимыми и отвечали:

– Да, да, если нам даже придется хуже питаться, больше работать и делить с ними свою одежду, мы все же будем рады, если они придут.

Когда несколько жителей Граубюндена, собиравшиеся эмигрировать, беззвучно плача, положили мне в руки несколько талеров для детей, я не дал этим людям уйти, позвал детей и сказал им:

– Дети, эти люди покидают свою родину, может быть, завтра они не будут знать, где самим найти кров и пропитание, и все же, сами

Репозиторий ВГУ

нуждаясь, приносят вам этот дар; идите, поблагодарите их.

Волнение детей вызвало у этих людей громкие рыдания. Таким образом, прежде чем говорить о какой-либо добродетели, я вызывал в детях живое чувство ее; ведь я считал вредным говорить с детьми о каком-либо деле, о котором они даже не знают, что сказать. С этими чувствами я связывал упражнения в самообладании, чтобы с его помощью чувства могли непосредственно и твердо проявиться в жизни.

Строгая дисциплина была в приюте, конечно, мало возможна. Она должна была явиться следствием постепенно растущих потребностей.

Тишина как средство, позволяющее вести работу, – быть может, первый секрет подобного рода учреждения. Тишина, которую в своем присутствии я требовал во время обучения, была для меня великим средством для достижения моей цели; таким же средством было и сохранение детьми сидячего положения во время занятий. В отношении тишины я добился того, что в то мгновенье, когда я этого требовал, даже при повторении за мной одновременно всеми детьми каких-либо слов, был слышен каждый неверно произнесенный звук, так что я мог вести обучение, имея слабый и хриплый голос, и не было слышно ни одного звука, кроме того, что произносил я и должны были за мной повторять дети. Конечно, не всегда бывало так...

Между тем, если дети проявляли жестокость и грубость, я был строг и применял даже телесные наказания.

Дорогой друг, педагогический принцип с помощью одних только слов овладевать умами и сердцами множества детей и обходиться без воздействия телесных наказаний, конечно, выполним в отношении удачных детей и при счастливых обстоятельствах; но для разнородной массы нищих детей, при их возрасте, усвоенных ими привычках при необходимости надежно и быстро простыми средствами воздействовать на всех, при всем этом достигая определенной цели, впечатление от телесного наказания было существенно необходимо, а опасение потерять из-за этого доверие детей – совершенно неосновательно. Не отдельные, редкие поступки определяют состояние духа и весь образ мыслей детей по отношению к взрослым, а масса ежедневно и ежечасно повторяющихся и представляющих их взорам истинных твоих душевных качеств и степень твоего расположения и нерасположения к ним – именно это решительно определяет те чувства по отношению к тебе, и, как только чувства выявились, каждое впечатление от отдельных поступков определяется этим уже установившимся отношением детей. Поэтому родительские наказания редко производят дурное впечатление. Совсем по-другому обстоит дело, когда наказывают школьные и другие учителя, не проводящие бескорыстно дни и ночи с детьми и не составляющие одну с ними семью. Этим людям недостает

Репозиторий ВГУ

той основы, которая складывается из тысячи обстоятельств, крепко привлекающих сердца детей: отсутствие таких обстоятельств отчуждает учителей от детей и заставляет детей смотреть на них как на людей, совершенно непохожих на тех, кто связан с ними благодаря всей совокупности этих обстоятельств...

Дорогой друг, на детей мои пощечины не могли произвести дурного впечатления, потому что целые дни я проводил среди них, бескорыстно привязанный к ним, и жертвовал собой для них. Они не истолковывали моих действий превратно, потому что не могли не оценить моего сердца; не ценили его их родители, друзья, посещавшие меня иностранцы и педагоги. И это было естественно. Я на весь мир не обращал внимания, лишь бы понимали меня мои дети. Но и я все делал для того, чтобы четко и ясно объяснить им, почему и как я поступаю в отношении всего, что могло вызвать их внимание или возбудить страсти. Это, друг, приводит меня к пониманию всей значительности нравственного воздействия в действительно семейной обстановке воспитания.

Все элементарное нравственное образование покоится вообще на трех основаниях: выработать с помощью чистых чувств хорошее моральное состояние; упражнять нравственность на справедливых и добрых делах, превозмогая себя и прилагая усилия; и, наконец, сформировать нравственные воззрения через размышление и сопоставление правовых и нравственных условий, в которых ребенок находится в силу своего происхождения и окружающей его среды.

До сих пор, дорогой друг, я обращал твое внимание на некоторые обстоятельства моей работы в отношении первых двух оснований. Мой способ развивать в моих детях представления и понятия о правах и обязанностях был столь же прост и, как и в обоих других случаях, основывался целиком на ежедневных наблюдениях и опыте детей. Когда они, например, разговаривали и становилось шумно, мне стоило обратиться только к их собственному чувству, спросив, можно ли в этих условиях вести занятия. Никогда в жизни я не забуду, насколько вообще сильным и непринужденным было в них чувство справедливости и насколько мое бескорыстное расположение к ним возвысило, укрепило это чувство.

В каждом случае, связанном с приютом, я обращался к ним самим и к их чувству справедливости. В тихий вечерний час я обычно спрашивал их откровенное мнение…

Благодаря многочисленности детей я имел возможность на примере их же товарищей ежедневно наглядно показывать, что прекрасно и что отвратительно, что справедливо и что несправедливо. То и другое всегда было одинаково заразительно. Большое количество детей увеличивало опасность погубить самую сокровенную сущность учреждения из-за разнообразнейших видов зла, в котором отдельные лица

Репозиторий ВГУ

были повинны вследствие своей беспорядочности, незамеченных и необнаруженных проступков. Однако эта же многочисленность детей представляла ежедневно чрезвычайно много возможностей и поводов более действенно развивать все доброе и нравственное и закреплять его глубже, чем это было бы возможно при небольшом количестве детей. И об этом я откровенно говорил со своими воспитанниками...

Большое впечатление производило также наглядное изображение положения, в каком они впоследствии могли бы оказаться. Я показывал детям, куда ведут всякого рода проступки, и спрашивал их самих:

– А разве ты не знаешь людей, вызывающих у всех отвращение своим злым языком, своими наглыми, клеветническими речами? Неужели на старости лет ты хотел бы вызывать к себе отвращение и брезгливость со стороны своих соседей, домашних и даже детей?

Так я ссылался на их собственный опыт для наглядного показа крайней испорченности, к которой нас приводят пороки; таким же образом я давал им живое представление о последствиях всего доброго, а главным образом приводил к четкому осознанию столь неравных последствий хорошего и запущенного воспитания:

– Разве ты не знаешь людей, несчастных только потому, что они в юности не были приучены все обдумывать и взвешивать? Разве не знаешь людей, которые могли бы зарабатывать втрое или вчетверо больше, если бы только умели писать и читать? Разве не становится у тебя тяжело на душе при сознании, что на старости лет ты по своей же вине останешься без пфеннига, про черный день и, быть может, станешь бременем для своих собственных детей или будешь жить подаянием, если теперь упустишь возможность чему-нибудь научиться?

И следующие соображения производили на детей глубокое впечатление:

– Знаешь ли ты что-либо более великое и прекрасное, чем дать совет бедняку и оказать помощь больному в горе? А сумеешь ли ты это сделать, если сам ничего понимать не будешь, не будешь ли ты вынужден, имея самые лучшие желания, из-за своего невежества оставить все так, как оно есть? Но если ты много знаешь, ты во многом можешь дать совет, и если ты многое понимаешь, можешь многим людям помочь в их нужде...

Мой опыт говорит о том, что все зависит от того, чтобы каждое учебное положение представлялось учащимся правильным благодаря сознанию ими интуитивного, связанного с реальными отношениями опыта.

Без такого основания истина является для них просто игрой, большей частью не соответствующей их возможностям и утомительной. Несомненно, способность человека воспринимать правду и справедливость по своему существу является всеобъемлющей, воз-

Репозиторий ВГУ

вышенной, чистой склонностью, которая может находить себе пищу в простых, немногословных, но широких взглядах, стремлениях и чувствах; они дают человеку очень определенное и верное понимание истины и справедливости без того, чтобы он отличался особыми внешними признаками развитой внутренней силы.

Верно и то, что такие основные принципы человеческого познания, просто ведущие человека к глубоко развитому и немногословному чувству правды и справедливости, благодаря этому содержат в себе противовес главнейшим и самым пагубным последствиям всякого рода предрассудков… Предрассудки, даже невежество и само суеверие, как ни дурны они сами по себе, в таких людях не могут быть и стать тем, чем они вечно являются и вечно останутся для эгоистичных и несправедливых болтунов от религии и права.

Такие основные положения, определяющие человеческое познание, похожи на чистое золото, в сравнении с которым подчиненные им и зависящие от них истины следует считать простой разменной монетой...

Там, где гармония душевных сил и склонностей покоится на постепенном усвоении человеком его обязанностей, где понимание красоты бескорыстных человеческих отношений основано на осознании простых истин, там спокойно можно оставить отдельные предрассудки на фоне этого, хотя и столь ограниченного, но реального, просвещения. Если при этом развитая сила людей дойдет до такого уровня, что в их натуре будут преобладать правильное развитие и благородство, присутствие предрассудков не будет ощущаться и они сами по себе исчезнут, как исчезает тень при свете.

Преимущество человеческого умения и знания для людей собственно состоят в надежности основ, из которых они исходят и на которых покоятся. Человека, который много знает, надо полнее и искуснее любого другого вести к внутреннему согласию, к гармонии его знаний с условиями его существования и к равномерному развитию всех его душевных сил. Если же этого нет, то его знания для него самого становятся блуждающим огнем, способствующим нарушению душевного равновесия и лишающим его самых существенных жизненных наслаждений, которые самому простому и неразвитому человеку дает простой, прямой, находящийся в согласии с самим собой здравый смысл...

Я не знал ни порядка, ни метода, ни искусства [воспитания], которые не явились бы следствием моей глубокой любви к детям. Я и не хотел ничего другого знать. Таким образом, я и учение детей подчинил высшей цели, а именно пробуждению в них всех лучших чувств и тому, чтобы с полной силой заставить на них воздействовать естественные условия, в которых они были вверены моим заботам и совме-

Репозиторий ВГУ

стно жили.

История социальной педагогики: хрестоматия-учеб. / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – С. 136–149.

ЯНУШ КОРЧАК

Дом Сирот

1. Техника организации жизни интерната в ее мельчайших и вместе с тем решающих деталях зависит от здания, в котором интернат размещен, и территории, где это здание построено.

Сколько жестоких попреков обрушивается на головы детей и персонала из-за ошибок строителя, сколько ненужных затруднений, хлопот, огорчений приносит малейший недосмотр в плане строительства! А если возможна переделка, как трудно определить это и убедить в ее необходимости! А ведь бывают ошибки, которые не исправишь.

Дом Сирот был сооружен под знаком недоверия к детям и к персоналу: «Все видеть, знать, все предотвратить». Громадный рекреационный зал – это открытая площадь, рынок. Человеку бдительному достаточно одного взгляда, чтобы охватить все. То же с большими, казарменного типа спальнями. У такого здания есть значительные преимущества, оно позволяет быстро изучить ребенка; характерное для летних колоний и сборных пунктов, откуда ребята переходят в другие, построенные иначе интернаты, оно утомляет тем, что в нем нет «спокойного угла». Шум, гам, беготня, толкотня – ребята жалуются, и жалуются справедливо.

Если можно было бы в будущем надстроить этаж, я высказался бы за гостиничную систему: коридор, а по обеим сторонам небольшие комнаты...

Кроме изолятора для больных необходимо выделить помещение для детей, которые временно недомогают. Ушиб ребенок ногу, голова болит, не спал ночью, перевозбужден ли – пускай у него будет укромный уголок, где он может некоторое время побыть один или с товарищем. Такой ребенок, слоняющийся между разыгравшейся ребятней и всем мешающий, обиженный и одинокий, вызывает сочувствие, а иногда и гнев у окружающих...

Уборная для ночного пользования и писсуар должны находиться в непосредственной близости от большой спальни, если даже не в самой спальне. Отделять их тамбурами, коридорчиками нет смысла. Чем дальше упрятана уборная, тем она грязнее.

Укромная квартира директора в стороне от ребят лишает его возможности участвовать в педагогическом процессе. Директор будет осуществлять контроль над канцелярией и бухгалтерией, переписываться с властями, представляя интересы своего учреждения, но

Репозиторий ВГУ

так и останется чужаком-гостем, а не хозяином интерната. Ведь интернат – это «мельчайшие и вместе с тем решающие детали», об этом не следует забывать. Архитектор должен поместить руководителя учреждения так, чтобы он вынужден был стать воспитателем, чтобы он видел и слышал ребенка не только тогда, когда ребенок по вызову входит к нему в кабинет...

ВОСПОМИНАНИЯ

Один из наших отъявленных сорванцов разбил во время уборки довольно дорогой фаянсовый писсуар. Я не сдержался. Несколько дней спустя этот же мальчуган разбил бутыль с пятью литрами рыбьего жира. И на этот раз я его только слегка пожурил.

Помогло: союзник...

Как легко работается, если воспитатель чувствует, что овладел оравой, и какой это ад, когда воспитатель мечется, бессильный, а ребята знают это, чувствуют и мстительно травят. Как велика угроза обратиться к системе грубейшего насилия в угоду собственной безопасности.

5. Полсотни ребят, переведенных из бывшего приюта в Дом Сирот, были для нас как-никак величиной известной; их роднили с нами общие переживания и надежды, а с панной Стефанией, воспитательницей Дома Сирот, и взаимное большое чувство. Эти ребята, хотя и сопротивлялись попыткам организовать их, были способны к организации. Вскоре были приняты пятьдесят новеньких – новые трудности. В нашем детдоме устроили школу для приходящих, что позволило мне установить, какая пропасть лежит между аристократом-учителем и замарашкой-воспитателем.

Организационный год окончился для нас полной победой. На сто детей одна экономка, одна воспитательница, сторож и кухарка. Мы перестали зависеть от тирании случайных воспитателей и приютского техперсонала. Хозяевами, сотрудниками и руководителями дома стали дети. Все, что следует ниже, дело рук самих ребят.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

На стене на видном месте, не высоко и не низко, висит доска, на которую прикрепляются кнопками приказы, сообщения и объявления.

Без доски объявлений жизнь – сплошная мука. Говоришь четко и ясно:

– Такие-то дети, скажем А, Б, В, Г, пойдут, возьмут, сделают то-то, то-то и то-то.

Немедленно к тебе подбегают Д, Е, Ж.

– А я тоже? А я? А он? Ты повторяешь, не помогает. Ты говоришь им:

– Подите достаньте...

Опять вопросы, шум, неразбериха.

Репозиторий ВГУ

– А когда? А куда? Зачем?

Расспросы, просьбы, толкотня выматывают тебя и выводят из терпения. Но иначе и быть не могло. Ведь не все слышали, не все поняли, не все ребята вполне уверены, что они это точно знают, наконец, и сам воспитатель в такой суматохе мог что-нибудь проглядеть.

В хаосе текущих дел воспитателю приходится давать непродуманные, неразработанные, а значит, часто порочные распоряжения, ведь всегда в последнюю минуту что-нибудь выплывет. Доска объявлений сразу же заставляет (а потом и приучает) воспитателя заблаговременно обдумать план каждого мероприятия.

Воспитатели не умеют общаться с детьми при помощи письма. Большая ошибка!

Я повесил бы доску объявлений даже там, где большинство детей не умеют читать. Дети, не зная букв, научатся хотя бы узнавать свое имя, ощутят свою зависимость от тех детей, которые читают, почувствуют потребность читать.

Объявление

«Завтра в десять часов утра будет выдаваться новая одежда. Так как не вся одежда готова, не получат новую одежду А, Б, В, Г... Старую одежду будут принимать Е и Ж...»

Объявления

«Кто нашел или хотя бы видел ключик на черной тесемке?» «Кто разбил окно в умывалке, признавайся!»

Сообщения

«Вчера в спальне мальчиков было грязно».

«Ребята рвут книжки и бросают ручки где попало».

«Говорят не “маморальная вода”, а “минеральная вода”».

«Через месяц будет Пасха. Вносите предложения, как лучше провести праздники».

«Кто хочет переменить место в спальне (за столом), пусть придет завтра в классную комнату в 11 часов утра».

Сообщения, предостережения и пожелания вывешивают теперь не только воспитатели, но и дети. И чего там только нет! Доска точно живая. И ты диву даешься, как это ты без нее обходился?!

– Скажите, пожалуйста, а я тоже?..

– Посмотри на доску объявлений.

– Да я не умею читать.

– Попроси того, кто умеет...

Доска объявлений дает широкий простор для инициативы и воспитателей, и детей. Календарь, температура, важные газетные сообщения, картинка, шарада, кривая драк, список поломок и повреждений, список сбережений, вес, рост. Коли есть время и охота, ребенок останавливается перед ней, словно перед витриной магазина, и глазе-

Репозиторий ВГУ

ет. А можно вывешивать и сведения о столицах. Какие есть столицы, сколько в каждой жителей, какие цены на продукты питания. Всего сразу и не придумать...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Воспитатель, который уже признал пользу письменного общения с детьми, быстро убедится в необходимости почтового ящика.

Доска объявлений вооружает воспитателя привычным, а значит, не требующим особого труда ответом «прочти». Почтовый ящик дает ему возможность отложить любое решение, ответив «напиши».

Ведь часто легче написать, чем сказать. Нет воспитателя, который не получал бы писем с вопросами, просьбами, жалобами, извинениями и признаниями. Так всегда велось, почтовый ящик только закрепляет разумный обычай. Ты вынимаешь вечером пригоршню исписанных неумелой рукой листочков и потому, что вокруг тебя тишина и покой, читаешь внимательнее, раздумывая над тем, чему не придал бы значения по недостатку времени днем.

«Я могу завтра пойти в город? Мамин брат приехал».

«Ко мне ребята пристают».

«Вы несправедливый: всем карандаши чините, а мне не хотели».

«Я больше не хочу спать около двери, потому что мне ночью кажется, что кто-то входит».

«Я на вас сержусь».

«А учительница мне в школе сказала, что я уже лучше себя веду».

«Я хотел бы с вами поговорить об одном очень важном деле».

Иногда найдешь стишок без подписи: вспомнилось – взял и написал, а потом не знал, что с ним делать, и бросил в почтовый ящик.

Вытащишь и анонимку с нецензурной руганью или угрозами.

Письма бывают обычные, изо дня в день одни и те же, и крайне редкие, необыкновенные. О том, что повторяется изо дня в день, ты успеешь еще подумать не сегодня, так завтра. Над содержанием необыкновенного письма думаешь дольше.

Почтовый ящик приучает детей:

1) ждать ответа. Не сразу, не по первому требованию.

2) отличать мелкие, мимолетные огорчения, заботы, желания, сомнения от серьезных огорчений, забот, желаний, сомнений. Чтобы написать, надо принять какое-то решение. Да и так дети часто хотят взять обратно уже опущенные в ящик письма.

3) думать, мотивировать.

4) хотеть и уметь.

– Напиши и опусти в почтовый ящик.

– Да я не умею писать.

– Попроси кого-нибудь, кто умеет.

В начале работы я сразу же совершил ошибку, от которой хочу предостеречь других: я отсылал (не без иронии) к почтовому ящику

Репозиторий ВГУ

хронических надоед.

Раскусив каверзу, они совершенно справедливо обижались и на меня, и на ящик.

– Теперь с вами совсем нельзя говорить.

Подобный упрек я слышал и от воспитателей: не слишком ли это официально, письменно общаться с детьми?

Я лично утверждаю, что почтовый ящик не затрудняет, а, наоборот, облегчает словесное общение с детьми. Я выбираю детей, с которыми необходимо поговорить по-товарищески, по душам или со всей серьезностью, и могу выбрать подходящий для себя и для ребенка момент. Почтовый ящик экономит время, благодаря ему день у меня становится длиннее.

Бесспорно, бывают дети, которые не любят писать, но, пожалуй, это исключительно те, кто рассчитывает на свое обаяние – улыбку, поцелуй, кокетство – на особое расположение, удачный момент. Эти дети желают заставлять, а не просить. Тот, кто уверен в своей правоте и полагается лишь на нее, подает заявление и спокойно ждет решения.

ПОЛКА

Полка может служить дополнением к доске объявлений. В Доме Сирот полки нет, но потребность в ней ощущается. Итак, на такой полке стоят: словарь, сборник пословиц, энциклопедия, план и описание города Варшавы, календарь, хрестоматии, руководства по играм: теннису, футболу и т.д. Несколько комплектов шашек для общего пользования. Библиотека ребятам необходима; выдача настольных игр в определенные дни и часы и надзор дежурного гарантируют их сохранность; а в сущности, должна же быть какая-то опытная станция для изучения свободно проявляемых социальных инстинктов ребенка? Ничего не поделаешь, ребята будут рвать, ломать и терять.

На полке есть место и для детских тетрадок. Один записывает полюбившиеся ему песенки, другой шутки и прибаутки, третий загадки, четвертый сны. Тетрадь учета драк и ссор, опозданий, потерь, поломок и повреждений. Издаваемые самими ребятами выпуски типа листовок и ежемесячники: естественнонаучные, туристские, литературные и общественные.

Сюда дежурные складывают рапорты и дневники. Сюда же можно класть и дневник воспитателя. Не каждый дневник обязательно держать под замком. Мне кажется, дневник, в котором воспитатель делится пережитыми им разочарованиями, трудностями, ошибками и впечатлениями, как приятными и радостными, так и тяжелыми, может иметь большое воспитательное значение.

Здесь место и книжке учета: кто, когда и зачем идет в город и когда возвращается – и нотариальной книжке. Дети охотно обменивают, продают и перепродают свою мелкую собственность. Мы не должны

Репозиторий ВГУ

смотреть на это как-то недоброжелательно и тем более запрещать. Если перочинный нож или ремень является собственностью ребенка, почему ему нельзя обменять их на пенал, магнит или увеличительное стекло? Если мы боимся нечистых сделок, споров, ссор, давайте введем нотариальные книжки, которые предотвратят злоупотребления. Если дети легкомысленны и неопытны, дадим им возможность приобрести опыт!

Так как я придаю дневнику воспитателя большое значение, приведу несколько отрывков из своего дневника:

Сегодня я несправедливо рассердился на одного из ребят. Несправедливо! Но я не мог поступить иначе. Ну что делать, если моя обязанность – стоять на страже равноправия? Что сказали бы ребята, разреши я одному делать то, за что наказываю других?..

– Вечером у меня в комнате собрались ребята старшего возраста. Мы говорили о будущем. Почему им так хочется стать взрослыми? Дети наивны, они думают, что быть взрослым – это значит делать все, что хочешь. Они не видят оков на нашей зрелой воле. Снова кража. Я знаю, где сто детей, обязательно один из них вор **(**один ли?). А однако, я не могу с этим смириться. Я в обиде на всех, словно все в этом замешаны.

– А вот и исправился! Я было боялся поверить раньше времени, но вот уже несколько недель внимательно приглядываюсь. Может, нашел себе хорошего товарища? Ох, если бы так и осталось!

– Опять я узнал об одной некрасивой истории. Делаю вид, что ничего не знаю. Так это неприятно – то и знай ворчать, браниться, злиться, дознаваться.

– Странный мальчик. Все мы его уважаем. Он мог бы иметь большое влияние на товарищей, а сторонится всех наших начинаний. На удивление чуждый всем и замкнутый ребенок. И это в нем не эгоизм и не враждебное отношение, он просто не может по-другому, а жаль...

– Уж такой нынче приятный денек! Все ребята здоровые, веселые, деятельные. Все шло как-то хорошо, быстро и складно. Таких бы денечков побольше!)

ШКАФ НАХОДОК

Воспитатель косо поглядывает на содержимое детских карманов и ящиков. И чего там только нет: картинки, открытки, шнурки, гвозди, камни, тряпочки, бусы, коробки, пузырьки, цветные стеклышки, марки, птичьи перья, шишки, каштаны, ленточки, засушенные листья и цветы, вырезанные из бумаги фигурки, трамвайные билеты, обломки чего-то, что уже было, завязи чего-то, что еще только чем-то станет. У каждой мелочи имеется своя, часто очень путаная история, свое особое происхождение, свое особое значение, иногда очень большое для

Репозиторий ВГУ

ребячьей души.

Тут есть и воспоминания о прошлом, и порыв к будущему. Маленькая раковинка – это мечты о морском путешествии; винтик и несколько проволочек – аэроплан, гордое стремление к полетам; глаз давно разбитой куклы – память о любимом существе, которого уже нет и не будет. Найдешь и фотографию матери, и завернутые в розовую промокашку два гроша – подарок покойного дедушки.

Прибывают новые предметы, часть старых теряет прежнее значение. Ребенок меняет, дарит, а потом жалеет и отбирает.

Я боюсь, что невежда-воспитатель, не понимая, а значит, ни с чем, не считаясь, в гневе на то, что заедают выдвижные ящики и рвутся карманы, обозленный из-за вечных споров и беспокойства, что у ребят то все пропадает, то опять находится – понакидано, понабросано, понашвыряно, в приступе плохого настроения возьмет да и соберет все эти сокровища в кучу и выбросит весь мусор в печку. Он совершает неслыханное злоупотребление, варварское злодеяние. Как ты смеешь, дубина, распоряжаться чужой собственностью? Как ты смеешь потом требовать от детей, чтобы они что-нибудь уважали и кого-нибудь любили? Ты сжигаешь не бумажки, а любовь к традициям, мечты о красивой жизни.

Задача воспитателя – добиваться, чтобы у каждого ребенка было что-то, что являлось бы не безымянной собственностью учреждения, а его личной собственностью, и чтобы он мог эту свою собственность хранить в безопасном месте. Когда ребенок кладет что-нибудь в свой ящик, он должен быть уверен, что у него это никто не тронет; ведь две бусинки – это для него драгоценные сережки, обертка от шоколада – акции рантье, дневник – сданный в архив секретный документ. Мало того, твой долг помочь ребенку найти потерянные им предметы.

Так значит, стеклянный шкаф для находок. Ведь у каждого, даже самого мелкого, предмета есть свой хозяин. Закатилось ли что-нибудь под стол, забыто ли на окне или наполовину засыпано песком во дворе – все это должно попасть в шкаф.

Чем меньше в данном интернате «ничьих» предметов, чем больше собственных мелочей, тем сильнее тебя допечет обязанность постоянно получать и выдавать находки и выслушивать жалобы на то, что «у меня пропало». А как ты поступаешь с тем, что тебе отдают как находку? Кладешь в карман: пример бесчестного отношения.

В Доме Сирот есть почтовый ящик находок. Дежурный из ящика перекладывает их в стеклянный шкаф и в определенные часы возвращает владельцам.

В период острой борьбы за порядок я передавал в «шкаф находок» каждую валявшуюся без призора шапку, не повешенный на место фартук, забытую на столе книжку.

Репозиторий ВГУ

ЛАРЕК

Законные, справедливые требования ребят: тетрадка, карандаш, перо, шнурок для ботинок, иголка, наперсток, пуговица, мыло – и так с утра до вечера. Сущее наказание! Вечно у них что-нибудь кончается, ломается, обрывается, вечно им что-то нужно – ни минуты покоя!

Значит, ларек – маленькая комнатка или, пожалуй, скорее даже шкаф, в конце концов, может быть, даже просто ящик. Но ты выдаешь раз в день, в определенное время. Кто опоздал или забыл, должен ждать до следующего дня. О чем тут спорить?!

Выдавая, ты записываешь, кто, что и когда получил. Если ты обвинишь ребенка в том, что он ломает перья, у тебя будет возможность подтвердить это фактами, цифрами, сравнить с другими. Некоторые предметы выдаются в ларьке бесплатно, другие продаются по низкой цене.

ВЕШАЛКА ДЛЯ ПОЛОВЫХ ЩЕТОК

Следовало бы озаглавить: дежурства. Я предпочел написать «вешалка для половых щеток», чтобы подчеркнуть, что дежурство ничего не даст, если мы одновременно не добьемся от ребят уважения к половой щетке, тряпке, помойному ведру, совку для мусора.

Рабочие инструменты уже завоевали некоторое уважение. И хотя книга по-прежнему продолжает занимать привилегированное положение, молоток, рубанок, клещи вышли уже из своего убежища в темном углу или из ящика под кроватью, а швейная машина даже допущена на господскую половину. В Доме Сирот мы извлекли щетку и тряпку из чулана под лестницей и поместили их не только на видном, но и на почетном месте – рядом с парадным входом в спальню. И странное дело, на свету все это «простонародье» облагородилось, приобрело одухотворенность и стало ласкать взоры своей эстетической внешностью.

На две спальни у нас шесть половых щеток. Будь их меньше, сколько споров, ссор и драк прошло бы перед нашими глазами! Если мы придерживаемся взгляда, что хорошо вытертый стол равноценен старательно переписанной странице, если мы заботимся о том, чтобы труд воспитывал и формировал ребенка, а не просто хотим заменить детским трудом труд домашней прислуги, мы должны этот вопрос изучить, и не кое-как, а основательно, распределив работу между всеми, – и проверять, и наблюдать, и менять дежурных, и посвятить этому много времени и мыслей.

Сто ребят – это сто работников, поддерживающих порядок и ведущих хозяйство, сто разных уровней, сто разных степеней силы, знаний, темпераментов или характеров, безразличия или желания быть полезным.

Упорядочение дежурств – это не начало, а окончание организационной работы, не какая-нибудь одна беседа, а несколько меся-

Репозиторий ВГУ

цев напряженной работы рук и зоркой творческой мысли.

Прежде всего, надо знать работу и знать детей. Я видел в интернатах такую невероятную небрежность при распределении обязанностей, что дежурства деморализовали, выматывали ребят, учили их ненавидеть всякую помощь интернату.

Бывают дежурства легкие, не требующие ни физической силы, ни умения, ни особых душевных качеств, легко контролируемые, выполняемые пассивно, без применения орудий труда, например: расставить стулья, подобрать бумажки.

Кто вытирает пыль, у того уже есть тряпочка, за которую он отвечает.

В классах, где четверо дежурных, требуется координация действий.

Дежурства бывают утренние и вечерние, ежедневные и еженедельные (раздача белья, купание, стрижка волос), разовые (выколачивание матрасов), летние (уборные во дворе) и зимние (уборка снега).

Каждый месяц составляется и вывешивается новый список дежурных. Этому предшествует подача ребятами заявлений.

Например:

«Я хочу быть дежурным по спальне». «Я хочу убирать класс и заведовать банными простынями». «Я хочу дежурить по умывалке, а если это нельзя, то в раздевалке». «А я хочу в уборной и еще хочу быть подавальщицей за восьмым столом».

На каждое дежурство есть свои кандидаты, которые подают заявки на вакантные должности, договариваются между собой, добиваются согласия, ведут многочисленные переговоры.

Плохому дежурному приходится изрядно набегаться, наволноваться и наобещать, чтобы закрепить за собой место.

«Я с тобой не хочу, ты дерешься, опаздываешь – ты ленивый».

К сожалению, мы не учитываем и десятой доли этой большой воспитательной работы. У каждой должности есть свои плохие и хорошие стороны, и каждая работа требует умения ладить с людьми. На новом дежурстве ребенок сталкивается с неожиданными радостями и трудностями. То, что он делает что-то новое, заставляет его стараться, а чуть работа приелась, появляется необходимость напрячь энергию, чтобы завоевать облюбованное место или удержаться на старом.

Здесь достигается полное равноправие возрастов и полов: младший, но старательный быстро продвигается по работе, мальчик слушает девочку.

Там, где на одном участке несколько дежурных, один из них старший. На каждом этаже есть свой ответственный дежурный. В этом делении нет ничего искусственного. Заведовать работой другого – тя-

Репозиторий ВГУ

желая обязанность, ответственность – неприятная вещь. Люди, не посвященные во все детали нашей работы, предъявляли нам обвинения по поводу этой градации. Каждый должен сам себя контролировать; однако не все и не всегда в жизни получается так, как оно должно быть. Некоторый процент небрежных, недобросовестных и легкомысленных встречается и среди ребят; впрочем, надо ведь не только контролировать, кто-то должен и учить, и помогать. И тут воспитатель, если он желает иметь время на более длительные беседы с отдельными детьми, обязан прибегнуть к письменной форме общения с основной массой ребят. Поэтажные и старшие дежурные по важнейшим видам хозяйства отчитываются каждый вечер в своем дежурстве, подавая дневники.

Хотя в Доме Сирот только часть дежурств платные, я лично придерживаюсь мнения, что оплачиваться должны все дежурства. Мы желаем воспитать хороших граждан, но у нас нет необходимости воспитывать идеалистов. Дом Сирот заботится о детях, у которых нет родителей, не из милости и, заменяя в материальном отношении умерших родителей, не имеет права не предъявлять к детям требований. Почему мы не должны, и как можно раньше, научить ребенка понимать, что такое деньги и плата за труд, чтобы ребенок знал цену независимости, которую дает заработок; чтобы ребенок знал плохие и хорошие стороны владения собственностью? Ни один воспитатель не вырастит из сотни детей сотню идеальных людей; а объявись несколько самородков, горе им, если они не будут уметь считать. Ибо деньги дают все, кроме счастья; нет, дают даже и счастье, и разум, и здоровье, и нравственность. Но ты покажи ребенку, что деньги приносят и несчастье, и болезни, и лишают рассудка. Пусть ребенок на заработанные им деньги объестся мороженым, и пусть у него заболит живот; пусть он из-за гривенника поссорится с товарищем; пусть проиграет, потеряет, пусть у него их украдут; пусть и пожалеет, что купил, пусть польстится на доходное дежурство и убедится, что не стоило; пусть оплатит причиненный им ущерб.

ОПЕКУНСКАЯ КОМИССИЯ

Вместо объяснений привожу дневник одного из наших сорвиголов, адресованный к девочке-опекунше, вместе с ее замечаниями.

16 апреля

«Я хотел бы быть столяром. Когда я поеду путешествовать, я смогу тогда сделать себе сундук и в этот сундук положу разные свои вещи и одежду и уеду, и куплю саблю и ружье. Если нападут дикие звери, я буду защищаться. Я очень люблю Гелю, но на девочке из Дома Сирот я не женюсь».

Замечание опекунши: «Геля тоже тебя любит, но не очень, потому что ты хулиган. А почему ты не хочешь жениться на девочке из

Репозиторий ВГУ

нашего детдома?»

«Я не хочу брать жену из нашего детдома потому, что мне будет стыдно. Когда я поеду путешествовать, чтобы открыть часть света, я научусь хорошо плавать даже в океане. Я поеду в Америку, буду много работать, заработаю денег, куплю себе автомобиль и проживу там три недели. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Спокойной ночи. А ты будешь мне писать?»

«Я и Р. разговаривали о том, как мы жили дома. Я сказал, что у меня отец был портным, а у Р. отец сапожник. А теперь мы словно в тюрьме, потому что мы не дома. И если у кого нет ни отца, ни матери, то жизнь у него пропащая. Я рассказал ему, как отец посылал меня за пуговицами, а Р. отец посылал за гвоздями и т.д. Я забыл».

Замечание опекунши: «Пиши разборчивее».

«Вот как будет. Когда я вернусь из путешествия, я женюсь. Посоветуй, на ком мне жениться: на Доре, на Геле или на Мане. Я не знаю, кого взять в жены. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Дора сказала, что ты еще сопляк. Маня не соглашается, а Геля смеется».

«Ведь я не просил тебя их спрашивать, я только написал, кого я люблю. Теперь я ужасно расстроился, мне стыдно, я ведь только тебе одной написал, кого я люблю. И что теперь будет? Ведь мне стыдно к ним подойти. Пожалуйста, скажи мне, за какой стол мне сесть, чтобы хорошо себя вести, и напиши мне какую-нибудь длинную-предлинную сказку. И пожалуйста, никому не показывай, а то я теперь боюсь писать. И мне очень хочется знать, как выглядит австралиец, какие они там».

Замечание опекунши: «Раз ни Доре, ни Мане, ни Геле не стыдно, так и тебе нечего стыдиться. В маленькой тетрадке сказки не пишут. Если ребята тебя примут, садись за третий стол. Австралийца я постараюсь тебе показать. А твой дневник я больше не стану показывать».

«Хоть бы мне уже исполнилось двенадцать лет! То-то было бы счастье! Когда я стану уезжать, я со всеми попрощаюсь. Я не знаю, что писать».

Замечание опекунши: «Ты сказал, что тебе столько всего хочется написать и что ты не знаешь, хватит ли тебе бумаги, а теперь не знаешь, что писать?»

«Пожалуйста, посоветуй мне что-нибудь, у меня страшное горе и нечистая совесть. Вот это какое горе: не знаю почему, но на уроках у меня из головы не идет один мой недостаток – и боюсь я его, – как бы я не украл. Я не хочу никого огорчать и стараюсь исправиться. И чтобы об этом моем недостатке не думать, я думаю о путешествиях. Спокойной ночи».

Репозиторий ВГУ

Замечание опекунши: «Ты очень хорошо сделал, что написал мне об этом. Я с тобой поговорю и что-нибудь посоветую. Но когда я говорю, чур, не обижаться».

«Я уже исправился. Я дружу с Г., и он меня уже исправил. И я очень стараюсь. А почему мне можно ходить в город раз в две недели? Ведь я такой же, как и все, чем они меня лучше? А они ходят каждую неделю, а я раз в две недели. Я хочу быть таким, как все. Бабушка просила меня приходить каждую неделю, а мне стыдно сказать, что меня не пускают».

Замечание опекунши: «Ты сам знаешь, почему тебе нельзя ходить в город, как всем. Я попрошу, но сомневаюсь, удастся ли».

«У меня и так были неприятности, потому что когда меня выгнали из школы, то должны были выгнать и из Дома Сирот, если меня не примут обратно в школу. А теперь я уже опять хожу в школу. Я уже знаю 35 народов. И у меня есть книжка о путешествиях. Правильная книжка. Мне очень хочется какую-нибудь коробку. Пожалуйста, ответь».

Замечание опекунши: «Я дам тебе коробку, у себя поищу или где-нибудь достану. А ты можешь мне написать, зачем тебе эта коробка?»

«Мне эта коробка очень нужна, у меня много вещей: письма, книжки, очень много нужных вещей... Теперь я уже ни с кем не дружу, мне не с кем. А когда эта тетрадка кончится, мне дадут новую? Я некрасиво написал, на двух линейках. Я буду писать обо всем, буду записывать всякие огорчения, что я сделал плохого и о чем думаю. Мне надо написать очень много разных любопытных вещей».

Мальчику было девять лет, опекунше – двенадцать.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Мыслей у детей не меньше, и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие. В нашем мышлении образы линялые, ветхие, чувства тусклые и словно покрытые пылью... Поэтому нам так трудно найти с детьми общий язык, поэтому нет более сложного искусства, чем умение с ними говорить. Долгое время мне казалось, что с детьми нужно говорить просто, понятно, занимательно, образно, убедительно. Теперь я думаю по-другому: мы должны говорить коротко и с чувством, не подыскивая слова и выражения, говорить искренне. Я предпочел бы теперь сказать ребятам: «Мое требование к вам несправедливо, оскорбительно, невыполнимо, но я обязан это от вас требовать», чем обосновать такое требование и ждать, чтобы ребята признали за мной правоту.

Собрать детей, разжалобить или, наоборот, отругать их и добиться нужного тебе постановления – это не собрание.

Собрать детей, произнести речь, разжечь их и выбрать нескольких, чтобы они взяли на себя обязательства и ответственность, – это

Репозиторий БГУ

не собрание.

Собрать детей, сказать, что я не могу справиться, и пускай они сами что-нибудь придумают, чтобы было лучше, – это не собрание.

Галдеж, бестолочь – голосуют, лишь бы отделаться, – это пародия на собрание.

Частые речи и частые собрания с целью поставить или разрешить какие-либо животрепещущие вопросы опошляют этот способ вызова коллективной реакции.

Собрание должно иметь деловой характер, замечания ребят выслушиваться внимательно и честно – никакой фальши или нажима, – решение откладывать до того момента, когда воспитатель выработает план действий. Если воспитатель может что-либо не знать, не уметь или не мочь, то и ребята имеют право не знать, не уметь или не мочь.

И никаких невыполнимых обещаний! Обещают глупые и бездумные, а умные и честные сердятся или вышучивают.

Чтобы найти общий язык с детьми, надо поработать. Само собой это не приходит! Ребенок должен знать, что он может взять слово, что это стоит делать, что это не вызовет гнева или неприязни, что его поймут. Мало того, он должен быть уверен, что товарищи его не высмеют и не заподозрят в желании подмазаться к воспитателю. Собрание требует чистой и достойной моральной атмосферы. Нет более бессмысленной комедии, чем нарочито подстроенные выборы и голосования с заранее известным результатом.

Кроме того, ребята должны научиться вести собрание. Ведь совещаться всем скопом нелегко.

И еще одно условие. Принуждать к участию в обсуждениях и голосованиях не надо. Есть дети, которые не хотят участвовать в обсуждениях. Надо ли их заставлять?

– Болтают и болтают, а толку чуть.

– К чему собираться, и так ведь по-своему сделаете.

– Что это за собрание, когда никто ничего сказать не может, сразу же все смеются или сердятся.

Пренебрегать этой критикой или объяснять вообще дурным отношением не следует. И правильно, что ребята, способные критиковать, жалуются...

Если я теперь отношусь к собраниям со всей строгостью, то в начале своей работы в Доме Сирот я переоценивал их значение, злоупотребляя словом.

Как бы то ни было, собрания пробуждают коллективную совесть, укрепляют чувство общей ответственности, словом, оставляют след. Однако будьте осторожны. В ребячьей толпе нет и не может быть абсолютного товарищества и солидарности. С одним у меня общего только крыша над головой и звонок на подъем, с другим – школа, с

Репозиторий ВГУ

третьим – одни и те же склонности, с четвертым у меня – дружба, с пятым – любовь. Дети имеют право жить группами и отдельно, своим умом и трудом.

ГАЗЕТА

Воспитательное учреждение без газеты кажется мне беспорядочным и безнадежным топтанием на месте и брюзжанием воспитателей, повторением одного и того же без определенной цели и без контроля над детьми, чем-то временным и случайным, без традиции, без воспоминаний, без перспектив.

Газета – это прочное звено, она связывает неделю с неделей и сплачивает детей, воспитателей и техперсонал в единое целое.

Газету читают вслух всем детям.

В газете находят свое выражение каждое изменение, улучшение или реформа, каждый недочет, каждое пожелание.

Можно писать о них в двух строках в хронике, статье и передовой. Можно только отметить:

«А подрался с *Б».* Или: «Все чаще и чаще происходят драки. Вот опять имела место драка между *А* и *Б.* Мы не знаем, из-за чего они подрались, но разве обязательно каждый спор должен кончаться дракой?» Или: «Долой кулачную расправу!» Или: «С этим надо раз и навсегда покончить». Под сенсационным заголовком излагается вопрос о драках.

Для воспитателя, который обязан понять ребенка и себя, газета – прекрасный регулятор его слов и поступков. Газета – это живая хроника его работы, усилий, ошибок, трудностей, с которыми он боролся. Газета – это подтверждение его способностей, свидетельство о его деятельности, защита перед возможными упреками. Газета – это научный документ, которому нет цены.

Может быть, вскоре в учительских семинариях будут введены лекции по педагогической журналистике.

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

Если я посвящаю суду непропорционально много места, то это делается в убеждении, что детский товарищеский суд может положить начало детскому равноправию, привести к конституции, заставить взрослых провозгласить декларацию прав ребенка. У ребенка есть право на серьезное отношение к его делам и на справедливое их рассмотрение. До сих пор все зависело от доброй воли и хорошего или плохого настроения воспитателя. Ребенок не имел права протестовать. Деспотизму надо положить конец!

КОДЕКС ТОВАРИЩЕСКОГО СУДА

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть посту-

Репозиторий ВГУ

пать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать.

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится.

Но суд обязан защищать тихих ребят, чтобы их не обижали сильные, суд обязан защищать добросовестных и трудолюбивых, чтобы им не мешали разболтанные и лентяи, суд обязан заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди.

Суд – это еще не сама справедливость, но он обязан стремиться к справедливости; суд – это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Судьи могут ошибаться. Судьи могут наказывать за поступки, которые и им самим случается совершать, и называть плохим то, что и им самим доводится делать.

Но позор тому судье, который сознательно вынесет несправедливый приговор.

КАК ПОДАВАТЬ В СУД?

На видном месте висит доска. На этой доске каждый может записать свое дело: свою фамилию и фамилию того, на кого он подает в суд. Можно подать в суд на себя самого, на любого ребенка, на любого воспитателя, на любого взрослого. Каждый вечер секретарь вписывает дела в книгу, а на следующий день собирает показания. Показания могут даваться устно или письменно.

СУДЬИ

Суд собирается раз в неделю. Судьи выбираются жеребьевкой из тех ребят, на которых за всю неделю ни разу не подавали в суд. На каждые пятьдесят дел выбирается по пять судей.

Может получиться так, что имеется, например, сто двадцать дел. Значит, надо пятнадцать судей. А такого количества ребят, у которых не было бы на неделе ни одного дела, нет. Тогда тянут жребий все, а на группы разбиваются так, чтобы никому не приходилось вести своего дела.

Решения принимаются согласно кодексу, причем секретарь имеет право с согласия судей передавать некоторые дела на рассмотрение судебного совета или на расширенное судебное заседание, чтобы их разбирали при всех и все все слышали и точно знали. Секретарем суда является воспитатель. Приговоры заносятся в книгу и зачитываются перед всеми. Недовольные приговором могут подавать свои дела на повторное рассмотрение, однако не раньше, чем по истечении месяца.

СУДЕБНЫЙ СОВЕТ

Судебный совет должен состоять из воспитателя и двух судей,

Репозиторий ВГУ

избираемых на три месяца тайным голосованием.

Кроме вынесения приговоров судебный совет занимается разработкой обязательных для всех законов.

Поскольку у судей из совета тоже могут быть свои судебные дела, в судебный совет выбираются пять судей, судят же каждое дело только трое.

СЕКРЕТАРЬ

Секретарь не судит, а только собирает показания и зачитывает их на заседаниях суда. Секретарь ведет судебную доску, книгу показаний и приговоров, стенную доску поломок и повреждений, заведует фондом материальных потерь, ведет кривую приговоров и редактирует газету.

ЗАБОТА СУДА О ПОРЯДКЕ

Если кто-нибудь опаздывает, шумит, мешает, не кладет вещи на место, не соблюдает очередь, сорит, разводит грязь в доме, входит туда, куда вход запрещен, пристает, ссорится и дерется, он нарушает порядок. И надо подумать, как с ним быть.

Суд может или простить, или сказать, что обвиняемый поступает плохо, или просить совет позволить нарушителю уклониться от соблюдения режима. Совет может дать ему время подумать о своем поведении.

Совет может позволить кому-нибудь одному делать то, что никому не разрешается. Пускай этот один будет исключением.

ЗАБОТА О ВЫПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Кто не хочет учиться или работать и делает все небрежно, тот причиняет себе вред и никому не приносит пользы.

Если суд не помогает, надо обратиться в совет – может быть, этот мальчик болен, может быть, ему надо дать время привыкнуть, а может быть, совсем освободить от работы?

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Разные ребята живут у нас вместе. Этот маленький, а тот большой; один сильный, а другой слабый; этот умный, а тот не такой умный; один веселый, другой печальный; один здоровый, а у другого что-нибудь болит. Суд смотрит за тем, чтобы большой не обижал маленького, маленький не мешал старшему. Чтобы умный не эксплуатировал и не высмеивал тех, кто поглупее. Чтобы забияка не лез сам, но чтобы и его не задевали. Чтобы веселый не подстраивал глупых шуток над невеселыми.

Суд должен следить, чтобы каждый имел то, что ему нужно, тогда не будет несчастных и озлобленных.

Суд может простить, а может и сказать, что кто-нибудь поступил неправильно, плохо, очень плохо.

ЗАБОТА О СОБСТВЕННОСТИ

Репозиторий ВГУ

Сад, двор, дом, стены, двери, окна, лестницы, печи, стекла, столы, лавки, шкафы, стулья, постели – если обо всем этом не заботиться, все будет поломано, попорчено, станет грязным и некрасивым. То же самое и с пальто, костюмами, шапками, носовыми платками, тарелками, кружками, ложками – если их потеряют, порвут, сломают, разобьют, жалко ведь, да? То же и с книжками, ручками, игрушками – портить их не надо, их надо беречь.

Иногда убыток невелик, а иногда и велик; иногда огорчение маленькое, а иногда и большое.

Тот, кто принес убыток, подает на себя в суд, который решает, должен ли подававший покрыть убыток сам, или это будет сделано из судебного фонда.

Все вышесказанное относится и к личной собственности.

ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ

Болезнь, увечье и смерть – все это большие несчастья. Стекло можно вставить, мячик купить; ну а что сделаешь, если кому-нибудь глаз выбили?

Если даже несчастья и не случилось, все равно надо помнить, что следует быть осторожным.

Судебный совет решает, сколько висеть на судебной доске объявлению о несчастном случае или о болезни по своей вине.

НЕИЗВЕСТНО КТО...

Кто это сделал, неизвестно. Никто не хочет признаться. Если очень стараться, узнать всегда можно. Но так неприятно искать, следить, подозревать. Если что-нибудь случилось и неизвестно, кто это сделал, то подают в суд на неизвестного. На неизвестного заводят дело, судьи судят и вывешивают приговор на судебной доске. Если этот поступок позорит все учреждение, совет постановляет пришить на знамени учреждения черный траурный лоскут.

ВСЕ ТАК ДЕЛАЮТ

Если что-нибудь часто повторяется, а всех ведь под суд не отдашь, следует хорошенько подумать, как быть.

– Все опаздывают. Никто не вешает шапку.

Неправда, не все опаздывают, а многие. И один делает это два раза в неделю, а другой раз в месяц. Но что налицо беспорядок – да, верно.

Совет решил вывесить график поведения и, если это понадобится, предпримет и еще что-нибудь, чтобы не было непорядка.

ИСКЛЮЧЕНИЯ

Кто-нибудь один не может привыкнуть, кто-нибудь один нарушает режим. Перепробовали все – не помогает. Как быть?

– Если мы позволим одному то, что всем запрещается, или освободим от того, что обязаны делать все, выйдет что-нибудь плохое

Репозиторий ВГУ

или не выйдет?

Судебный совет может сделать для кого-нибудь исключение до тех пор, пока тот сам не заявит, что больше не хочет. Совет постановляет, помещать этих «исключительных» на судебную доску объявлений или не помещать.

Ст. 1–99

Существует девяносто девять статей оправдывающих или таких, где говорится: суд дела не разбирал. После такого суда все остается так, словно суда и вовсе не было, или – и это единственное следствие проступка – нарушителя обязуют стараться больше так не делать.

Ст. 100

Суд не говорит, что он виновен, не объявляет ему порицания, не сердится на него. Но, рассматривая статью сотую как самое маленькое наказание, суд включает это наказание в кривую судебных приговоров.

Ст. 200

Статья двухсотая гласит: «Он поступил неправильно». Ничего не поделаешь. С каждым может случиться. Мы просим его больше так не делать.

Ст. 300

В статье трехсотой говорится: «Он поступил плохо». Суд осуждает.

Если при статьях сотой и двухсотой суд просит, чтобы этого больше не было, при трехсотой суд требует, чтобы это больше не повторялось.

Ст. 400

Статья четырехсотая – большая провинность. В статье четырехсотой говорится: «Ты поступил очень плохо» или: «Ты поступаешь очень плохо».

Статья четырехсотая – это последняя попытка, последнее желание избавить виновного от стыда, последнее предостережение.

Ст. 500

В статье пятисотой говорится: «Кто совершил такой поступок, кому до такой степени нет дела до наших просьб и требований, тот или не уважает себя, или не думает о нас. Поэтому и мы его больше не можем щадить.

Приговор с именем и фамилией опубликовывается в газете на первой странице».

Ст. 600

Суд вывешивает сроком на неделю приговор на судебной доске объявлений и опубликовывает его в газете.

Если кто-нибудь получил шестисотую статью за то, что поступает так постоянно, можно вывесить кривую его поведения и на более долгий срок, тогда вместо полных имени и фамилии ставятся инициалы.

Репозиторий ВГУ

Ст. 700

Кроме того, что несет за собой статья шестисотая, по статье семисотой о содержании приговора оповещают семью.

Может быть, виновного придется исключить. Значит, надо предупредить семью. Если сразу скажешь: «Забирайте его домой» – родные могут обидеться, что, мол, не предупредили, скрыли.

Ст. 800

Статья восьмисотая как бы говорит: «Суд не помогает. Может быть, наказания, какие раньше применялись в воспитательных учреждениях, и помогли бы, но у нас таких наказаний нет. Даем виновному неделю на размышление. За эту неделю ни он не может подавать на кого-нибудь в суд, ни на него никто не будет подавать в суд. Посмотрим, исправится ли он и надолго ли». Приговор опубликовывается в газете, вывешивается на доске объявлений, оповещается семья.

Ст. 900

Статья девятисотая гласит:

«Мы потеряли надежду, что он может исправиться сам, без посторонней помощи».

Приговор этот как бы говорит:

«Мы ему не верим».

Или:

«Мы его боимся».

И наконец:

«Мы не хотим иметь с ним никакого дела».

Другими словами, по статье девятисотой виновный исключается из интерната. Однако он может и остаться, если кто-нибудь возьмет на поруки. И, уже исключенный, может вернуться, если найдет себе опекуна.

Опекун отвечает перед судом за все его провинности.

Опекуном может быть воспитатель или кто-нибудь из ребят.

Ст. 1000

Тысячная статья гласит:

«Исключаем». Каждому исключенному предоставляется право по истечении трех месяцев ходатайствовать об обратном принятии в интернат…

СЕЙМ ДОМА СИРОТ

Дежурства в Доме Сирот имеют семилетнюю давность и получили боевое крещение уже во многих интернатах. Кухня, прачечная, инструменты, забота о здании и надзор за младшими детьми отданы в ведение воспитанников, из десятилетних дежурных, преображающихся в четырнадцати-, пятнадцатилетних воспитателей. Продолжает издаваться газета, два года работает без перебоев суд. «Мы достаточно зрелы, чтобы попытаться осуществить самоуправление». Так возник сейм, о котором покамест нельзя сказать ни-

Репозиторий ВГУ

чего определенного. Сейм насчитывает двадцать депутатов. Пятеро ребят составляют избирательный округ; тот, у кого четыре голоса, становится депутатом. Голосуют все, депутатом же может быть только тот, у кого нет ни одной судимости. За нечестными ребятами (воровство, мошенничество) признается право на реабилитацию. Сейм утверждает изданные судебным советом законы или отклоняет их. Сейм устанавливает юбилейные дни и присуждает памятные открытки. Если суд правомочен принимать решения об исключении воспитанников, то сейм обязан добиваться, чтобы от него зависело принятие новых ребят и удаление старших и даже воспитателей. Рекомендуется осторожность, границы компетенции сейма надо расширять постепенно, ограничения и предупреждения, пусть и многочисленные, должны быть ясные и недвусмысленные. В противном случае лучше не организовывать выборов, не инсценировать игры в самоуправление, не вводить в заблуждение себя и детей. Такая игра неэтична и вредна.

КАЛЕНДАРЬ

Привожу некоторые параграфы проекта.

§ 6. По предложению депутата или по случаю присуждения памятной открытки сейм устанавливает праздничные дни (нерелигиозного характера).

§ 9. 22 декабря. Девиз: «Не стоит вставать», потому что короткий день. Кто хочет, может не вставать, а спать. Кто хочет, может не стелить постели. Детали разработает и представит законодательная комиссия сейма.

§ 10. 22 июня. Девиз: «Не стоит ложиться спать». Кто хочет, может бодрствовать всю ночь. В случае хорошей погоды ночной поход через город.

§ 12. День первого снега. Девиз: «День санного пути». Днем первого снега будет считаться тот день, когда выпал снег при температуре ниже 1°. Игра в снежки, экскурсия, катание на санях (кататься ребят выбирают голосованием).

§ 18. День умерших. За утренней молитвой поминают умерших воспитателей.

§ 19. День триста шестьдесят пятого обеда. Экономка за свою работу получает конфеты. Дежурные по кухне тоже. Девиз: «Именины кухни».

Примечание. Предлагайте, как организовать чествование прачечной.

§ 22. День грязнули. Девиз: «Умываться не разрешается». Тот, кто хочет в этот день умыться, вносит определенную плату, которая будет установлена сеймом.

§ [24] День часов. Непунктуальный сапожник после данного им обещания исправиться исправился и целый год приносил работу в на-

Репозиторий ВГУ

значенный день и час. Сейм присудил ему открытку пунктуальности. Чтобы отметить это событие, в этот день ребятам разрешается оставаться в городе на час дольше обычного.

§ 27. День неряхи. Тот, кто, как покажет голосование, меньше всех следит за своей одеждой, получает что-нибудь из одежды, чтобы не выглядеть в праздничные дни неряхой.

§ 28. День котла. Когда испортился лифт из кухни в столовую, один из старших мальчиков проявил неотзывчивость, отказавшись помочь нести котел. Отныне в этот день завтрак приносят, хотя бы лифт и работал, два мальчика, из самых старших, избираемых жеребьевкой.

§ 32. День поощрения. Тот, кто получил за год наибольшее количество обвинительных приговоров, получает оправдательные приговоры за всю неделю. Если он пожелает, он может выступить в качестве судьи. День поощрения вводится, чтобы отметить тот случай, когда один из величайших сорвиголов за всю неделю ни разу не попал под суд.

§ 40. Сейм решает, в течение скольких зим значиться данному дню в календаре.

ПАМЯТНЫЕ ОТКРЫТКИ

Во временном, еще не утвержденном сеймом статуте о памятных открытках имеются в числе прочих следующие параграфы:

§ 3. Надпись на оборотной стороне открытки гласит: «Постановлением сейма от... (число) ... (имя и фамилия) присуждается памятная открытка за ...»

День присуждения открытки может быть признан праздником и включен в календарь.

§ 4. Соискатель открытки обязан подать заявление на непомятом листке бумаги, где он собственноручно четким, разборчивым почерком перечисляет поступки и факты, которые он хочет помнить. Поступки могут быть как хорошие, так и плохие, как полезные, так и вредные, достойные как похвалы, так и порицания. Открытка может быть приятным или неприятным воспоминанием, поощрением или предупреждением.

§ 5. Если сейм захочет сильнее подчеркнуть памятный факт, он включает его в календарь побед и поражений, похвальных усилий и халатности, доказательства сильной или слабой воли.

§ 7. Содержание картинки на открытке должно соответствовать тому, за что ее дали:

1. За немедленное вставание по утреннему звонку выдается: в зимнем сезоне – зимний пейзаж, за вставание в весеннее время – весенний и т.д.

2. За очистку двух с половиной тысяч фунтов картошки – от-

Репозиторий ВГУ

крытку с цветами.

3. За драки, ссоры, несоблюдение законов и постановлений – открытку с тигром.

4. За заботу о маленьких и новичках – открытку с соответствующим изображением и т.п.

§ 10. Тот, кто добросовестно выполнял в течение более чем одного года одно и то же дежурство, имеет право на открытку с видом Варшавы.

Сейм считает Дом Сирот частью Варшавы и желает оставить памятку, особенно дорогую для тех, кто, может быть, в будущем покинет родной город.

§ 12. Кроме памятных открыток сейм может выдавать и юбилейные. Например, тот, кто всегда рано встает и, значит, у кого есть памятные открытки за все четыре сезона, получает открытку «сильной воли» и т.д.

§ 14. Постепенно должны быть введены «открытки здоровья» (кто ни разу не болел, быстро растет, занимается спортом), памятные открытки за участие в спектаклях, играх, за работу в газете и в суде.

§ 17. Последняя открытка – это прощальная открытка с незабудками. На ней ставят подписи все ребята и персонал.

Эта открытка не награда, а память, воспоминание. Одни дети потеряют ее где-нибудь на дороге жизни, другие сохранят надолго.

Корчак, Я. Педагогическое наследие / сост. К.П. Чулкова. – М., 1991. – С. 131–174.

Право ребенка на уважение

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ – НЕДОВЕРИЕ

С ранних лет мы растем в сознании, что большое важнее, чем малое.

– Я большой, – радуется ребенок, когда его ставят на стол.

– Я выше тебя, – отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослым, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе заслоняют его, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди – маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление – большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

Репозиторий ВГУ

– Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить; а ведь сколько раз пытается ослушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, тряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, посильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой и заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, что слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов выполняет работы и обороняет от врага, не сила мускулов вырывает из земли, у моря и лесов владычество, благосостояние и безопасность. Закабаленный раб – машина! Мускулы утратили свои исключительные права и цену. Тем больший почет уму и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись в залы исследовательских институтов. Нарастают этажи библиотек, полки гнутся под тяжестью книг. Святыни гордого разума заполнились людьми. Человек науки творит и повелевает. Иероглифы цифр и знаков опять и опять обрушивают на толпы новые достижения, свидетельствуя о мощи человечества. Все это надо охватить памятью и постичь.

Продлеваются годы упорной учебы, все больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабенький, живет еще недолго – не читал, не знает...

Грозная проблема – как делить завоеванные пространства, какие и кому давать задания и вознаграждения, как освоить покоренный земной шар. Сколько и как разбросать мастерских, чтобы насытить алчущие труда руки и мозг, как удержать человечий муравейник в повиновении и порядке, как застраховать себя от злой воли и сумасбродства личности, как наполнить часы жизни действием, отдыхом, развлечениями, уберечь от апатии, пресыщения, скуки. Как сплачивать людей в дисциплинированные союзы, облегчать взаимопонимание; когда разъединять и делить. Здесь подгонять, ободрять, там сдержи-

Репозиторий ВГУ

вать, здесь разжигать пыл, там гасить.

Осторожно действуют политики и законодатели, да и то часто ошибаются.

И о ребенке взрослые совещаются и решают; но кто станет у наивного спрашивать его мнения, его согласия: что он может сказать?

Кроме ума и знаний в борьбе за существование и за вес в обществе помогает смекалка. Человек расторопный чует поживу и срывает куш; вопреки всем расчетам сразу и легко зашибает деньгу; поражает и вызывает зависть. Досконально приходится знать человека, и уже не алтари, а хлева жизни.

А ребенок семенит беспомощно с учебником, мячом и куклой, смутно чувствуя, что без его участия где-то над ним совершается что-то важное и большое, что решает, доля ему или недоля, карает и награждает и сокрушает.

Цветок – предвестник будущего плода, цыпленок станет курицей-несушкой, телка будет давать молоко. А до тех пор – старания, траты и забота – убережешь ли, не подведет ли?

Все растущее вызывает тревогу, долго ведь приходится ждать; может быть, и будет опорой старости, и воздаст сторицею. Но жизнь знает засухи, заморозки и град, которые побивают и губят жатву.

Мы ждем предзнаменований, хотим предугадать, оградить; тревожное ожидание того, что будет, усиливает пренебрежение к тому, что есть.

Мала рыночная стоимость несозревшего. Лишь перед законом и Богом цвет яблони стоит столько же, что и плод, и зеленые всходы – сколько спелые нивы.

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Ребенок получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он ничто, мы – все. Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвидящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Мы поручаем и проверяем выполнение по нашему хотению и разумению – наши дети, наша собственность – руки прочь!

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и исключительный авторитет семьи – еще осторожный, но уже общественный контроль. Слегка, незаметно.)

Нищий распоряжается милостыней как ему заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет. Нельзя порвать, сло-

Репозиторий ВГУ

мать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению. Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость: разный хлам – единственная по-настоящему собственность и богатство – шнурок, коробок, бусинки. Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением – выпроси или вымани, но только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно. (Возникает печальная аналогия: подруга богача.)

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует. Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадок сил, усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение: не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них и судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы опустошаем горы, вырубаем деревья, истребляем диких зверей. Все многочисленнее селения – там, где раньше были дебри и топи. Мы насаждаем человека на новых землях.

Нами покорен мир, нам служат и зверь, и железо; порабощены цветные расы, определены в общих чертах взаимоотношения наций и задобрены массы. Далеко еще до справедливых порядков, больше на свете обид и мытарств.

Несерьезными кажутся ребячьи сомнения и протесты.

Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и птица, ровня – бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека.

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни.

Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний. А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легко-

Репозиторий ВГУ

мысленно льет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий день осенью, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо, стараться не к чему. Мы поспешно и небрежно отделываемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает.

С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависящий – ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все – пренебрежение. Сопляк, еще ребенок – будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет. Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать – никаких самостоятельных начинаний – полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха.

Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что неважно. Чужд ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать.

Преодолевать капризы, прихоти, упрямство.

Прививать осторожность, осмотрительность, обеспокоенность и страх, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф.

Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии – и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хотя бы не в чем было себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к

Репозиторий ВГУ

дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку – готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам самим, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает.

«Помни, знай, пойми».

«Сам убедишься, сам увидишь».

Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки?

Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, а то и вовсе солжет.

Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же – вместе, под одной крышей?

НЕПРИЯЗНЬ

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша услада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы...

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, быть может, даже и терпеливо.

А когда, наконец, он начнет ходить и говорить, – путается под ногами, все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит непорядок – маленький неряха и деспот.

Репозиторий ВГУ

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требует и понимает лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется; мы-то думали – засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой – в пику тому – не спускает и придирается; кроме матери имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим. Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины.

(Девочки и мальчики постарше не любят, когда их называют дети. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслушивать многочисленные попреки, к ним уже не относящиеся).

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

– Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего – испытывать благодарность. И обязанности, и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Часть идущего на воспитание времени, прав, пожеланий мы передаем школе. Удваивается бдительность, повышается ответственность, возникают столкновения противоречивых полномочий. Обнаруживаются недостатки.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искалечив. Порой мать ищет во мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся лучше к мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Репозиторий ВГУ

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указками и своими убеждениями, извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей.

Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию, – озлобится и обленится.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: если Бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки – часто с неудачным результатом – терзают.

Реже мы – советчики, утешители, чаще – суровые судьи. Немедленный приговор и кара дает один результат: проявления скуки и бунта будут реже, зато сильнее и упорнее. Стало быть, усилить надзор, преодолеть сопротивление, застраховать себя от неожиданностей.

Так катится воспитатель по наклонной плоскости:

пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, ловит, журит, обвиняет и наказывает, ищет приемлемых способов, чтобы не допустить повторения;

все чаще запрещает и беспощаднее принуждает, не хочет видеть старания ребенка получше написать страницу или заполнить час жизни; сухо констатирует плохо.

Редка лазурь прощений, часты багрянцы гнева и возмущения.

Насколько большего понимания требует воспитание группы детей, насколько легче впасть здесь в ошибку обвинений и обид!

Один маленький, слабенький и то утомляет, единичные проступки и то сердят; а как надоедлива, навязчива и неисповедима в своих реакциях толпа!

Поймите же наконец: не дети, а толпа. Масса, банда, свора – не дети.

Ты сжился с мыслью, что ты сильный, и вдруг чувствуешь себя маленьким и слабым. Толпа, этот великан с большим общим весом и суммой громадного опыта, то сплачивается в солидарном отпоре, то распадается на десятки пар ног и рук – голов, каждая из которых таит иные мысли и сокровенные желания.

Как трудно бывает новому воспитателю в классе или в интернате, где дети, содержавшиеся в строгом повиновении, – обнаглевшие и опустошенные – организовались на основах бандитского насилия! Как сильны они и грозны, когда общими усилиями ударят в твою волю,

Репозиторий ВГУ

желая прорвать плотину, – не дети, стихия!

Сколько их, скрытых революций, о которых воспитатель умалчивает; ему стыдно признаться, что он слабее ребенка.

Раз проученный, воспитатель ухватится за любое средство, чтобы подавить, покорить. Никаких фамильярностей, невинных шуток; никаких бурчаний в ответ, передергиваний плечами, жестов досады, упрямого молчания, гневных взглядов! Вырвать с корнем, мстительно выжечь пренебрежение и злобную строптивость! Вожаков он подкупит особыми правами, подберет себе приспешников, не позаботится о справедливости наказаний, были бы суровы, – в назидание, чтобы вовремя погасить первую искру бунта, чтобы толпа – богатырь даже мысленно не отваживалась разгуляться или ставить требования.

Слабость ребенка может пробуждать нежность, сила ребячьей массы возмущает и оскорбляет.

Существует ложное обвинение, что от дружеского обращения ребята наглеют, и ответом на доброту будут недисциплинированность и беспорядки. Но не станем называть добротой беспечность, неумение и беспомощную глупость. Кроме продувных хапуг и мизантропов, среди воспитателей встречаются люди никчемные, не удержавшиеся ни на одной работе, не способные ни к какому ответственному посту.

Бывает, учитель заигрывает с детьми, хочет быстро, дешево, без труда вкрасться в доверие. Хочет порезвиться, если в хорошем настроении, а не кропотливо организовывать жизнь коллектива. Подчас эти барские поблажки перемежаются с приступами дурного настроения. Такой учитель делает себя посмешищем в глазах детей.

Бывает, честолюбцу кажется, что легко переделать человека, убеждая и ласково наставляя: стоит лишь растрогать и выманить обещание исправиться. Такой учитель раздражает и надоедает.

Бывает, напоказ – друзья, на словах – союзники, на деле – коварнейшие враги и обидчики. Такие учителя вызывают отвращение.

Ответом на третирование будет пренебрежение, на дружелюбие – неприязнь, бунт, на недоверие – конспирация.

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный – и подведет? Отчего – правда, редко, но бывают – внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, и взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

Репозиторий ВГУ

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особо ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение: одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению – до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять – тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он, и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь: поделится ли ребенок, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать – гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит – «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели.

Я нашел объяснение в книжке о дрессировке зверей – и не скрываю источника. Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев...

Решение надо искать не столько в психологии, сколько – и это чаще – в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке.

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка. Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция – смущение, неприятный осадок – изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отделяет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Под угрозой высочайшей обиды оберегаем тайны господствующего класса, касты избранных – приобщенных к высшим таинствам. Обнажать бесстыдно и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского

Репозиторий ВГУ

возраста бьем тузами достоинств взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрязг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Сколько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики – жертвы!

И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство – подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достается). Эти немногочисленные возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы: держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, что значит грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки – это сами дети.

Неужели мы столь некритичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятия, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка – не бегства к ребенку и не мольбы о надежде – это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам».

Эгоизм, а не расположение.

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ

Есть как бы две жизни: одна важная и почтенная, а другая – снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь в будущем. А пока милостиво позволяем им путаться под ногами, но

Репозиторий ВГУ

удобнее нам без них.

Нет! Дети были, и дети будут. Дети не захватили нас врасплох и ненадолго. Дети – не мимоходом встреченный знакомый, которого можно наспех обойти, отделавшись улыбкой и поклоном.

Дети составляют большой процент человечества, населения, нации, жителей, сограждан – они наши верные друзья. Есть, были и будут.

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст – долгие, важные годы в жизни человека.

Жестокие законы Древней Греции и Рима позволяют убить ребенка. В средние века рыбаки вылавливают из рек неводом тела утопленных младенцев. В XVII веке в Париже детей постарше продают нищим, а малышей у собора Парижской Богоматери раздают даром. Это еще очень недавно! И по сей день ребенка бросают, когда он помеха. Растет число внебрачных, подкинутых, беспризорных, эксплуатируемых, развращаемых, истязуемых детей. Закон защищает их, но в достаточной ли мере? Многое изменилось на свете; старые законы требуют пересмотра.

Мы разбогатели. Мы пользуемся уже плодами не только своего труда. Мы наследники, акционеры, совладельцы громадного состояния. Сколько у нас городов, зданий, фабрик, гостиниц, театров! Сколько на рынках товаров, сколько кораблей их перевозит. Налетают потребители и просят продать.

Подведем баланс, сколько из общей суммы причитается ребенку, сколько падает на его долю не из милости, не как подаяние. Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользовании ребячьему народу, малорослой нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли – не экспроприировали ли?

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь.

Мы ввели всеобщее обучение, принудительную умственную работу; существует запись и школьная рекрутчина. Мы взвалили на ребенка труд согласования противоположных интересов двух параллельных авторитетов.

Школа требует, а родители дают неохотно. Конфликты между семьей и школой ложатся всей тяжестью на ребенка. Родители солидаризуются с не всегда справедливыми обвинениями ребенка школой, чтобы избавить себя от навязываемой ею над ним опеки.

Солдатская учеба тоже лишь подготовка ко дню, когда призовут солдата к подвигу; но ведь государство солдата обеспечивает всем. Государство дает ему крышу над головой и пищу; мундир, карабин и денежное довольствие являются правом его, не милостыней.

А ребенок, подлежа обязательному всеобщему обучению, должен просить подаяния у родителей или общины.

Репозиторий ВГУ

Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон декларации не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок – существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь!

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же, как и мы, – не иначе, – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы недоброжелательно осведомляем, а грызем и лаемся с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность, неудача.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит: “Ничего”, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шутливые замечания, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил».

Репозиторий ВГУ

(Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет. Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что-либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существенных нужд, желаний и искушений – и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – и наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материал и орудие труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живее пульс, ребенок строит себя – его все больше и больше; глубже врастает в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит и когда бодрствует, и когда весел и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и затишья осени. Вот разрастается костяк, и сердце не поспевает; то недостаток, то избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

То ему надо бегать – так, как дышать, – бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное стремление действовать, то апатия.

Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонливость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие – все это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжелой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Репозиторий ВГУ

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненая – станет кровоточить, убитая – тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений. Год – это лишь попытка понять вечность по-будничному. Мир длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека.

Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований. Играю ли я или говорю с ребенком – переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на миг встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли, мы опять вместе – только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отрекаться во имя завтра? А чем оно так заманчиво? Мы всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

ПРАВО РЕБЕНКА БЫТЬ ТЕМ, ЧТО ОН ЕСТЬ

– Что из него будет, кем вырастет? – спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клейма одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу – грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились. Не позволяем критиковать нас детям и не контролируем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свои, а детские вины.

А вина ребенка – это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Репозиторий ВГУ

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может – все это его вина. Невезение или плохое самочувствие, каждая трудность – это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа – вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования – вина. И наше поспешное злое подозрение – тоже его вина. Вина ребенка – наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем, в чем упрекнуть, и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны? Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен. Недооцениваем безгрешные минуты беседы с собой, миром, Богом. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний; утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит проницательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши – он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, в вынюхивании, в выслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях.

(Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость – упорное выслеживание у детей онанизма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж, во всяком случае, ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы никто и никогда, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Репозиторий ВГУ

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и, сверх того, по нашему усмотрению и образцу.

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось.

Кроме здоровья, бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств – недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь – сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска...

Испачканные, недоверчивые, восстановленные против людей, не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица. Ребенок говорит языком окружающих – высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка – каждый в той или иной степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это смывают; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Стосковался по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку некритически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолюбивый приписывает заслугу себе, а деспота сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всюду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие – нажима.

Кроме детей лишь загрязненных встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашептываний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоравливания! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановить равновесие и справиться со своим заданием! Сколько чудес в росте растения

Репозиторий ВГУ

и человека – в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение – и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс.

Так же силен и стоек дух ребенка. Существуют моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

И верно, поздно, к сожалению, попала педология в школьные программы. Нельзя проникнуться уважением к таинству исправления, не поняв гармонии тела.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума, всех «неудобных», но здоровых и чистых – вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми – загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными дурными задатками детьми.

(Мы, взрослые, не только сумели обезвредить пасынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.)

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления. Ну, а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную ответственность? «Вот они какие, вот на что они способны». Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Потомство пьянства, насилия и исступления. Проступки – эхо не внешнего, а внутреннего наказа. Черные минуты, когда ребенок понял, что он иной, что ничего не поделаешь, он – калека и его предадут анафеме и затравят. Первое решение – бороться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность – погожие дни душевного равновесия, – он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится – льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдалять решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся уловить в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновение. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение – не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Еще и не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс ле-

Репозиторий ВГУ

чению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, льстивому братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню – нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят голод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и ханжеству.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро – затаят в глубине души эту тоску по добру.

– Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью жизнь?

Перехожу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким заклейменным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки?

В исправительных домах – еще инквизиция, пытки средневековых наказаний, солидарная ожесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

Недавно смиренный врач послушно подавал больным сиропы и горькие микстуры; связывал горячечных больных, пускал кровь и морил голодом в мрачных преддвериях кладбища. Безучастный к бедноте угождал имущим.

Но вот он стал требовать – и получил.

Врач завоевал детям пространство и солнце, как, к нашему стыду, генерал дал ребенку движение, веселое приключение, радость товарищеской услуги, наказ честно жить в беседах у лагерного костра под усеянным звездами небом.

А какова роль наших воспитателей? Каков их участок работы?

Страж стен и мебели, тишины во дворе, чистоты ушей и пола; пастух, который следит, чтобы скот не лез в потраву, не мешал работе и веселому отдыху взрослых; хранитель рваных штанов и башмаков и скупой раздатчик каши. Страж льгот взрослых и ленивый исполнитель их дилетантских капризов.

Ларек со страхами и предостережениями, лоток с моральным барахлом, продажа на вынос денатурированного знания, которое лишает смелости, запутывает и усыпляет, вместо того чтобы пробуждать, оживлять и радовать. Агенты дешевой добродетели, мы должны навязывать детям почитание и покорность и помогать взрослым расчувствоваться и приятно поволноваться. За жалкие гроши созидать солидное будущее,

Репозиторий ВГУ

обманывать и утаивать, что дети – это масса, воля, сила и право.

Врач вырвал ребенка из пасти у смерти, задача воспитателей дать ему жить, завоевать для него право быть ребенком.

Исследователи решили, что человек зрелый руководствуется серьезными побуждениями, ребенок – импульсивен; взрослый – логичен, ребенок – во власти прихоти воображения; у взрослого есть характер и определенный моральный облик, ребенок запутался в хаосе инстинктов и желаний. Ребенка изучают не как отличающуюся, а как низшую, более слабую и бедную психическую организацию. Будто все взрослые – ученые-профессора.

А взрослый – это сплошной винегрет, захолустье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала и до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упрямство, недомыслие, нелепости, безумство и пьяные выходки взрослых...

...И детская серьезность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости.

Каждый ли из нас обыграет ребенка в шахматы?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, юному усилию и доверчивости. Чем же почтеннее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе? Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитва. И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат все солдат – и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

Растет новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы васильков, чтобы стали хлебами.

Мы не волшебники – и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям.

Требуем: устраните голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение!

Это вы плодите больных и калек, вы создаете условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия.

Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник, homo rapax: это он диктует методы действий. Ложь – его уступки слабым, фальшь – почет старцу, равноправие женщины и любовь к ребенку. Скитается по белу свету бездомная Золушка – чувство. А ведь именно дети – князья чувств, поэты и мыслители.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное, святое

Репозиторий ВГУ

детство!

Там же. – С. 175–194.

Репозиторий ВГУ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Поучение

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленный и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, Который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, и будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил...

Ибо, как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господнее: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные, – как снег, обелю их» и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: «Слава Тебе, Человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что Человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотво-

Репозиторий ВГУ

рит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствования Небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они: ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои» – и снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля...

...Дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость Свою; а то дальнейшее – это мое собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите, и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не уби-

Репозиторий ВГУ

вайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордость не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод: ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком – то пищей и питьем; ибо они, проходя, прославят человека, по всем землям или добрым или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а что не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца, и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный». И еще:

Репозиторий ВГУ

«Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди...

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства 14–17 вв. / сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. – М., 1985. – С. 164–167.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ

О народности в общественном воспитании

Глава VII

Характер. Его элементы. Наследственность темпераментов. Влияние жизни и воспитания на характер. Элемент народности в характере человека

Чтобы отыскать черту национальности в характере человека, оценить ее силу, определить ее значение для воспитания, мы позволим себе высказать несколько заметок вообще о характере и о том, как он образуется в человеке. Характер каждого человека слагается всегда из двух элементов: природного, коренящегося в телесном организме человека, и духовного, вырабатывающегося в жизни, под влиянием воспитания и обстоятельств. Оба эти элемента не остаются между собой изолированными (это было бы бесхарактерностью), но взаимно действуют друг на друга, и из этого взаимного воздействия прирожденных наклонностей и приобретаемых в жизни убеждений и привычек возникает характер. Самое убеждение тогда только делается элементом характера, когда переходит в привычку. Привычка именно и есть тот процесс, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело.

Природа, следуя своим неизменным и непостигнутым еще законам, повторяет в детях телесный организм отца и матери в разнообразнейших комбинациях. И хотя наука различила только три или четыре темперамента, но это не более, как типы, никогда не встречающиеся в своей чистоте, но в бесконечном множестве разнообразнейших смешений. Как нет двух листьев на дереве, совершенно сходных между собой, так нет двух людей, природные темпераменты которых были бы совершенно сходны.

Никто, конечно, не станет оспаривать, что особенность темперамента каждого человека имеет влияние на образование его характера. Влияние это выражается в так называемых природных наклонностях, которые делают одни действия для человека легкими и приятными,

Репозиторий ВГУ

другие тяжелыми и неприятными. Кто из нас не испытал на себе или не замечал на других влияния природных наклонностей? Как легки для нас те действия, в которых наши желания и наши природные влечения сходятся! Такие действия отличаются необыкновенной силой, настойчивостью. В них тело помогает душе, часто ведет ее за собой, понимает ее на первом слове и всегда отвечает ей охотно и быстро. Но если мы идем против наших природных наклонностей, как ленив, неповоротлив и упрям делается наш организм! Только долговременная привычка может заставить его повиноваться нашим требованиям с той же быстротой, с которой, вследствие той же привычки, пальцы музыканта повинуются нотам, раскрытым перед его глазами. В этой борьбе убеждений, приносимых жизнью с нашими прирожденными или, что все равно, телесными наклонностями, в которой победа остается то на той, то на другой стороне, образуется наш характер.

Но если телесная сторона характера имеет влияние на определение духовной его стороны, то и духовная также может изменить телесную. Убеждение, переходя в постоянное правило для действий и, наконец, становясь привычкой, необходимо производит изменение в нашем телесном организме.

Мы не говорим здесь о тех грубых изменениях, которые кидаются в глаза с первого взгляда и особенно заметны в ремесленниках. Эти изменения поверхностны, редко отражаются в характере и никогда не переходят в организм новых поколений. Для нас важны здесь те, едва уловимые черточки физиономии человека, мимолетные движения его мимики, едва слышные тоны его голоса, которыми так дорожит истинный физиономист и которые все вместе придают духовный характер наружности человека. Грубые пластические черты лица ничего не значат во внешнем выражении характера. Вся идея его выражается в массе тех оттенков, которые поодиночке едва заметны, но которые все вместе производят сильное и почти всегда верное впечатление при верном взгляде на человека. Если мы не всегда можем дать себе отчет в этом впечатлении, если мы часто объясняем его себе неправильно, то это еще не значит, что оно само в себе было неверно.

Не нужно иметь много наблюдательности, чтобы убедиться, что духовное развитие отражается в наружности человека. Всмотритесь в самое прекрасное лицо дикаря, в выражение его чувств, в его мимику, движения, походку, вслушайтесь в его смех, в тоны его голоса, и вы увидите, что это не разработанная, хотя, может быть, и богатая почва, грубая, хотя, может быть, и прекрасная кора, через которую не пробился еще дух: «Душа еще не выглянула в глаза и не смотрится в них», по выражению поэта, не совершенно, впрочем, верному. Образуйте самого этого дикаря, и наружность его примет другой характер. Если же образование будет последовательно трудиться над ним, его

Репозиторий ВГУ

детьми и внуками, то его влияние будет еще заметнее: наружность целого племени будет разрабатываться последовательно.

Но не одно умственное развитие отражается в наружности человека, – нравственная сторона его души также ищет высказаться в теле. Кто не замечал, какое иногда страшное изменение происходит в наружности человека под влиянием безнравственной жизни? Многим, вероятно, удавалось на своем веку видеть примеры, как постоянная привычка унижаться и подличать превращала мало-помалу самое прекрасное лицо в отвратительную вывеску душевной низости. Всякая новая низость, всякая взятка, например, записывалась в нем новой чертой. Никакой лоск благоприличия, никакая мягкость манер, никакая светскость не закроет этих черточек: рано или поздно они пробьются наружу, хотя и не всякий, может быть, прочтет то, что написано в них природой.

Образ мыслей человека, образ его действий, привычки, приобретенные им в жизни, его умственное и нравственное развитие, – все, что определяется воспитанием и жизнью в обществе, изменяя духовную сторону характера, отражается в его телесной стороне, и, таким образом, идея характера начертывается в наружности. Эту-то идею схватывает талантливый живописец, умеющий найти и передать на полотно типическую черту характера, отличить существенное от случайного. Бессмысленная копировка физиономии, хоть будь она сделана дагеротипом, никогда в этом отношении не заменит живописи. Гений художника умеет выдвинуть на первый план именно ту черту физиономии, которая составляет типическую особенность лица. Хороший портрет не только передает характер человека, но часто объясняет смысл этого характера для непривычного глаза, который путается во множестве случайных и искусственных черт подлинника.

Труднее убедиться в том, что эти черты наружности, приобретаемые человеком в жизни, переходят наследственно к его детям при самом рождении. Повторение их в детях – факт неоспоримый; но этот факт можно объяснить силой впечатлений, получаемых душой ребенка в семействе и потом уже отражающихся в его наружности. Но, признавая всю силу первых впечатлений, мы, однако, признаем возможность передачи таких характеристических черт и непосредственно через рождение.

Кому покажется такое убеждение лишенным основания, тому мы укажем на другой факт, слишком известный и слишком очевидный для того, чтобы в нем можно было сомневаться.

Кто не знает, какие иногда странные знаки появляются на теле ребенка, под влиянием глубокого душевного потрясения, испытанного матерью во время беременности? Это не могло бы случиться, если бы это душевное потрясение не производило хотя временного изменения

Репозиторий ВГУ

в организме матери, довольно сильного для того, чтобы оно могло отразиться в организме ребенка. Эта передача бывает иногда так верна, что в форме родимого пятна отражается форма впечатления, принятого матерью. Но если минутное впечатление производит такое влияние на организм, то почему же, например, постоянная победа человека над своими дурными наклонностями или постоянная торговля его с своей собственной совестью не может произвести в его организме менее заметных, но зато более постоянных и глубоких изменений? Почему, наконец, эти изменения не будут передаваться детям, наследующим вообще организм своих родителей?

Замечательно и то явление, что мелкие и характеристические черты наружности родителей – улыбка, взгляд, смех, мимика, движения, тон голоса, походка, вообще все черты, так много зависящие от воспитания, образа мыслей и действий, чаще передаются детям, чем грубые особенности лица и тела, которые кидаются в глаза первые, но, будучи случайными, не выражают характера человека. Грубые телесные повреждения также никогда не повторяются в организме детей; между тем мы не можем не признать наследственности многих болезней, причины которых скрыты глубоко от глаз человека: сумасшествия, наклонности к пьянству и проч. Часто в ребенке, у которого цвет волос, глаз, лица совершенно другой, чем у родителей, мы находим поразительное сходство с отцом или матерью, а иногда с тем и другим вместе, и притом так, что один и тот же человек, в молодости похожий более на мать, в зрелом возрасте походит на отца и под старость опять начинает походить на того, на кого походил ребенком. Жизнь своим влиянием как будто вызывает наружу то те, то другие черты бесконечно глубокого создания природы и постепенно раскрывает его богатое содержание.

Природа в этом случае является гениальным портретистом и, отбрасывая случайности, схватывает мелкую, но типическую черту потому именно, что корень этой черты лежит глубже в организме человека. Она только никогда не бросает своей кисти, и портрет ее живет и развивается, как сама жизнь. Под старость уже миллионы черт пестрят этот образ, вначале едва набросанный, и только смерть останавливает руку великого художника.

Здесь не место, конечно, вдаваться в более подробные физиологические наблюдения; но мы не извиняемся перед читателем, что, говоря о педагогике, забрались в физиологию. Физиология и психология или, пожалуй, антропология, идут рука об руку и обе составляют или, но крайней мере, должны составлять основу искусства воспитания, которое, по выражению Песталоцци, берет человека всего, его тело и его душу.

Таким образом, организм родителей со всеми его характеристическими прирожденными особенностями и со всеми изме-

Репозиторий ВГУ

нениями, внесенными в него духовной жизнью человека, в разнообразнейших комбинациях передается детям и составляет для них весь объем прирожденных наклонностей. Жизнь ребенка в семье, где раскрывающаяся душа его получает первые и самые сильные впечатления, только развивает далее врожденные задатки характера. Кто не знает, как сильно действуют на характер ребенка пример и влияние родителей, тем более, что этот пример и влияние находят уже подготовленную для себя почву?

Но сознание проясняется, воля показывается, религия и воспитание приходят на помощь, и новая борьба разумной жизни с темной бездной природы начинается; она происходит на том же поле, только освеженном долгой зимой; приходит новая весна, и сеются вновь семена добра и истины. Почва может оказаться лучше, может оказаться и хуже прежней, засеянная плевелами прошлого года; но все зависит от труда и лета. Природа своими таинственными буквами записывает в теле человека всю историю его бессмертной души, и эта дивная летопись природы передается из поколения в поколение, от отцов к детям, внукам и правнукам, разнообразясь, развиваясь, изменяясь бесконечно под влиянием жизни человека в истории. Этим последовательным влиянием жизни на телесный организм целых поколений объясняется то явление, что в племенах полудиких, где жизнь так не развита и условия ее так однообразны для всех, все физиономии похожи одна на другую и что у народов образованных, где условия воспитания и жизни различны почти для каждого, типы человеческих физиономий разнообразятся до бесконечности. Этого никогда не могло бы случиться, если бы передавался только природный организм родителей без тех черт, которые проводится в нем жизнью.

Но как разнообразны человеческие типы у образованных народов, вследствие бесконечного разнообразия типов родовых, семейных и личных, природа всегда успевает в бесчисленном множестве характеристических черт в наружности человека выдвинуть на первый план черту народности. Эта черта по большей части бывает так ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, немца или русского, хотя у всех этих народов царствует бесконечное разнообразие физиономий.

Черта национальности не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок. Наружность в этом случае может служить лучшим доказательством, что и в душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих. В самом деле, не примешивается ли национальность почти ко всем нашим поступкам; а как богата жизнью и внутренним содержанием эта черта нашей природы! Она выдерживает напор столетий и не истощается

Репозиторий ВГУ

миллионами отдельных личностей. Типические черты характера многочисленных племен, составивших государства современной Европы, прожили века, и до сих пор еще история продолжает черпать из этого богатого источника. Взгляните, например, как кровь одряхлевшего Рима до сих пор еще борется с германским элементом в характере итальянцев; как древний англо-саксонский характер отразился в трех частях света; как верен, остается себе испанец на новой американской почве; как еврей, посреди самых разнообразных народностей, шестнадцать столетий сохраняет свой редкий национальный тип.

ГлаваVIII

Воспитание и характер.

Какую роль играет народность в воспитании?

Поставим же теперь воспитание лицом к лицу с многосложным организмом прирожденного характера, взлелеянного родным воздухом семейной сферы.

Здесь рождается вопрос, тоже не совсем еще решенный: должно ли воспитание, изучив вверенный ему характер, принять его природные особенности в основание своих действий, или оно может, не обращая внимания на природные задатки, создавать по своему собственному образцу *вторую природу* для человека?

Выполнение первой задачи весьма трудно, а для общественного воспитания, о котором мы говорим здесь, и вовсе невозможно. Оно требует такого глубокого изучения характера каждого воспитанника и такого уменья пользоваться природными наклонностями, которого никто, конечно, не станет требовать от воспитателя в общественном заведении. Лучший воспитатель, посвятивший себя всего на свое дело (а много ли таких?), подметит только немногие, более выдающиеся черты и редко доберется до их корня. Обыкновенно же практика образует в голове воспитателя несколько рубрик, под которые он будет потом подводить все представляющиеся ему детские характеры: «Этот мальчик туп, говорит он, этот мог бы заниматься, да ленив, этот со способностями, да рассеян, этот шаловлив, этот самолюбив, этот боится только наказания, этот зол, этот плакса» и т.д. Но каждая из этих черт, глупость, леность, злость и проч., может в двух различных натурах иметь совершенно различные корни и требовать от воспитателя совершенно различных мер. Корень этого различия скрывается так глубоко, что для открытия его требуются целые месяцы самой острой и постоянной наблюдательности и терпения. Легко сказать воспитателю: изучайте характер наших воспитанников, пользуйтесь их добрыми наклонностями, направляйте к добру те из них, которые, смотря по обстоятельствам, могут сделаться добрыми и дурными, и искореняйте, наконец, те, с которыми нечего более делать; но нелегко найти такого

Репозиторий ВГУ

воспитателя, который бы мог выполнить эти требования в обширном общественном заведении. Такое требование может только высказываться на торжественных актах, вместе с прочими фразами, не имеющими никакого практического значения; но на деле выполнение его в общественных заведениях оказывается невозможным. Все мы очень хорошо знаем, что не всякий воспитатель – Песталоцци и что известная масса воспитателей требуется для ежегодно приливающих новых поколений.

Гораздо легче держаться одного принятого идеала воспитания и, не обращая особенного внимания на мелкие различия характеров, стараться внести в них этот идеал: превратить его во вторую природу человека, искореняя все, что с ним несогласно.

Но если выполнение второй задачи не требует такой огромной наблюдательности, какая нужна для выполнения первой, зато она представляет непреодолимые препятствия с другой стороны. Для того, чтобы воспитание могло создать для человека вторую природу, необходимо, чтобы идеи этого воспитания переходили в убеждения воспитанников, убеждения в привычки, а привычки в наклонности. Когда убеждение так вкоренилось в человеке, что он повинуется ему прежде, чем думает, что должен повиноваться, тогда только оно делается элементом его природы. Но кто не испытывал из нас на себе, как медленно и с каким трудом совершается такой процесс? Многие ли из нас могут похвалиться такой силой убеждений? По большей части убеждения, принятые нами в жизни и противоречащие нашим прирожденным наклонностям, живут в нас до самой смерти как нечто чуждое и принудительное, готовясь оставить нас при первом взрыве страсти.

Характеры, пересозданные к лучшему воспитанием и жизнью, имеют за собой великое достоинство открытия нового источника добра, но долго воды этого источника будут отзываться горечью своей неволи, и только, может быть, детям и внукам придется черпать из него бессознательно живительную влагу. Такой характер, созданный воспитанием и жизнью, никогда не может иметь той крепости и силы, которыми отличается прирожденный характер. Кроме того, воспитание, которому остается только развивать благородную и добрую натуру, совершает свое дело легко, скоро и создает почти без труда прекрасный, цельный и вместе с тем сильный характер.

Сила характера, независимо от его содержания, – сокровище ничем не заменимое. Она почерпается единственно из природных источников души, и воспитание должно более всего беречь эту силу как основание всякого человеческого достоинства. Но всякая сила слепа. Она одинаково готова разрушать и творить, смотря по направлению, которое ей дано. Все решается наклонностями человека и теми убеждениями, которые приобрели в нем силу наклонностей. Воспитание

Репозиторий ВГУ

должно просветить сознание человека, чтоб перед глазами его лежала ясно дорога добра. Но этого мало. Каждый из нас видит прямую дорогу, но многие ли могут похвалиться, что никогда не уклонялись от нее? Побеждать свои природные влечения каждую минуту – дело почти невозможное, если посреди этих влечений мы не находим себе помощника, который бы облегчал для нас победу над нашими дурными наклонностями и в то же время награждал бы нас за эту победу. К чести природы человеческой должно сказать, что нет такого сердца, в котором бы не было бескорыстно-добрых побуждений; но эти побуждения так разнообразны и иногда так глубоко скрыты, что не всегда легко отыскать их. Есть одна только общая для всех прирожденная наклонность; на которую всегда может рассчитывать воспитание: это то, что мы называем народностью. Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказаний.

Но, кроме того, только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития. Что бы ни говорили утописты, но народность является до сих пор единственным источником жизни народа в истории. В силу особенности своей идеи, вносимой в историю, народ является в ней исторической личностью. До настоящего времени все развитие человечества основывается на этом разделении труда, и жизнь историческая подчиняется в этом отношении общим законам организма. Каждому народу суждено играть в истории свою особую роль, и если он позабыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен. История не терпит повторений. Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность. Особенность идеи есть принцип жизни. Наука же, идеи которой общи для всех, – не жизнь, а одно сознание законов жизни, и народ только тогда поступает вполне в ведение науки, когда перестает жить. Идея его жизни, деланная его особым народом, поступает в общее наследство человечества; а тело его, – племя, которое его составляло, – потеряв свою особенность, разлагается и ассимилируется другими телами, не высказавшими еще своей последней идеи.

Но если народность является единственным источником исторической жизни государства, то само собой разумеется, что и отдельные члены его могут почерпать силы для своей *общественной* деятельности только в этом источнике. Каким же образом общественное воспитание,

Репозиторий ВГУ

один из важнейших процессов общественной жизни, посредством которого новые поколения связываются общей духовной жизнью, с поколениями отживающими, может отказаться от народности? Неужели, воспитывая в человеке будущего члена общества, оно оставит без развития именно ту сторону его характера, которая связывает его с обществом?

Что такое вся история народа, если процесс сознания той идеи, которая скрывается в его народности, выражение ее в исторических деяниях? Но это сознание совершается в единичных человеческих самосознаниях и, создаваясь из атомов, делается непреодолимой исторической силой. Чем сильнее в человеке народность, тем легче ему в самом себе рассмотреть ее требования, и что относится к великим историческим деятелям и великим народным писателям, которые подвигают периодами народное самосознание, то может быть приложено и к каждому члену общества. Для того уже, чтобы понять великого человека или сочувствовать народному писателю, необходимо носить в самом себе зародыш народности.

Общественное воспитание, которое укрепляет и развивает в человеке народность, развивая в то же время его ум и его самосознание, могущественно содействует развитию народного самосознания вообще; оно вносит свет дознания в тайники народного характера и оказывает сильное и благодетельное влияние на развитие общества, его языка, его литературы, его законов, словом, на всю его историю.

Общественное воспитание есть для народа его семейное воспитание. В семействе природа подготовляет в организме детей возможность повторения и дальнейшего развития характера родителей. Организм новых поколений в народе носит в себе возможность сохранения и дальнейшего развития исторического характера народа. Воспитанию приходится часто бороться с семейным характером человека; но его отношение к характеру народному – совершенно другое. Всякая живая историческая народность есть самое прекрасное создание Божие на земле, и воспитанию остается только черпать из этого богатого и чистого источника.

Но разве народность не нуждается в исправлении? Разве нет народных недостатков, как и народных достоинств? Неужели воспитание должно укоренять упорство в англичанине, тщеславие в французе и т.д.?

Прежде всего, заметим, что судить о достоинствах и недостатках народа по нашим личным понятиям о качествах человека, втискивая идею народности в узкие рамки нашего идеала, никто не имеет права. Как бы высоко ни был развит отдельный человек, он всегда будет стоять ниже народа. История убеждает нас на каждом шагу, что понятия наши о достоинствах и недостатках не приложимы к целым народностям, и часто то, что кажется нам недостатком в народе, является обо-

Репозиторий ВГУ

ротной и необходимой стороной его достоинств, условием его деятельности в истории.

Есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, это идеал, представляемый нам христианством. Все, чем человек, как человек, может и должен быть, выражено вполне в божественном учении, и воспитанию остается только, прежде всего и в основу всего, вкоренить вечные истины христианства. Оно дает жизнь и указывает высшую, цель всякому воспитанию, оно же и должно служить для воспитания каждого христианского народа источником всякого света и всякой истины. Это неугасимый светоч, идущий вечно, как огненный столб в пустыне, впереди человека и народов; за ним должно стремиться развитие всякой народности и всякое истинное воспитание, идущее вместе с народностью.

Но, выбрав целью нашей статьи одну народность воспитания, мы не говорим здесь о других его основах, тем более, что нет надобности доказывать, что всякое европейское общественное воспитание, если захочет быть народным, то прежде всего должно быть христианским, потому что христианство, бесспорно, есть один из главнейших элементов образования у новых народов.

К этим двум основам общественного воспитания у каждого европейского народа присоединяется еще третья, о которой также мы не будем распространяться, потому что и она не входит в область нашей статьи. Эта третья основа есть наука. Развитие сознания, без сомнения, одна из главнейших целей воспитания, и истины науки являются орудием для этого развития.

Мы не говорим также и о технической части воспитания, которое должно не только дать знания человеку, но и уменье приложить эти знания к делу; но не говорим потому, что это не было целью нашей статьи, которая посвящена одной народности.

Но что же такое народность в воспитании? На этот вопрос мы уже ответили фактами, выставив в начале нашей статьи национальные особенности общественного воспитания у главнейших народов Европы. Народная идея воспитания сознается тем скорее и полнее, чем более семейным делом народа является общественное воспитание, чем более занимаются им литература и общественное мнение, чем чаще вопросы его становятся доступными для всех общественными вопросами, близкими для каждого, как вопросы семейные.

Педагогическая литература, педагогические общества, частые проверки результатов воспитания, путешествия, предпринимаемые с педагогическими целями, живая связь между практиками-педагогами, педагогические журналы, а более всего теплое участие самого общества в деле общественного воспитания могут ускорить выражение и объяснение тех требований, выполнением которых достигается народность в общественном воспитании.

Репозиторий ВГУ

Сделаем теперь общий вывод из нашей статьи и перечислим одно за другим те положения, которые мы хотели доказать:

1) общей системы народного воспитания для всех народов не существует, не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания;

2) у каждого народа своя особенная национальная система воспитания; а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным;

3) опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам. Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен испытать собственные свои силы;

4) наука не должна быть смешиваема с воспитанием. Она обща для всех народов; но не для всех народов и не для всех людей составляет цель и результат жизни;

5) общественное воспитание не решает само вопросов жизни и не ведет за собой истории, но следует за ней. Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям;

6) общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы хитро она не была обдумана, окажется бессильной и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества. Она может приготовлять техников; но никогда не будет воспитывать полезных и деятельных членов общества, и если они будут появляться, то независимо от воспитания;

7) возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных учебных заведений.

Насколько мы доказали каждое из этих положений, предоставляем судить другим; мы желали только предложить вопросы и будем считать себя счастливыми, если эти вопросы вызовут мнения других.

Избранные педагогические сочинения /
под ред. В.Я. Струминского. – М., 1953. – Т. 1. – С. 122–136.

Репозиторий ВГУ

О сознательном и обдуманном влиянии на подрастающие поколения

Наши общественные воспитательные заведения страдают одним общим недостатком – недостатком сознательного и обдуманного воспитательного влияния на поступающие в них ежегодно новые массы детей. Младшие классы таких заведений имеют обыкновенно много параллельных отделений и бывают очень многолюдны. Воспитательная часть этих классов доверяется обыкновенно нескольким гувернерам с разными названиями. Эти гувернеры не живут в заведении и имеют сношение с детьми только во время своей служебной деятельности. Являясь в классы на дежурство, гувернер видит перед собой толпу детей, шумную, шаловливую, и вся его воспитательная деятельность может быть выражена одним энергическим словом: «Смирно!». Тут не может быть и речи о том влиянии, которое должен иметь взрослый, хорошо развитый и нравственный человек на дитя. От этого масса детей в наших интернатах по большей части растет сама собой. Но дети, в большой массе предоставленные сами себе, развиваются весьма медленно и неправильно, подчиняются влиянию нянек, прислуги и взаимным влиянием портят друг друга, словом, дичают, а не воспитываются. Вот почему в лучших английских интернатах признано за правило, чтобы воспитатели жили в самом заведении, разделяя между собой воспитанников, и были с ними в самых близких и интимных сношениях. Где не позволяет местность, там часто воспитанники живут даже по квартирам у гувернеров; но вообще заботятся о том, чтобы открыть возможность личных влияний воспитателя на воспитанника, личных влияний ума на ум, нравственности на нравственность, характера на характер, воли на волю; потому что англичане, с свойственной им практической проницательностью, убедились, что только в личном влиянии воспитателя на воспитанника, и только в нем одном, скрывается источник силы первоначального воспитания. Если же воспитатель находится во временных, официальных отношениях к детям, и притом к такому числу детей, что о личном влиянии на каждого здесь и речи быть не может, то не удивительно, что все воспитательное влияние такого воспитателя выражается только в ограничениях, стеснениях, запрещениях и внешней дисциплине, облегчающей его труд. Но вместе с тем и вся детская жизнь в таком заведении принимает какой-то форменный, казарменный, острожный характер, конечно, не имеющий ничего общего с делом нравственного воспитания. Жизнь ребенка становится постоянным церемониалом, который весь расписан заранее: в 6 часов встают по колокольчику или барабану, до половины 7-го одеваются, идут на молитву, повторяют уроки, приходят учителя, идут к завтраку, садятся опять за уроки, отправляются к обеду, маршируют от обеда и т.д., и т.д. Но когда же

Репозиторий ВГУ

живут эти дети, когда развиваются? Где-нибудь тайком от воспитателя, в каком-нибудь темном уголке, куда не проникает его всенивелирующий взгляд, в тихом шепоте с товарищем, в тетрадке или игрушке, переданной под скамьей, в ватер-клозетных беседах, где-нибудь за кустом в саду проглядывает по временам эта жизнь и, конечно, проглядывает не в том виде, в каком хотелось бы разумному воспитателю. Таким образом, форменная жизнь в заведении идет своим порядком, а настоящее, действительное воспитание блуждает тысячами других. И признаемся откровенно, мы бы пожалели о воспитанниках такого заведения, воспитателям которого удалось бы преградить все эти побочные, скрытые дорожки детской жизни. Представьте себе дитя, которое весь свой день проводит безукоризненно, не выступая ни на шаг из форменного, вперед расписанного церемониала: просыпается в заказанную минуту, отправляется туда, марширует сюда и, наконец, по звонку же отправляется спать, словом, марширует по команде всю свою детскую жизнь. Согласитесь сами, что такая жизнь не сулит многого.

Вот на каких основаниях мы советуем разделять воспитанников обширных закрытых заведений на возможно маленькие кружки и устраивать внутреннюю жизнь этих кружков так, чтобы она, по возможности, приближалась к семейной жизни, а воспитателей ставить в как можно более близкие, интимные, семейные отношения к детям.

Еще более вредное влияние имеет как в наших закрытых, так и в открытых учебных заведениях то отделение воспитательной деятельности, которое у нас почти везде признается за правило и которое, наоборот, в английских учебных заведениях является редким исключением. У нас воспитатель и учитель в одном и том же классе всегда два лица не только различных, но и противоборствующих. Это ведет к тому, что ни воспитатель, ни учитель не имеют никакого воспитательного влияния. Учитель является в классы на урок и, уходя с урока, забывает о воспитанниках; воспитатель сменяет учителя со своим грозным «тихо», «смирно» и т.д.

Где же здесь воспитательное влияние учения и образовательное влияние воспитания? Вследствие такого разделения в воспитатели и воспитательницы избираются часто лица не только чуждые науке, но даже нередко находящиеся с ней во враждебных отношениях. Для учителей нужно знание и более ничего; для воспитателей – *благонравие,* дающее им возможность подремать при исправлении своей обязанности. Удивительно ли, что при таком распорядке умственное и нравственное воспитание детей идут в разлад и оба не имеют силы?

Третий недостаток в устройстве младших классов наших учебных заведений, заключающийся в разделении предметов преподавания в одном и том же классе между разными учителями, также прино-

Репозиторий ВГУ

сит много вреда, лишая наши заведения воспитательной силы. Учителя мелькают перед ребенком, как камешки в калейдоскопе, и ни один из них не имеет на дитя воспитательного влияния. Соединение же нескольких предметов на одном преподавателе в младших классах вовсе не трудно; а между тем это соединение есть необходимое условие воспитательного влияния науки на дитя, для которого наука и учитель еще не разделяются, и Закон Божий и законоучитель, география и географ представляются одним и тем же существом.

При существовании всех этих трех недостатков в закрытом заведении оно представляется чем вам угодно, только не воспитательным заведением; в нем дети растут, маршируют по классам, учат уроки, но не воспитываются. Воспитываются же они в тех скрытых уголках, куда не проникает глаз воспитателя.

В хорошей элементарной школе сиротского заведения: 1) дети должны быть разделены по возможности на небольшие кружки; 2) эти кружки должны быть поручены прямому ближайшему влиянию хороших воспитателей; 3) воспитатели должны жить с воспитанниками. В Англии и Шотландии во многих заведениях с этой целью не допускаются женатые воспитатели; но это излишняя крайность, идущая из схоластических времен. Напротив, было бы очень полезно, чтобы воспитатели в сиротских заведениях были люди семейные, так, чтобы воспитанники могли, хотя отчасти, принадлежать к их семейству; воспитатель должен быть не только гувернером, но и наставником, если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых предметах. Соединение обязанностей влечет за собой и соединение жалованья, что привлечет в должности воспитателей людей достойных. Даже самое хозяйство детей, их одежда, пища, должны находиться, по возможности, под влиянием тех же воспитателей, потому что, повторим еще раз, дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только под прямым влиянием человеческой личности, и никакими формами, никакой дисциплиной, никаким уставами и расписаниями времени занятий невозможно искусственно заменить влияние человеческой личности. Это плодотворный луч солнца для молодой души, которого ничем заменить невозможно... И чем менее образовано общество, тем более разъединены в его понятии школа и жизнь. Правда, в настоящее время все усилия передовых людей стремятся помирить одну сторону с другой. Но покуда эта мировая ограничивается только одними усилиями помирить.

Прислушайтесь и вникните. Вы придете к тому результату, что мы еще слишком далеки от убеждений о неразрывной связи школы с жизнью. И наверное, мы заметим не одну насмешливую улыбку, когда вздумаем сказать, что учиться и жить есть одно и то же. Большая часть самых образованнейших из нас верно скажет не более того, что

Репозиторий ВГУ

учение есть только приготовление к настоящей жизни. ...Школа делала что-то свое, не заботясь о жизни; а жизнь шла по-своему, не обращая внимания на школу. Так проходило, так и теперь еще проходит время. Но рано или поздно следствия, началом которых были заблуждения, хотя бы и вековые, приводят, наконец, к такому порядку вещей, который делается, невыносим и невозможен, и именно потому, что он ставит нас в противоречие со всем окружающим и самими собой.

Там же. – С. 525–528.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПИРОГОВ

Школа и жизнь

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школе и школу – жизни. Мы привыкли видеть, что воспитание и учение идут сами по себе, а жизнь идет своим чередом, сама по себе… С одной стороны, школа начинает понимать, что она без жизни и вне жизни – нелепость, а жизнь видит, что она без школы не может ни одного шага сделать вперед, идти же назад ей запрещено предвечным законом. Наконец, все мыслящие начинают убеждаться, что школа и жизнь есть одно нераздельное целое, что жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своим законам жизнь, как и жизнь взрослых учителей. И если дети не имеют ни силы, ни способов нарушить законы, то и мы не имеем права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же определенные законы мира детей.

Без сомнения, и отцы, и общество должны заботиться о будущности детей, но это право ограничивается обязанностью развивать всецело и всесторонне все благое, чем наделил их Творец. Другого права нет и быть не может, без посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и в ребенке, и во взрослом. Правда, это ограничение прав общества и отцов идеально; на практике, без логического ослепления, нельзя не допустить исключений. Но, тем не менее, если идеал – истинный, то и стремления к нему также справедливы. А если так, то отцы и общество должны по возможности стремиться к его осуществлению. Если же недостаточность средств, ограниченность ума и недостаток образования отцов препятствуют им осуществлять эти стремления, то не обязано ли общество и государство, со своей стороны, предполагая, что оно богаче и средствами, и мыслями, помогать достижению этого всецелого, всестороннего развития способностей и добрых склонностей ребенка? И эти обязанности общества и государства не делаются ли еще священнее там, где они признают воспитание своей монополией? Правда, монополия воспитания, признанная целым обществом за собой, никогда не обхо-

Репозиторий ВГУ

дится, как и все прочие монополии, без задних мыслей; общество употребляет его как средство к достижению своих известных целей и часто по необходимости делает его не общечеловеческим, а только прикладным. Но если это отступление от идеала уже необходимо в практической жизни, то все-таки оно в моих глазах извинительнее отцовского отступления.

Чем выше организовано общество, чем выше и чище его взгляд, тем более оправдывается перед судом истории монополия и тем извинительнее делаются ее прикладные цели в воспитании. А чем извинить отца, если он, также приноравливаясь к потребностям общества, да еще нередко и из иных выгод, превращает высшее назначение воспитания в односторонний утилитаризм? Но и общество, удерживающее за собой монополию воспитания, и отцы, воспитывающие своих детей с прикладной целью, не могут быть оправданы перед судом совести, если они начинают направлять воспитание к их прикладным целям с колыбели детей. Тогда и общество, и отцы не мирят, а ссорят школу с жизнью. Тогда одностороннее, искусственное воспитание с его временными и прикладными целями, получаемое в школе, рано или поздно вступит в разлад с жизнью.

...В настоящее время, и именно в обществе, еще не созревшем и мало жившем прошедшей жизнью, всего заманчивее кажется тот взгляд на школу, который ее представляет чем-то вроде лепной модели для приготовления людей именно такими, какие нужны обществу для его обыденных целей. И в самом деле, чего лучше? Общество является потребителем, а школа – фабрикой, приготовляющей товар для потребления. Запрос есть; стоит только удовлетворить ему, и обе стороны довольны. Вопиющее современное всегда будет ближе сердцу и доступней мысли, чем далекое будущее. Для чего вдумываться, что будет через 25 или 30 лет, когда новое поколение начнет заменять старое? Правда, что всякий из нас, спускаясь под гору, начинает чувствовать себя как-то неловко и сознавать, что он не воспитывался для будущего, но, прожив, так или сяк и без того, и, думая, что в это время жилось даже лучше, меряет на свой аршин будущее поколение, советуя и ему поступать так же и идти по его стопам.

И вот школа, сначала разрознившаяся с жизнью, начинает сливаться с нею; и та, и другая начинают более понимать друг друга, но как? Общество и государство, применяясь к настоящему и делая воспитание своей монополией, употребляют школу: *во-первых,* как проводник в будущем поколении одних только известных убеждений, взглядов и понятий; *во-вторых,* как рассадник специалистов, ему необходимых для достижения известных обыденных целей.

Отцы, применяясь к этому же направлению общественного воспитания, посылают детей в школу: *во-первых,* чтобы воспитать их

Репозиторий ВГУ

для хлеба, и притом, если возможно, не на своем, а на чужом или общественном иждивении; *во-вторых,* чтобы воспитать их в духе того сословия, к которому принадлежат сами, и, разумеется, в тех же убеждениях и предубеждениях.

Итак, школа, примиренная с жизнью, на первых порах не преследует еще никаких широких и общечеловеческих целей. Напротив, она делается еще более односторонней и прикладной. Вот почему настоящее положение школы все-таки нужно считать шагом вперед.

Но остановиться на этом – значило бы мирить школу с жизнью только наполовину. Мало этого, это значило бы признать, безусловно, первенство жизни перед школой и рабскую зависимость от настоящего, тогда как все будущее жизни находится в руках школы и, следовательно, ей принадлежит *гегемония.*

...Когда *учиться, образоваться и просвещаться* сделается такой же инстинктивной потребностью общества, как питаться и кормиться телу, тогда приложение придет без хлопот, само собою. Надобно достигнуть того, чтобы здравый смысл изменил самый язык. И когда будем говорить и мыслить о воспитании, то нужно, чтобы высшие понятия, присущие словам *учение, образ* и *свет,* заменили материальное представление питания, приличного телу, а не духу.

Только тогда мы можем быть спокойны за успех в будущем, только тогда можем ожидать истинного прогресса в нашем обществе, когда приложение будет проистекать само собой, без всякой искусственной и насильственной моделировки незрелых умов и понятий.

Н.И. Пирогов. Избранные педагогические сочинения. – М., 1985. – С. 198–203.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ КАПТЕРЕВ

Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей

I.

Развитие человека не может совершаться вне общества. Если хорошенько, поосновательнее разобрать человека, особенно его душевную сторону, то окажется, что большая часть его существа – общественного происхождения. Язык, религия, общественно-государственный строй жизни, склад быта и нравов, вся материальная культура – все это может возникнуть, а главным образом развиться, достигнуть ныне существующих форм только в обществе. То, что мы называем разумом человека, его сердцем, его волей, есть плод не индивидуального, а общественного развития. В нас, быть может, 9/10 общественных элементов и лишь 1/10 чисто личного начала.

Репозиторий ВГУ

Собственно, мы не знаем человека как отдельного, обособленного существа, а мы знаем его только как члена общества. Поэтому общественная среда есть духовный воздух, без которого, как и без обыкновенного воздуха, человек дышать, т.е. существовать, не может.

Из сказанного необходимо следует тот вывод, что общественно-нравственное развитие есть одно из существенных сторон развития человека, составляет одну из насущнейших его потребностей. Естественно, что эта потребность издавна, так или иначе, и удовлетворяется жизнью среди людей.

III.

С поступлением дитяти в школу семейное воспитание вообще и гражданское в частности (под гражданским воспитанием П.Ф. Каптерев понимал подготовку ребенка к жизни в социуме) не прекращается, а расширяется, приобретает новый материал, встречает новые трудности. Поэтому мы должны отдать себе отчет об изменениях и постановке гражданского воспитания детей со времени поступления их в школу.

Школа, собственно, есть продолжение воспитательной деятельности семьи во всех отношениях. Хорошая школа так и должна понимать свою задачу, а потому и действовать в непосредственной связи с семьей и под ее влиянием... Те главные средства для гражданского воспитания (которые используются в семье) повторяются и в школе в усиленном и расширенном виде, и семья должна пользоваться ими, как прежде пользовалась своими семейными средствами.

Во всем... семья, школа и общество должны идти друг с другом рука об руку, должны поддерживать и восполнять друг друга. Здесь, т.е. в деле образования, нет вопросов только школьных, а есть лишь вопросы семейно-общественно-школьные.

В школе каждый учащийся получает множество товарищей, однолеток и разных лет. Воспитание посредством товарищества есть одна из самых важных сторон в каждой школе, а между тем школа сравнительно мало обращает на это внимания. Как устроится новичок со своими товарищами, каков дух и направление каждого класса, как относятся товарищи друг к другу, какие между ними партии, кто вожаки партий, нельзя ли помочь более тесному сплочению класса – школы интересуются мало... Между тем строй товарищества – дело большой важности для гражданского воспитания детей. Школы тем и важны, что они есть своеобразные гражданские общества с достаточно сложной организацией, в которых дети получают весьма важные, имеющие влияние на всю их позднейшую деятельность уроки общественной жизни. Организация товарищества – вопрос мало разработанный в педагогике и теоретически.

...Родители, собираясь в общества и кружки при образовательных заведениях, должны постоянно напоминать администрации школы о

Репозиторий ВГУ

необходимости правильной организации товарищества в школе. Эта организация, по нашему мнению, может иметь целью удовлетворить трем общественным и индивидуально-умственным потребностям учащихся: 1) сплотить в более или менее организованное целое каждый отдельный класс... Для достижения такого единства и организованности и нужно предоставить все средства и всякую помощь учащимся. Конечно, не нужно мешать им, не нужно впутываться в их дела тогда, когда об этом они сами не просят; но нужно тщательно наблюдать за этим делом, советовать, поощрять, воздействовать убеждением на вожаков так, чтобы класс мало-помалу из случайного сотоварищества превращался в стройный организованный союз, готовый постоять за себя и своих отдельных сочленов; 2) нужно заботиться об организации товарищества всех учащихся в школе. Если классы, взятые в отдельности, имеют много общих интересов, чуждых другим классам, то точно так же и каждая школа, т.е. все классы ее, имеет много общих интересов, чуждых другим школам... Единство школы и ее своеобразность должны не только чувствоваться учащимися, но и ясно сознаваться. А это возможно только тогда, когда существует общешкольное товарищество и когда последнее получило правильную организацию, когда школа и через классных представителей, и вся в целом собирается для обсуждения и решения общешкольных дел, волнуется этими делами и в ходе их принимает самое живое участие; 3) классное и школьное устройство товарищества не может удовлетворить всем потребностям учащихся; у отдельных групп будут свои интересы, свои особенные стремления. Эти особые интересы и стремления могут быть удовлетворены лишь основанием множества отдельных обществ и союзов, группирующихся не по классам, а по излюбленным предметам и господствующим стремлениям. Таковы могут быть общества различного спорта, чтения книг, изучения какого-нибудь иностранного языка, мастерства или ремесла, искусства, науки, музыкальные общества, дебатов и т.д. Чем в большем числе и разнообразнее будут эти общества, тем лучше, так как они наиболее полно будут удовлетворять индивидуально-умственным запросам и потребностям учащихся.

Все указанные школьные товарищеские организации, составляя необходимую принадлежность каждой школы, должны владеть полной свободой и самостоятельно, сами избирать своих уполномоченных и представителей... сочинять для себя уставы и наблюдать за их исполнением. Администрация школы и учащие не должны вмешиваться в эти товарищеские дела учащихся, если их не попросят. Администрация и учащие должны тщательно следить за школьными организациями учащихся, помогать им хорошенько устроиться и функционировать и, конечно, наблюдать, чтобы не возникло какой-либо

Репозиторий ВГУ

вредной организации, не соответствующей юношескому возрасту и образовательным целям заведения.

Наклонность к товарищеским организациям вполне естественна и сильна в детстве и юности: совместная жизнь, общие интересы и занятия неизбежно наталкивают на подобные организации.

В школах собираются сотни различных детей. Проводя время вместе, дети воспитывают друг друга или нет?.. Дети учат друг друга весьма многому, и их взаимное обучение перевешивает силу и влиятельность обучения преподавателей... Мировоззрение детей и юношей складывается по большей части не под влиянием того, что говорят им учителя, а под влиянием того, что они слышат друг от друга, о чем спорят под влиянием прочитанного помимо ведома и рекомендаций начальства и учащих книг, под влиянием собственных наблюдений жизни, – словом, помимо школы. В школе эта общественность, это взаимное влияние и обучение учащихся и есть самое главное явление, жизненный нерв школы. Дети приходят в школу для совместной общественной работы, причем обучение есть орудие, материал этой общественной работы, стоящий постоянно на втором плане... Общественность, совместная работа, взаимное обучение и влияние учащихся, проявления хладнокровия, сообразительности, мужества – вот что главное в школе, что и нужно воспитывать и организовывать, учение же есть только средство, орудие для развития общественности. Между тем эту второстепенную вещь ставят на первый план и таким образом извращают всю сущность школы.

Каптерев, П.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М., 1982. – С. 232–248.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЗЕНЬКОВСКИЙ

Формы воспитательного воздействия

Семья является идеальным типом социальной структуры. Самые великие и дорогие слова человеческого лексикона, относимые к Богу, – Отец, Сын. В природе семьи скрыты глубокие возможности, из нее берет начало подлинная иерархичность (отображение которой есть и в школе) – не простая, но связанная кровно. Это сочетание неразрывности внутренней связи и чувства свободы принадлежит только семье. Дети являются в семье не только оправданием брака, но источником его духовных сил: в них родители видят свои надежды. Семья есть идеал всего мира. Всюду в природе мы замечаем, например, проявления исключительной силы материнской любви.

Конечно, школа никогда не может заменить семью или стать семьей. При самых благоприятных условиях она есть только суррогат

Репозиторий ВГУ

семьи, и если она часто подменяет семью, то это совершенно неправильно, так как отношение ребенка и матери *ничем* не может быть заменено. Если ребенок даже с грудного возраста привыкает к посторонним ему по крови людям, воспитывающим его, как к своим родителям, то они-то знают, что это не их ребенок, и, конечно, подлинного отношения «по крови» здесь не может быть. Эти отношения не могут перевоплотиться именно в силу незаменимости. В этом факте отношений матери и ребенка есть неисчерпаемая натуральная глубина. Школа не может заменить семьи, как и родители никем не заменимы. Школа стоит посредине между хаосом жизни и сращенностью семьи; она вбирает в себя элементы того и другого, и поэтому их трудно точно определить.

Роль семьи в жизни ребенка неизмеримо велика и по своей важности, и по тому месту, которое она занимает в его душе. Семья подобна цветку, вырабатывающему аромат, необходимый для ребенка. Ребенок не может жить без семьи. Начиная от Платона и до наших времен высказывалась мысль, что можно и даже должно воспитывать детей вне семьи, но, конечно, эта утопия абсолютно не отвечает положению вещей. Даже в самой скверной семье вырабатывается нечто незаменимое для ребенка. Громадное значение для ребенка имеет период кормления его грудью матери. Сюда входит весь комплекс психологической и физической связанности, все то, что восстает из глубины души матери. В дальнейшие годы дитя живет в семье беспечно и на просторе, не просто пользуясь семьей, но любя ее, переживая поэзию семьи. Ребенку необходимо пережить эту поэзию, это ложится неизгладимой печатью на его душу.

Фрейд однажды высказал мысль, что каждый человек ищет того, чтобы вновь стать ребенком, и в этом есть верное наблюдение. Для ребенка как бы не существуют темные стороны мира, сначала для него главное – «папа и мама». В этой атмосфере семейной тишины расцветает душа ребенка. Функция семьи, однако, не ограничивается только этим сознанием поэзии детства.

Важно то, что дитя изучает мир через семью, в свете семьи. Необычайно тяжело поэтому влияют на ребенка семейные ссоры родителей – это разрушает самые основы его души.

Роль семьи чрезвычайно велика и с педагогической точки зрения. Человек не развивается один, семья есть преддверие Царствия Божия и как бы маленькая домашняя Церковь.

Однако воспитывать детей в семье чрезвычайно трудно, и вот почему: родителям очень трудно понимать своих детей и свободно относиться к ним. Очень часто родители не понимают своих детей, хотя уверены, что они их знают. Очень часто обе стороны думают друг про друга, что все делается ими «нарочно», и получаемые таким путем быстрые обобщения крайне усложняют задачу семейного воспитания.

Репозиторий ВГУ

Кроме того, жить своей семьей *в полноте ее задач* – это громадный и трудный подвиг для родителей. Семья сама по себе обладает могучим воспитательным средством. Жизнь в этом отношении мало дает нового, она возвращает нас постоянно к тому, что было в семье. Поэтому воспитательные силы семьи крайне велики, и, с другой стороны, разрушение семьи влечет за собой чрезвычайные беды для души ребенка. Обратимся к рассмотрению некоторых факторов, характеризующих распад или производящих глубокие перемены в семье. Эти факторы зависят главным образом от современной культуры и являются прямыми ее следствиями.

Первое – это почти полное исчезновение труда в семье. Раньше мать, как правило, всегда была дома и была центром внутрихозяйственной жизни семьи. Еще сравнительно недавно было незыблемо положение, что семья есть трудовая единица, семья трудилась как целое – теперь же семья обыкновенно вся трудится *вне дома.* В силу чрезвычайного развития современной культуры семья в наше время начинает превращаться из трудовой в потребительскую единицу. Если семья раньше как трудовая единица имела и соответственную *психологию трудового единства* (весьма ценную для социального срастания), то теперь это начинает выветриваться из атмосферы семьи. Семья теперь является местом отдыха, а не труда. Если мы видим около больших городов целое море маленьких домиков с такими же крошечными хозяйствами – то в этом проглядывает желание внешне сохранить то, чем семья нормально жила раньше. Но фактически семья обращается теперь в союз потребителей, пользующихся всем нужным в ближайших магазинах. Число последних служит даже мерилом «культурности» для данного города. Сама культура отнимает труд от семьи, выводит его за пределы семьи: забота по поддержанию чистоты помещения крайне упрощена, стирка белья вынесена в бесчисленные прачечные, изготовление пищи занимает минимум времени, так как большинство продуктов продается уже почти приготовленными и нуждается только в разогревании, да и то не всегда. Газовые и электрические усовершенствования еще больше способствуют уменьшению труда в семье.

Второе – это урбанизация жизни, поглощение населения городами. Приведем несколько цифровых данных по Америке.

В 1800 году в городах с населением свыше 8000 человек жила 1/30 часть населения страны. В 1900 году в городах с населением свыше 8000 человек живет уже 1/4 часть всего населения. Из этих цифр видно, какая большая часть жителей, имевших общение с сельской жизнью и природой, потеряла его, переселившись в города.

Естественно, ослабла связь города с деревней, так как раньше горожане все, почти без исключения, имели родных вне городов, чего теперь нет.

Репозиторий ВГУ

Население группируется с каждым годом в более крупные поселения, от 2500 человек и выше, с развитием культуры также принимающие характер городов. В 1880 году в таких поселениях жило 25 процентов всего населения. В 1890 году – 26, в 1900 году – 40, в 1910 году – 46, в 1920 году – 52 процента.

Особая экономическая проблема возникает на почве этого явления в Америке: с ферм население уходит в города, отрывающие человека от природы.

Третье – это изменение положения женщины в современной жизни. Раньше полем деятельности женщины была семья. Теперь, вследствие облегчения домашнего труда и механизации жизни, женщина имеет возможность выгодно приложить свои силы *вне семьи.* Культурный уровень современного общества также способствует выходу женщины на арену *общественной работы.* Расширение избирательных прав женщины дает ей возможность заниматься работой общественной и политической. Все перечисленное ведет к тому, что семья лишается света, согревающего ее. В связи с самостоятельностью женщины происходит перемена в ее психологии, сопряженная с материальной независимостью от мужа. Экономическая независимость женщины в семье дает ей право иначе строить внутрисемейные отношения.

Последнее, четвертое, обстоятельство – это то, что весь процесс натурального хозяйства умирает, на смену ему развивается *товарное* хозяйство. Все то, что семья раньше имела как продукт своего труда, теперь становится легко приобретаемым на стороне.

Все перечисленные изменения есть естественный итог культурного развития, отсюда вытекает, что семья не может выполнять ныне своих прежних функций. Одним из итогов развития христианской культуры является смягчение, а постепенно и выпадение юридических регуляций в области семьи. В этом главным образом сказывается влияние христианства, принесшего атмосферу уважения к личности и свободе. Однако под влиянием времени свобода в семье начинает пониматься как уничтожение препятствий вообще, и вместо свободы нередко имеет место хаос. В отношении семьи хаотическое положение породило явления многосемейности мужчины и так называемого «свободного материнства» женщины. Это до такой степени изменило характер семьи, что она все больше получает характер гостиницы... К этому присоединяется явление ухода детей из семьи. Чем оно вызывается?

Дело в том, что городская жизнь настолько интересна и разнообразна, так влечет к себе, что для удержания детей в семье нужно наполнить ее очень богатой и интересной внутренней жизнью.

Мы живем в очень трудное в духовном смысле время – ибо параллельно с разложением семьи идет сильнейшее раздвоение и разложение во всей системе христианской культуры. И если христианское

Репозиторий ВГУ

общество вышло из-под ветхозаветного закона, то теперь оно все время отходит и от того благодатного источника сил, который хранит для нас Церковь. Христианское общество ныне – ни под законом, ни под благодатью. Оно видит неправду закона, но думает обойтись и без благодати. Поэтому приходит время, когда семья должна приложить все усилия, чтобы стать проводником христианского света, стать основой возрождающегося христианского общества.

Педагогические функции семьи могут быть разделены на физические и психические. Громадное значение имеет семья для воспитания здорового организма ребенка. Ничто не может заменить уход матери за здоровьем ребенка – в этом сила биологической функции семьи. Не менее важны и функции педагогическая и социальная, причем последняя развивает в детях два главных социальных навыка: повиноваться и повелевать. Семья также формирует область духовно-моральную, возбуждает в душе радость жизни, любовь к людям, закладывает и основу религиозной жизни.

Подойдем к рассмотрению этих положений более детально. Чрезвычайно важно, как было уже отмечено в курсе психологии, значение *хороших привычек* в жизни детей и подростков; особенно много привычек развивается в семье. Очень важно, например, развить в детях привычку каждое начатое дело доводить до конца. Этой привычкой создаются чувство большей ответственности за каждое предпринимаемое дело, большая углубленность желаний и приобретается опыт претворения желаний в дело. Конечно, семейная воспитательная среда особенно благоприятна для того, чтобы укрепить эту привычку без подавления ребенка. При развитии привычек у ребенка не нужно проявлять, однако, несносной для детей настойчивости, иначе привычка будет поддерживаться только рамкой семьи, и по удалении последней привычка будет с радостью отбрасываться как противное беспокоящее иго. Умелое создание разумных привычек (как физического, так и социально-психического характера) сохраняет их на всю жизнь. Сюда же входят привычки активности – лучше всего развивающиеся и сообщающиеся на почве семьи.

Наряду с созданием хороших привычек, уважение к ребенку содействует развитию в нем *инициативы, творческой смелости и сознания ответственности.* Необходимо настолько уважать свободу ребенка, чтобы из ее опыта развивалась его творческая личность. Надо считать бесспорным, что развитие творческих сил ребенка наиболее благоприятно идет в семье – ни школа, ни приюты-пансионы не дают развития творчества в такой большой степени. Но, с другой стороны, семья столь же легко может и убить творчество ребенка в самом зародыше. Поэтому развитие творчества ребенка является одной из главных воспитательных функций семьи. Развитию творчества в высшей

Репозиторий ВГУ

степени способствуют игры, ценны также инсценировки (но только в узком семейном кругу) и иные занятия с детьми. В семье же у ребенка происходит развитие языка, через него главным образом осуществляется развитие вкуса. Вкус вообще есть показатель развития, а в особенности религиозный вкус, который ярко характеризует человека. В семье начинается понимание языка, проникновение в его дух, в его творческие силы.

Под развитием характера мы здесь будем разуметь не развитие личности вообще, в ее полноте, но только яркости некоторых свойств ребенка и в особенности развитие *способности достигать тех целей*, которые мы себе ставим. В этом развитии характера нужно быть очень осторожным, предоставляя ребенку свободу находить самого себя, ничего ему не навязывая. Плохо ломать ребенка, но это еще не так опасно, как постоянно его гнуть. Последнее ведет почти неизбежно к лишению внутренней силы и собственной инициативы (припомните типы злобно забитого и мягко забитого ребенка у Лесгафта).

При воспитании характера необходимо учитывать, что для ребенка очень важно накопление удачных опытов, так как опыт удачи является главным формирующим элементом характера ребенка. На этом пути развития характера семье принадлежит едва ли не самая важная роль, так как именно здесь дитя впервые получает возможность проявлять себя и находить наилучшие формы своего духовного и жизненного развития.

Но главная тема семейного воспитания – *воспитание религиозное.* Семья по своей структуре является бесконечным источником религиозных сил. Сама семейная жизнь есть как бы святыня, наше отношение к родителям является единственным, вечным, неповторимым.

Господа теософы, утверждая перевоплощение, оказываются именно в этом пункте безнадежно несостоятельными, ибо для них остается закрытой единичность и неповторимость отношения к родителям (при перевоплощении каждый оказывается имеющим различных родителей).

Семейное чувство – это тема религии. Не совсем неправы те, кто говорят, что семейное чувство – это есть психологическое лоно для религиозных чувств. Господь для нас есть Отец, и все христианство есть братство. Элемент семьи играет особо первенствующую роль даже в животном. Через семью великая сила Божия светит миру всегда и везде. Религиозное воспитание ребенка возможно только в семье, только она вырабатывает такую духовную среду, где ребенку легко жить в Боге. Необходимо пользоваться этим могучим средством, вполне сознавая всю его важность и действенность.

Зеньковский, В.В. Педагогика. – Клин, 2002. – С. 86–95.

Репозиторий ВГУ

СТАНИСЛАВ ТЕОФИЛОВИЧ ШАЦКИЙ

Школа для детей или дети для школы
Статья первая
II

…Основной педагогический вопрос, который должен сдвинуть с места современную туманную педагогику, не в том, что такое та школа, которая нам нужна, а что такое детская жизнь, какие ее характерные черты и в чем ее ценность для работы школы.

Старая педагогика, в полном единении с обычным житейским взглядом, мечтала о лучших способах готовить детей к будущей жизни. Она заимствовала все нормы детской жизни из жизни взрослых. Она творила свое дело с государственным ребенком, она задолго начинала его жизненную карьеру.

Теперь же надо думать о том, чтобы детям дать возможность жить сейчас, жить той богатой эмоциональной и умственной жизнью, на которую они способны. Мы тревожились, видя, что дети плохо учатся, потому что в будущем они не выдержат жизненной конкуренции. Мы вводили эту конкуренцию загодя в детскую среду. Мы не умели ценить богатства детского языка, детского опыта, способности ребенка к исследованию, его живости и способности интересно жить. Нам нужно было лишь то, чтобы дети в наименьший промежуток времени усвоили максимум тех обрывков знаний, которые составляли нашу программу. А по-настоящему следовало бы беспокоиться о том, что дети плохо живут, т.е. живут не по-детски.

В сущности говоря, наиболее яркие умы последнего сорокалетия (врачи, психологи, экспериментаторы и большие педагоги-практики) делали и делают подготовительную работу для осуществления этой цели. Старая педагогика очень ценила законченность, результативность своей работы. Это выражалось в требовании от детей определенных запасов знаний по целому ряду довольно случайно подобранных циклов. Стэнли Холл справедливо называет это школьным винегретом.

Новые педагогические мысли вращаются вокруг процесса работы детей над насущно необходимым для их текущей жизни материалом.

Старая мысль искала самой лучшей программы, самого лучшего метода, лучшего учебника. Она стремилась отлить свою работу в устойчивые, точно регламентированные формы воздействия на детей.

Новая мысль работает над постоянной эволюцией школы и думает о гибких методах, приспособляющихся к данным условиям, в которых протекает педагогический процесс.

Репозиторий ВГУ

III

Если рассматривать процесс воспитания как постепенное овладение средствами приспособления к окружающей среде, то очевидно, что жизнь, как она идет, в ее общих чертах, сложившихся в течение длительного периода, должна была выработать устойчивые формы приспособления. За тысячу лет жизни расы организовались некоторые прочные навыки, количество, качество и предел которых определяются насущными потребностями, необходимыми для элементарного поддержания жизни.

Представим себе весь нехитрый уклад крестьянской жизни и те знания, которые нужны для его понимания и, следовательно, ориентировки. В школьной переработке они уложатся вполне в голове десятилетнего ребенка. С жизнью городской – много сложнее, и в результате мы могли бы попытаться определить средний уровень потребностей расы в навыках приспособления. В известной степени элементарная школа отвечает на этот вопрос. В самом деле, чем обусловливается общественный факт быстрого падения посещаемости народной школы на третьем году? Пожалуй, не только экономическими причинами, а как раз тут может проявиться достаточность примитивной грамоты для поддержания жизни на среднем уровне, который исторически сложился в данной среде. Интересно отметить, что сильное падение посещаемости начинается сравнительно далеко до официального конца школьного обучения. Жизнь, а не прихоть говорит свое «довольно». Если нет школы, то воспитывают все те же факторы; среда, окружающая ребенка, действует могущественно и создает типические средние черты расы, отличающие ее [от другой] (американца от француза, немца или русского). Сила и стойкость этих влияний очевидна. Поэтому их надо изучать и уметь ими пользоваться.

Итак, настоящее воспитание дает сама жизнь. С этой точки зрения нельзя относиться так к «улице», как это обыкновенно делается. В ней, как в среде, доступной всем жизненным влияниям, где они скрещиваются и дают огромное разнообразие комбинаций, есть своя закономерность, периодичность и доступность. Она отражает деятельность людей, хотя не целиком, но разнообразно и богато. Как во всяком постоянном явлении социального порядка, улица имеет свои нормы, регулирующие ее жизнь (обычаи, мода). Она имеет свои методы воспитания при помощи среды. Недаром так называемые «уличные мальчишки» обладают большой практичностью и хорошо ориентируются в сложных условиях окружающей их жизни. Воспитание Эдисона и Горького вовсе не было плохим.

Репозиторий ВГУ

IV

Наряду с этим фактом социальной наследственности, поддерживаемым жизнью расы, началом консервативным, но глубоко важным, развивается и то, что движет жизнь вперед. Она движется путем развития новых потребностей попутно с упражнениями в овладении жизненными приспособлениями, естественно возникает более обширная область их применения, создаются запросы, для удовлетворения которых нужны новые навыки. Эта прогрессивная часть житейского образования тоже имеет свое отражение в школьной работе, хотя неустойчива, часто колеблется и подвергается ряду очень сложных, кажущихся случайными влияний.

Пока речь идет о приобретении бесспорных навыков первого рода, развитие ребенка идет быстро. Но наступает порог, когда жизнь говорит «довольно», за которым приходится идти впереди жизни, указывать путь, нащупывать направление, чтобы создать движение вперед. В жизни ребенка как социального элемента, движимого общим током жизни, порог этот на пути его естественного воспитания отражается остановкой, инерцией, периодом некоторого успокоения, закрепляющим достигнутое без особых тревог и порывов. И вовсе не надо, как это делает Стэнли Холл, предполагать генетическую связь центрального детского возраста с каким-то отдаленным периодом спокойной жизни человечества. Можно объяснить этот действительно наблюдаемый факт – расцвета детства в 9–12 лет, единственного периода, когда человек ближе всего подходит к гармоническому развитию; его надо назвать периодом элементарной школы, временем упражнений в разнообразных сторонах жизненной деятельности, здоровья, бодрости, накопления сил, довольно медленного развития и некоторой умственной консервативности. Воистину этот период – золотая пора детства, здоровая, устойчивая, работоспособная, подвижная, энергичная. Ребенок пока длительно ни на чем не останавливается, но многое пробует делать. Попробует, примерит силы и бросит. Это – время малых, коротких достижений, действий, но не рассуждений, исканий разнообразия и жадного захвата жизненных впечатлений для быстрого и легкого усвоения и переработки. При этом ребенок настойчиво и всесторонне упражняется. В эту пору наряду с упражнениями и в итоге их и закладываются новые потребности, дающие школе возможность воспользоваться ими для второй части своей работы – части прогрессивной, выводящей ребенка из цепких рамок среднего уровня приспособления к жизни.

Школа создает свою специальную среду, свою детскую культуру. Она организует жизнь детей, развивая в них такие потребности, которых обычная жизнь не дает.

Школа, стоящая рядом с жизнью, составляя необходимую часть ее, в воспитательном процессе из массы влиятельных факторов изби-

Репозиторий ВГУ

рает наиболее благоприятные для жизни ребенка. Она производит их подбор, усиливая одни и ослабляя другие. Словом, школа создает условия для разумной жизни детей. А элементарная школа есть своеобразная организация детской жизни (золотого периода детства) – от 8–12 лет, немного больше или меньше. Точных границ периода установить нельзя.

Таков плодотворнейший принцип новой школы. Дело не в улучшении методики отдельных предметов, не в выкидывании или прибавлении той или другой части программы, не в мерах дисциплинирования, не в этих частностях, а в изменении коренным образом наших взглядов на детский вопрос, который в такой трактовке, может быть, перестанет быть только вопросом.

Разумеется, нельзя выхватить элементарную школу из общего потока педагогического процесса. Рассматривая в общей связи все периоды воспитания, мы должны их охарактеризовать в отдельности следующим образом:

Дошкольный возраст (до 7 лет) – период упражнения внешних чувств.

Элементарная школа (до 12–13 лет) – период упражнений инстинктов и способностей.

Ранняя юность (до 17 лет) – выявление призвания. Юность (до 21 года) – период неоформленной специализации.

Высшая школа – точная специальность. Конечно, здесь не захватывается вся жизнь отдельного возрастного периода целиком; берется только центральный пункт работы, важной и необходимой для ребенка, подростка, юноши, молодого человека, тот минимум, который, безусловно, должен быть проработан. Вокруг такого существенного пункта в каждом возрастном периоде может развернуться большое богатство жизни, если на нем остановится внимательный взор чуткого педагога. Монтессори сделала первый шаг в этом направлении в отношении маленького ребенка. Узость ее педагогики и чересчур постепенное использование в широком масштабе малых достижений помешали ей углубить и расцветить богатством жизненных красок свою работу. Но исходный принцип верен и основной пункт найден верно.

Я не думаю, чтобы воспитанию можно поставить одну общую цель. Вернее, целей столько, сколько было возрастных периодов.

Уже в такой схеме, представляющей нечто вроде скелета развития педагогического процесса, мы должны чувствовать последовательную смену этапов роста, ту эволюцию жизни, которой подвергается естественно складывающаяся жизнь. Ребенок проходит сквозь существенно необходимые метаморфозы; он живет, как здоровый человек, с кровью, мускулами, нервами. И огромная задача разумного государства состоит не в том, чтобы отливать в готовые формы нуж-

Репозиторий ВГУ

ных ему для соответственных функций людей, а в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для организации детской жизни в каждый данный момент. Жить сейчас, сию минуту, уметь жить сообразно с теми потребностями, которые выдвигает возраст, есть наилучший способ подготовки себя рядом нечувствительных переходов к той форме жизненной деятельности, которая свойственна уже сложившемуся человеку. В этом и только в этом главная задача государства в деле воспитания.

V

Но можно ли уложить осуществление принципа школы как детской жизни в рамки некоторой программы, метода, организации? Полагаю, что можно.

Чем, исходя из нашей точки зрения, следовало бы руководствоваться при работе над программой? Очевидно, содержанием детской жизни в ее различных возрастах. Содержание – это не есть нечто оторванное от общей человеческой жизни, оно, конечно, исходит от жизни, но при этом преломляется через детскую призму, придающую ему характер, окраску именно детской натуры. У ребят есть свои наука и искусство, имеющие своеобразное значение и выражение. В детской среде мы присутствуем при зарождении тех сил, которыми движется человечество. Мы могли бы непрестанно наблюдать, как возникают начальные формы разнообразных человеческих деятельностей, если бы умели видеть то, что есть на самом деле. Но мы слепы или близоруки, у нас сложились предвзятые точки зрения, и мы грубо считаем ребят маленькими взрослыми людьми и предъявляем им непосильные и несообразные требования. Основной наш грех – непонимание явлений детского роста.

Как бы то ни было, многочисленные и житейские, и научные наблюдения, и исследования детской жизни в конечном итоге могут помочь нам наметить, подойти к определению содержания детской жизни. В общем она складывается из явлений: 1) физического роста, 2) материального труда, 3) игры, 4) искусства, 5) умственной жизни, 6) социальной жизни, 7) эмоциональной жизни.

Строго говоря, такое деление, как и всякое, относящееся к человеку, постоянному носителю связного комплекса жизненных реакций, искусственно. Чем меньше детский возраст, тем труднее отделить одну область явлений от другой. При составлении программы, желающей быть основанной на содержании детской жизни, необходимо принять во внимание и то, что молодые существа непрерывно растут во всех направлениях. Поэтому она должна быть программой эволюционной или вовсе не быть годной для детей.

Из семи областей, входящих в каждую детскую жизнь, область эмоциональная не укладывается в более или менее определенные рам-

Репозиторий ВГУ

ки. Она составляет окраску всех явлений жизни и, как таковая, входит неразрывной частью во все области.

1. Для педагога очень важно знать, в какой мере складывается юный организм. Анатомия и физиология детства должны дать наконец тот материал, который является фундаментом нашей педагогики. Великолепные принципы Лесгафта не использованы еще до сих пор. Как было бы заманчиво работать и опираться на точные данные науки, обрисовывающие пределы той нагрузки, которые накладываются на детский организм его работой в школе. Практическое приложение в жизни этих знаний в виде гигиены детского возраста вполне может уложиться в программу разумной, здоровой, прежде всего, школы.

2. Физический, хозяйственный, лабораторный, обслуживающий труд, его допустимость, понятность и важность для детей, его роль в организме детского сообщества, его роль в повышении детского тонуса, бодрых настроений и жизнерадостности настолько важен, насколько и не исследован. Он больше всего связывает школу с явлениями примитивного приспособления. В этой области нам хорошо овладеть умением ориентироваться в смене форм труда, в постоянной эволюции инструмента – от голой руки через самодельные орудия к инструменту точному.

3. Культура игры дала бы нам, вероятно, наибольший успех в нашей школе. После Карла Гросса мы не можем говорить, что ее значение принципиально не обосновано. Без игры нет детской жизни, следовательно, нет серьезной формы овладения процессом приспособления. Градация игральных форм сообразно с возрастом уже не представляет таких больших трудностей в настоящее время. Мне вспоминается одно исследование детской преступности в Нью-Йорке, где автор объясняет огромный рост ее условиями жизни большого города, в котором нет простора для детской игры. Он, классифицируя детские преступления, отмечает происхождение главных видов из видоизмененной игры, сопровожденной сильным тормозом в ее развитии в социальной жизни горожан. Конечно, речь не идет об игре как предмете, речь не идет о списке игр, в которые дети должны играть. Я разумею эволюцию игральных состояний, видоизмененное требование к игре сообразно с возрастом и культурой игры, при помощи школы.

4. Значение искусства для жизни ребенка уже достаточно признано, хотя мало выяснено. Но я хотел бы отметить, что не об обучении музыке, пению, рисованию, танцу, ритмике следовало бы думать, а о жизни детей в сфере искусства. Здесь самый трудный вопрос – материал, который дается детям. Конечно, я больше думал бы о простом бесхитростном искусстве, о здоровой радости искусства, а не самоуслаждении взрослых вокруг детей. Что следовало бы внести в программу безусловно – это развитие вкуса.

Репозиторий ВГУ

5. Полагаю, что умственная жизнь детей для нас остается большой загадкой. Нам свойственно приписывать так знакомые нам умственные навыки и формы мышления детям.

Основная тема, которую бы я поставил и которая совершенно правильно ставится многими педагогами, – это ребенок-исследователь. Нужно очень внимательно отнестись к парадоксу Дж. Дьюи в его предисловии к книге «Психология и педагогика мышления», выясняющему его убеждение в том, что «прирожденное и неиспорченное состояние детства, отличающееся горячей любознательностью, богатым воображением и любовью к опытным исследователям, находится близко, очень близко к состоянию научного мышления».

С другой стороны подходит к детскому мышлению Сеченов («Элементы мысли»). Он указывает на ценность изучения форм мышления ребенка. В умственной жизни человека (так начинает он свою книгу) только раннее детство представляет случай истинного возникновения мыслей или идейных состояний из психологических продуктов низшей формы. Он считает историю возникновения детской мысли из чувствования весьма важной для понимания умственной работы взрослого человека. Еще, пожалуй, интереснее охватить схему детской логики, такой капризной, но, безусловно, жизненной. Я настаивал бы очень определенно на необходимости для нас уметь признавать ценность детской мысли. Так как мыслительный процесс в том или другом виде сопровождает все стороны деятельности, особенно не привычной или вызывающей затруднения, центр строения программы умственной работы ребенка лежит в специфических сторонах отвлеченного мышления, идущего от образности к более и более точным формам.

6. В области социальной жизни детей нам следовало бы приучаться рассматривать всякую группу детей, работающую в классе или живущую в детском доме, как детское сообщество, руководимое в своем развитии некоторыми, пока еще для нас неясными закономерностями. Ложность нашего прежнего представления состояла в том, что мы принимали класс за собрание отдельных единиц, каждая из которых пришла за своим собственным делом учения. Наши удачи и неудачи часто зависели не от того, как мы ведем наши занятия, а от соотношения между нашим преподаванием и уровнем текущей жизни класса. Жизнью сообщества управляют и внутренние социальные факторы (подражание, соперничество, господство, мода) и внешние – общая среда, окружающая детей, и ближайшая, непосредственно действующая на них (материальная культура, быт школы, руководящая группа учителей). Все элементы школьной и дошкольной жизни входят в сумму влияний, проявляющихся в детском сообществе. Отсюда можно вывести те связи, которые существуют между жизнью группы

Репозиторий ВГУ

и отдельными ее элементами, т.е. роль здоровья, питания, труда, игры и т.д. Самая тесная связь существует между формой материальной культуры (школьного, хозяйственного, обслуживающего труда, обстановки) и видом социальных отношений. Социальная сторона школьной жизни всегда реальна, всегда действенна, но постоянно находится вне области педагогического понимания. Разбираться в ней – значит устранять многие тормозы общения с детьми. Помочь детям организованно жить – значит устранить ряд тормозов, мешающих им продуктивно использовать свое школьное время, т.е. время организованной жизни.

VI

Что должно лечь в основу метода? Если нашей программой будет содержание детской жизни, то методом – способ осуществления этой программы. Если нашей целью станет дать возможность детям разумно, организованно жить по-детски, то сразу возникает вся сложность и трудность проблемы. И это не удивительно: наши мысли мало работали в этом направлении. Наши познания о детях полны грубых ошибок и суеверий, которых не чужды и очень образованные люди и высококультурные деятели.

Но это общий метод работы. Обычно нас интересует частный случай – метод занятий, то, что всегда занимало главное место в недоуменных вопросах школы.

Предшествующие соображения приводят нас к мысли о драгоценности уже накопленного детьми опыта, опыта, который они получили из жизни собственными силами. Нас должен интересовать и запас детских представлений, и та обработка его, превращение их в продукты высшего порядка (Сеченов), и те силы, которые побуждают их накоплять, те средства, благодаря которым происходит внутренняя работа над ними, и, наконец, самая организация этой работы, те связи, которые обусловливают совместную деятельность органических систем ребенка – нервной, мускульной и т.д. Таким образом, опорой нашего метода будет выявление накопленного детьми опыта и продуманная обработка его. Рядом с личным опытом стоит организация систематического опыта школой и сопоставление личного опыта ребенка с готовым опытом людей (готовых знаний). Именно это и происходит в реальной жизни, в реальном процессе развития. Да иначе и быть не может; чем-нибудь, каким-нибудь механизмом надо объяснить глубже и шире, чем это делал (и чудесно сделал) Дарвин, развитие человеческого интеллекта. Все дело, мне кажется, в том, что в реальной жизни процесс осуществляется с великими затруднениями. Школа, создавая благоприятную среду, устраняет многие из них.

Таким образом, можно сказать, что эти три формы опыта – личный, организованный и готовый – действуют в жизни отчасти преры-

Репозиторий ВГУ

висто, скачками. Наша методическая задача – связать в единый процесс, поставить в обдуманную нами зависимость эти три вида опытной деятельности ребенка, школы и жизни. Но в жизни существует еще процесс закрепления результатов опыта. Он силен в той части, которую я раньше назвал поддерживающей, консервативной, образовавшейся в силу социальной наследственности в течение длительного периода приспособления; здесь выработались определенные навыки путем повторных упражнений. Если школа хочет работать прочно, не распыляя своих сил, то она должна внести в свою практику культуру упражнений, закрепляющих полезные изменения физического и психического состояния, которые выявляются в результате деятельности опытной. Опыт – исходная точка метода, упражнение – его закрепляющая часть. Обработка опыта, установление связи его трех форм и упражнения вызывают новые потребности, культура которых ведет к росту культуры молодой жизни.

Что же мы должны делать?

Ценность 1) личного жизненного опыта (опыта неорганизованного), 2) организованного опыта школы и 3) опыта законченного (опыта расы, готового знания) приводит нас к разработке методов, устанавливающих соотношение между ними. Мы должны уметь выявить материал личного опыта, его подвергать обработке, на основании полученных выводов организовать в школе занятия, дополняющие пробелы личной деятельности, контролирующие, опровергающие или утверждающие верность наблюдений ребенка (в чем бы они ни заключались), а затем устанавливать аналогии с уже готовым опытом человеческой деятельности (в искусстве, труде, науке).

Важна не сумма знаний, а насущная, выходящая из жизни и ясно ощущаемая необходимость в них (В. Оствальд), установление путей, связующих свой метод добывания знаний с тем, что добыто другими. Этот опыт двигает и ободряет маленького человека. Такова первая часть метода. Вторая часть – установление соответствия между силами ребенка, его возрастными возможностями и индивидуальными склонностями и работой школы. Если стать на точку зрения эволюции образовательного процесса и захватить все богатство жизни, могущее быть использованным ребенком в различные периоды его роста, то должно признать, что существует и наука, и искусство шестилетнего, равно как и десятилетнего ребенка. Разница с нашей наукой и искусством лежит в средствах познания и той степени точности, глубины деятельности, которая зависит от этих средств. Точность суждений, отчетливость внутренних переживаний и богатство их выражений вовне – главные отличия научного работника и художника от ребенка. Третья часть метода – культура упражнений всякого рода в связи, конечно, со всей остальной работой. Здесь важнейшая сторона – соот-

Репозиторий ВГУ

ветствие форм и средств упражнений с потребностями роста ребенка. То, что сделала Монтессори в одной узкой области, должно быть распространено как принцип на весь педагогический процесс.

Четвертая часть – использование среды, материальной и социальной, окружающей ребенка, имея в виду то влияние, которое оказывают на детскую жизнь оба эти фактора. Ибо весь педагогический процесс как сложное явление социального порядка направляется в ту или другую сторону, изменяется качественно или количественно в зависимости от изменения среды (в широком смысле слова).

Пятая часть метода – способ работы над собой, своим жизненным продвижением, вызывание в себе явлений роста собственной личности, углубление коллективной педагогической работы. Этот процесс неизменно предшествует всякой настоящей, живой педагогической работе. Это обычное, но не осуществленное сознательно «уча, учимся».

Параллельно с разумно осуществляемым развитием ребенка происходит рост личности педагога. Эта часть чрезвычайно сильно зависит от организации общей педагогической работы, в которую входит и каждый отдельный педагог, и организованные группы педагогов.

Таким образом, можно мыслить весь педагогический процесс в его целом, захватывающем и среду, и школу, и ребенка, и педагога, индивидуальную и общественную работу, содержание, метод и организацию школьной деятельности.

Статья вторая

I

Школа, организующая детскую жизнь, должна заняться изучением элементов (деятельностей), из которых эта жизнь складывается. Чтобы разрешить такую задачу, придется опираться на факты детской жизни, как она протекает в естественных условиях среды. А отсюда является связь школы с изучением среды, без чего мы не можем понять детской жизни.

Поэтому мы мыслим школу не как школу «вообще», а как школу «в данных условиях». Условия, среда определяют характер работы школы.

а) Мы изучаем среду через детей, в детском освещении, преломленную сквозь детскую призму. Вот для этого мы и ставим перед собой как исходную проблему нашей педагогической работы содержание детского опыта, который ребенок уже приобрел, охраняя себя, трудясь, ища средства для выражения вовне своей внутренней жизни, размышляя и вращаясь в обществе детей и взрослых.

Каждый практически работающий учитель знает те обыкновенно как бы случайно появляющиеся моменты, полные почти всегда глубокого очарования, когда он чувствует, что не нужно «учить», а просто и задушевно беседовать с детьми, когда детская речь разливается

Репозиторий ВГУ

без удержу, когда хочется продлить прелестное настроение, равно захватывающее и ребят, и взрослого... Здесь развертываются самые ценные стороны того детского отношения к жизни, которое явилось в результате приобретенного опыта. Но не в одних беседах, случайных или организованных, выявляется детский опыт. Его можно наблюдать в работах, играх, выразительных движениях, приобретенных навыках, привычках; если взять большую группу детей и определить характерные, повторяющиеся явления жизни, которые в тех или других формах обычно выявляются у них, то перед нами развернется общая картина, отражающая среду сквозь детскую призму. Но есть отражения, свойственные тому или другому ребенку: они дадут нам возможность более индивидуального подхода к нему. И то и другое очень важно для учителя.

б) Нельзя, разумеется, ограничиться тем, что мы получаем от детей. Мы сами должны изучить ту среду, в которой возникают интересующие нас явления детской жизни. Мы вовлекаемся в ознакомление с окружающими нас людьми, семьями, обществами. Идя от простого наблюдения, сопоставляя его результаты с тем, что мы слышим от детей, мы втягиваемся мало-помалу в более серьезное, объективное изучение среды, мы ставим для себя более глубокие задачи и в конце концов находим, что единичных наших сил мало, что надо опереться на устойчивый метод изучения. Мы ищем опоры, помощи, мы идем к товарищам, ищем центра, могущего нас поддержать в наших запросах.

Для учителя важны эти две точки зрения – детская, индивидуальная, специфическая и объективная, приближающаяся к научной. Одна дополняет другую. Одна дает толчки, возбуждает интерес, другая проверяет, учитывает, объясняет.

II

Глубокая задача для учителя – понимать и ценить детскую жизнь. Перед ним развертываются причудливые и как бы нестройные проявления ребенка; он проникает в источники детских деятельностей, отделяет случайные моменты от постоянных, различает главное и детали, в его уме мало-помалу складывается картина внутренней целесообразности при известном внешнем беспорядке, который неизменно сопровождает всякую одухотворенную человеческую деятельность, а в особенности детскую. Учитель иногда поощряет, иногда останавливает, утешает; для него вырисовывается шаг за шагом, ценой больших сомнений и нелегких переживаний, и цель своей работы, и способы ее осуществления. Работать надо много и упорно.

Только в начале своей деятельности учитель может говорить: «Мне кажется, я чувствую, что это так». Начало, особенно если оно сопровождается горячим одушевлением, душевным подъемом, таит в себе много верного, идущего от педагогического инстинкта. Рано или

Репозиторий ВГУ

поздно инстинкт отшлифовывается, дает толчки пониманию, разумной направляющей мысли, создает перспективы будущей работы, и учитель не только чувствует, но и разбирается, понимает и строит свою школу сознательно.

Первым этапом в его понимании и служит изучение детского опыта. В изучении этом важны как самое происхождение, так и способ его накопления.

Как получился опыт ребенка? Откуда появилась у него ориентировка в окружающем, в известной мере достаточная для того, чтобы жить? Почему создалась уже у ребенка, далеко, прежде чем он попал в школу, оценка разнообразных жизненных явлений, во всем их подавляющем количестве?

Ответ может быть только один – это произошло благодаря деятельности ребенка, т.е. тому, что он уже учился, напряженно, плодотворно шел верным путем, даже вопреки многочисленным помехам, стоящим на его дороге. Огромное значение имел материал, над которым ребенку пришлось работать, т.е. те жизненные явления, которые охватывали его со всех сторон.

Первоначально жизнь для ребенка – лес, в котором страшно заблудиться, хаос, который не поддается оценке. Ребенок недоумевает, обращается взором на все яркое, слух его привлекают резкие звуки; он весь направляется в сторону поразившего его органы восприятия явления, у него появляются типические жесты, создающие движения к поразившему факту или от него. Но это уже оценка, это уже работа мысли. Ребенок еще раньше своего приспособления к среде изучает себя, свои движения, ощущает препятствия, наслаждается при их преодолении, чувствует боль, сытость, жажду, тепло, холод. Он упражняется в познании равновесия своего тела и в результате ходит, оценивает пищу, пробует свои силы, словом, вырабатывает свое отношение к тому, что происходит внутри и вне его тела, т.е. размышляет.

Это период настоящего детского учения, единственная, к сожалению, эпоха в жизни ребенка, когда ему самому нужно учиться, когда он чувствует насущную необходимость учения. И такое учение единственно жизненно. Никогда в дальнейшем – в школе, в университете – не применяется с такой силой правильный метод образования. Импульс учиться в силу насущной необходимости, подобный импульсу Ломоносова, погнавшему его из Холмогор в Москву, встречается тем реже, чем старше человек, и тем чаще, чем человек талантливее. Он захватывает только больших людей, крупных исследователей, про которых можно сказать, что они столько же ученые, сколько и художники. Он захватывает истинных художников, которые столько же художники, сколько и проникновенные мудрецы. Они сохранили драгоценные черты детства.

Репозиторий ВГУ

Вообще же взрослые люди являются свидетелями утраченного в гораздо большей степени, чем носителями приобретенного. Они «стертые монеты».

Итак, мы должны опираться на стремление детей учиться. Первым нашим завоеванием в этой работе является богатый запас детского опыта, детского знания, приобретенного детьми в результате их разнообразных деятельностей. Пока мы мало разбираемся в этих вопросах. Наше «умное» воспитание очень похоже на воспитание маленького Обломова: за ним неотступно бегали няньки и мешали ему соприкоснуться с тем богатством жизни, которое ему нужно было. С таким сопоставлением соглашаться очень обидно, а все-таки наша программа и наши методы сводились к надеванию умственных и моральных шор и наглазников на ребенка. Мы недалеко ушли от обломовских нянек.

В результате мы выпускали из наших школ, низших, средних и высших, людей, не знающих, что делать со своими силами.

А ведь надо же не только констатировать жизненные импульсы к разумному учению, а укрепить и продолжить их на всю дальнейшую жизнь. В этом колоссальная задача педагога. Для этого надо внимательно пересмотреть само содержание учения (программу) и его метод; то, что у детей в школе рано пропадает охота, вкус к учению, должно казаться глубоко ненормальным и опасным.

Единственное назначение школы и учителя – организовывать разнообразные деятельности детей, все время их изучая. Программу надо строить не по «предметам», а по деятельностям ребенка.

Шацкий, С.Т. Избранные педагогические сочинения / под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. – М., 1980. – Т. 2. – С. 39–85.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БЛОНСКИЙ

Задачи и методы новой народной школы

1. Современная и новая школа

Великий грешник тот, кто льстит народу и тем убаюкивает его, мы же смело, хотя и со скорбью, скажем, что народ темен, дик и малопроизводителен. Черные тучи нависли над страной, и народное невежество и пассивность народа являются страшной угрозой для счастья и свободы России. Вопрос о просвещении народа и воспитании в нем самодеятельности – вопрос о будущем России.

Это просвещение и это воспитание народ не может получить в семье, ибо старшее поколение еще более темное и пассивное. Главное

Репозиторий ВГУ

место, где воспитывается народ в настоящее время, есть школа. Народная школа, в которой ребенок только учится, совершенно не соответствует своему назначению, и народный учитель не имеет права быть только учителем. Народная школа должна быть местом воспитания народных масс и дать им то, самое необходимое ныне для России, что не может им дать ни семья, ни окружающая среда.

Но если так, тогда школа – организация не только учения, но и всей жизни ребенка. Мы должны самым решительным образом отвергнуть проклятое обособление школы от жизни и вернуться к античному пониманию школы как школы жизни, выработки определенного поведения, определенных привычек. В народной школе ребенок должен, прежде всего, не обучаться теоретическим знаниям, но учиться жить. Учиться же жить возможно, лишь живя определенным образом. Итак, школа должна быть местом жизни ребенка, должна создать рациональную организацию этой жизни...

План новой народной школы определяется, прежде всего, тем, что в современной школе нас не удовлетворяет. Не удовлетворяет же нас в ней следующее:

1. Современная школа стремится внушить своим ученикам определенные догматические истины, но воспитание посредством внушения даже в самом лучшем случае создаст автомата, повторяющего чужую волю и чужую мысль. Новая школа создает творца новой человеческой жизни посредством организации самовоспитания и самообразования его.

2. Современная школьная работа состоит в заучивании изолированных учебных предметов. Работа в новой школе состоит в постепенном овладении ребенком методами познания конкретной жизни и преобразования ее.

3. Современная школа базируется на книге и памяти ребенка; она не идет дальше пассивной наглядности восприятий ребенка. Новая школа дает систему воспитания активной логической мысли ребенка.

4. Современная школа изучает язык оторванным от реального мира. Новая школа изучение языка основывает на изучении той действительности, символом которой является слово.

5. В современной школе грамматика играет большую, но малополезную роль. Новая школа уделяет ей место лишь постольку, поскольку она может действительно служить интересным материалом для развития логической мысли.

6. В современной школе математика изучается как отдельный предмет, что и трудно и не достигает цели. В новой школе математика – метод и язык точного познания окружающей действительности.

7. Современная школа слишком мало говорит человеку о человеке; даже мечты ее не идут дальше природоведения и ручного труда.

Репозиторий ВГУ

Новая школа – школа человечности. Человеческая жизнь и социальный труд – вот предметы, на которых преимущественно упражняется мысль ребенка и его творчество.

8. Современная школа сообщает детям истины, их сознанию недоступные и потому усваиваемые на веру. Новая школа исходит из естественного органического развития истины из примитивного сознания ребенка.

9. Современная школа игнорирует эстетику, и в ней находит мало пищи сердце ребенка. Новая школа дает простор эстетическим переживаниям ребенка.

10. В современной школе царит вопрос-ответная форма обучения; в новой – задача или рассказ

11. В современной школе экзамены – испытание знания учебной книги; в новой – испытание общей умственной и практической одаренности ребенка.

12. В современной школе учитель – отбывающий обязанность человек и культурная одиночка. Новая школа – школа жизни и творчества самого учителя; она ставит вопрос о сотрудничестве с населением.

2. Основной принцип новой школы

…Но сначала установим общий принцип нашей школы как места воспитания детей народа. Воспитывать возможно двояким путем. Первый путь – внушение. Гюйо определяет воспитание как внушение, и старое воспитание было не чем иным, как организованным внушением ребенку известных взглядов и привычек со стороны государства и школы. С этой точки зрения и мы должны были бы поставить вопрос о том, какие воззрения и привычки должна внушить своему восприимчивому воспитаннику русская народная школа. Так этот вопрос часто и ставился. Однако новая философия не позволяет нам признать правомерность такого вопроса. Новая философия признает морально ценной лишь автономную личность: только тогда личность человека может иметь нравственное значение, когда она сама себя определяет к действию по своим собственным внутренним законам; исполнение внушенного чужой волей предписания есть лишь внешний механический процесс, есть лишь подражание чужой жизни, но не своя жизнь. Внушающая сила воспитания может сделать многое, но и в самом лучшем случае ее результат – все тот же загипнотизированный «старшими» автомат. Задача же школы – не заниматься гипнозом, хотя бы и к вящей славе Божией, но создавать морально ценную автономную личность.

Кроме того, личность, следующая исключительно внушениям авторитета, может действовать лишь в той обстановке, которую предуказал ей этот авторитет. Но вечно живая жизнь требует создания новых форм жизни и умения приспособляться к вечно изменяющейся

Репозиторий ВГУ

среде, на что обреченный на застой наш воспитанник, умеющий лишь повторять чужую волю, но не умеющий создавать свою новую жизнь, не способен. Поэтому воспитание посредством внушения не только неправомерно, как отказ от создания автономной личности, но и непрактично, так как делает воспитанника не умеющим ни создавать новые формы жизни, ни приспособляться к ним. Он может быть лишь слепо доверчивым и послушно пассивным «подданным».

Нравственно автономная личность, творец новой, лучшей, чем наша, человеческой жизни – вот кто должен быть создан народной школой. Но творца можно создать лишь посредством упражнения в творчестве. Творчество русского ребенка, развитие в нем инициативы и самодеятельности есть страхование будущих русских поколений от упреков в подражательности, пассивности и инертности. Мы не должны желать заранее определить грядущую жизнь ребенка: это и незаконное желание по отношению к чужой жизни, это и неосуществимо, ибо всякое живое существо развивается по своим внутренним законам из своих зачатков, да, наконец, кто мы сами с нашей уродливой, изломанной жизнью! Мы должны, вместо этого, воспитывать человека, способного создавать свою собственную жизнь, способного к самоопределению. Воспитываться – значит самоопределяться, и воспитание будущего творца новой человеческой жизни есть лишь рациональная организация самовоспитания его. И Фребель, и Монтессори вполне правы, утверждая, что единственная задача воспитателя – найти наиболее благоприятный материал для самовоспитания ребенка. Итак, народная школа – место рациональной организации самовоспитания творца новой русской жизни. Учитель – лишь сотрудник, помощник и руководитель ребенка в собственной работе ребенка. В школе ребенок не учится, но упражняется в самостоятельных занятиях. Школу надо мыслить как самодеятельную трудовую детскую общину, как прообраз грядущего идеального социального строя...

9. Школа социального труда

Задача школы – научить жить. Жить – это значит познавать действительность и преобразовывать ее. Методы познания и труда – основное содержание школьного образования.

О том, что идеальная школа – школа труда, теперь говорят много, но под трудом обыкновенно понимают ручной труд, школу превращают в мастерскую, а ребенка в кандидата в подмастерье. Таким образом, трудовое обучение понимается как обучение ребенка различным ручным работам. Но подобный «мануализм» крайне суживает цель трудовой школы. Человек – существо общественное; деятельность человека – деятельность общественная, и именно к этой деятельности мы должны подготовить ребенка. Следовательно, вместо ручного труда мы вводим более широкое понятие: социальный труд.

Репозиторий ВГУ

Мы, русские, мало подготовлены к социальному труду. История всевозможных общественных начинаний в достаточной мере плачевна. Внешкольная жизнь русского человека дает слишком мало благоприятных для развития способности к социальному труду условий. На долю школы выпадает поэтому особенно интенсивная работа в деле создания хорошего общественного работника. Россия слишком нуждается в таком работнике.

…Уже достаточно общей стала фраза, что мы прекрасно умеем умирать за Россию, но умеем ли мы жить для нее? Мы, может быть, необычайно способны к любви и любим мы сильно и глубоко, но *умеем ли* мы любить, умеем ли *воплощать* порывы нашего сердца и проявлять *активно* нашу любовь так, чтобы она согревала и оживляла тех, кого мы любим? Не есть ли эта наша любовь, которой мы так гордимся, цветок без запаха, мало живая, мало плодотворная любовь? Мне кажется, что да. В этом, быть может, главное препятствие для прогресса в России, и об этом современная школа слишком мало думает: в том, что она не думает о создании умелого общественного работника, ее самый большой грех.

Как же создать умелого общественного работника? Конечно, путь единственный: упражняя ребенка в общественной работе. Общество изучается ребенком, как мы видели, в следующем порядке: школа, семья, улица (квартал) в городе или родная деревня, город или округа, родина. Таким образом, первые упражнения ребенка в общественной работе – упражнения его в школьной работе. В первое время своего пребывания в школе ребенок знакомится со школьной жизнью, но знакомится (мы уже говорили об этом) посредством активного участия в этой жизни.

Ясно, следовательно, что мы примыкаем к тому течению в педагогике, которое настаивает на школьном самоуправлении. Республиканская школа должна воспитывать республиканцев. Учителю пора перестать быть монархом или унтером. Организацию этого школьного самоуправления в небольшом масштабе можно осуществить в виде общества благоустройства класса, по отношению к которому каждый из учеников берет на себя определенную функцию. Особенно поощрял бы я систему поручения какой-нибудь обязанности нескольким ученикам совместно: это учило бы их работать вместе под коллективной ответственностью. Вообще, заметим раз и навсегда, надо всеми силами стараться воспитать в детях именно сознание коллективной ответственности вместо господствующих в современной школе индивидуализма, недоброжелательства и жажды выделиться. При этом сами дети, под председательством учителя, решают вопрос, как благоустроить класс и кому что поручить.

Постепенно проблема благоустройства расширяется: не только

Репозиторий ВГУ

класс, но вся школа, и не только внутреннее помещение школы, но и школьный двор. Функции ученика все более и более усложняются, и ребенок втягивается в общую работу всей школы. Он приучается жить в чем-то более широком, нежели его тесная ячейка – собственный класс. Таким образом, класс и до известной степени вся школа – дело рук самих учеников. Постепенно внимание учеников обращается на более утонченные вопросы: организация школьной кассы, сбережения которой шли бы куда-нибудь по решению учеников, одобренному учителем; организация помощи слабым в самых различных отношениях товарищам, причем под помощью мы понимаем не только подачу необходимого, но вообще всего, что может создать товарищу светлую минуту жизни, и т.п. Автор этой статьи, являясь убежденным приверженцем заповеди: «Не судите, да не судимы будете», – конечно, резко высказался бы против организации товарищеского суда в силу чисто принципиальных соображений; он предложил бы суд детей заменить общим собранием детей, которое, не затрагивая совершенно личностей, решало бы в общей форме вопрос: «Произошло то-то. Как сделать, чтобы этого больше не было?» (например, как сделать так, чтобы ученики не дрались, не ссорились и т.п.). Но, в общем, было бы лучше по возможности избегать волновать детей отрицательными событиями из их жизни. Напомним, между прочим, старый совет: верное средство унять драчуна – поручить ему надзор за драками в классе. В этом смысле и могут быть выносимы решения собрания детей – этого класса практической морали.

Второе, на что обращается внимание ученика, – семья. Поэтому второй цикл упражнений ребенка в общественной работе – работа в семье. Конечно, это не значит, что ребенок прекращает совершенно упражнения первого цикла: нет, он, продолжая их, начинает и новые упражнения, именно в семейной работе. Фребель в свое время считал крайне педагогичным участие детей в домашней работе взрослых, и нечего говорить о том, как изменится взгляд семьи на значение школы, если школа будет ставить одной из своих непосредственных задач помощь семье. Великий грех современной школы, что она отнимает ребенка от семьи и внушает ему высокомерный взгляд на семью. Школа по-прежнему продолжает смотреть на учеников как на свою безотчетную собственность и создавать из них отщепенцев от семьи в настоящем и безбрачных существ в будущем. Подавляющее большинство питомцев школы впоследствии будут строить семейную жизнь, но об этом подготавливающая их к жизни «монашеская» школа им ничего не говорит.

Мы ставим перед детьми ряд вопросов: «Что и как я делаю дома?», «Чем я могу помочь моей матери?», «Какую пользу я могу принести моему отцу?», «Как обходиться с маленьким в семье?», «Как

Репозиторий ВГУ

помочь больной бабушке?», «Как ухаживать за домашними животными?» и т.д. Первый вопрос разрастается в курс домоводства, второй – в курс практических работ общего характера, например агрономии, третий – педагогика, четвертый – медицина, пятый – прикладная зоология и т.п. Только коснитесь этих вопросов, и тем, крайне важных для ребенка, будет бесчисленное множество. Но не надо гнаться за количеством и систематичностью: наш критерий – посильность темы в смысле возможно лучшего выполнения ее ребенком и настоятельный интерес к ней со стороны класса. Схема разбора темы такова: классное обсуждение – практическая подготовка в классе (если возможно и нужно) – приложение в семье – классный отчет. Чем естественней все это, тем лучше. Приложение в семье отнюдь не означает навязывания семье рецептов учителя, но, скорее, помощь в том, в чем семья испытывает затруднение: это не исполнение заданного урока, но воспитание умелой предупредительности к домашним. Это – служение школы деревенской и рабочей семье.

Кроме вышеозначенных, из многих возможных других вопросов мы выделим серию – «Как поступать во время какого-нибудь несчастья, например пожара, и т.п.?». Автор статьи с большим сочувствием относится к той части воспитания «разведчиков» (бойскаутов), о которых прежде много говорили, где речь идет о развитии в ребенке зоркости к опасности и чужой беде, ловкости и находчивости в трудных обстоятельствах. Точно так же следует заимствовать из их программы золотое правило: «Ни один день без доброго дела» – и ряд воспитывающих зоркость и находчивость (но не более!) игр.

Итак, первое время ребенок упражняется в труде, поскольку последний применяется в семье и школе. Словом, участие в семейной и школьной жизни и изучение их – вот предмет, на котором сосредоточил свое внимание ребенок с первых дней учения.

Далее круг деятельности ребенка расширяется: он – участник культурно-трудовой деревенской или городской жизни. Программа занятий крайне разнообразится, сообразно окружающей ребенка обстановке, и здесь я привожу пример лишь в виде иллюстрации. Начнем с деревенского ребенка. Он познакомился с жизнью своей семьи и уже умелый помощник ей. Мы, да и сама жизнь вместе с нами, останавливаем внимание ребенка на работе отца в различные времена года: весенние работы крестьянина в поле, огороде и саду; летние работы в саду и огороде, сенокос, жатва; работы отца осенью, поездки на базар; зима (труд и развлечения); в лесу и на реке. Помимо обсуждения, практической подготовки и участия ребенка в работе отца, эта работа воспроизводится в школе трояким способом: работа на опытной грядке и классном поле с записью наблюдений; ручной труд в семье (главным образом, обработка сырых материалов); воспроизведе-

Репозиторий ВГУ

ние жизни крестьянина посредством рисования, лепки и драматических игр. Очень много пользы принесла бы и издаваемая учениками «Газета деревенского труженика». Словом, ребенок воспитывается как культурный трудовой крестьянин.

Переходим к городскому ребенку. Исходный пункт – все та же работа отца, т.е. в итоге – работа нашего квартала. Занятия ручным трудом (слойдом) в школьной мастерской; школьный кооператив; воспроизведение жизни городского работника посредством лепки, подражательных драматических игр – вот наши темы. Самое главное здесь – практическое и, насколько возможно, теоретическое знакомство с различными отраслями обрабатывающей промышленности. Методика ручного труда требует, конечно, самостоятельной разработки, и я хотел бы указать лишь на два пункта по отношению к ней: во-первых, я очень приветствую мысль Монтессори о том, чтобы детский возраст вкратце повторил главные работы первобытного человека: гончарное искусство и лепка кирпичиков – первые занятия ребенка; во-вторых, я настаивал бы на том, чтобы конечной, никогда при построении курса незабываемой целью было элементарное машиноведение...

В издании газеты городскими детьми, пожалуй, нет такой необходимости, как в деревне, но учитель всегда, идя на урок, должен отметить в своей газете, что можно и нужно прочитать из нее детям.

Конечно, и в городе, и в деревне трудовому воспитанию детей принесут огромную пользу экскурсии и коллекционирование, причем надо приучать самих детей уметь организовывать экскурсии и собирать коллекции, а также создавать таблицы, например, по обрабатывающей промышленности.

Итак, сперва наш ребенок – организатор, под руководством учителя, школьной жизни и помощник в семье; затем он маленький крестьянин или рабочий, остается еще последний круг – маленький русский. Этот цикл совпадает с изучением родиноведения.

Курс родиноведения я бы связал с курсом гражданского воспитания. При этом встает трудный вопрос: как избежать политических внушений со стороны государства и учителя? Мне кажется, удобнее всего курс гражданского воспитания разбить на две части. Первая часть – объективное описание органов государства и общества: парламент, министерство, суд, земское собрание или городская дума, фабрика, банк, торговая контора, полк, рабочий союз и т.п. Метод изучения – драматизация, инсценировка данного учреждения. Вторая часть – социальная мораль, которая, подобно международному праву, может быть достаточно нейтральной и которая у нас, мне кажется, стоит гораздо ниже, чем личная. Темы ее: связь личной жизни с общественной и необходимость солидарности; взаимопомощь; идея спра-

Репозиторий ВГУ

ведливости; уважение к человеческой личности; братство людей; самопожертвование; благо государства как высшее благо; участие в общественной деятельности как нравственная обязанность. Темы трактуются по возможности в связи с вопросом о конкретных формах воплощения их; метод – от близких ребенку форм воплощения к отдаленным от него организациям. Школьная жизнь дает много случаев применить указанное: класс и отдельный ученик; товарищество и организация общества взаимопомощи; уважение к маленьким; класс как семья; героизм в школе; благо школы; участие в организации школы...

11. Воспитание сердца в школе

Наш ученик умеет логически мыслить и точно формулировать свои выводы; истина органически развилась из его наивного сознания; глаза его раскрыты для восприятия человеческой жизни; он способен к общественному труду. Мы развили в нем мысль и речь, трудовые привычки и активную любовь к людям. Все ли это? Нет, мы не видим еще в нашей школе ни поэзии, ни красоты.

Что современная школа – слишком прозаическая вещь, доказательства не требует. Но также не требует доказательства и то, что поэзия, как солнце, нужна человеку. Современная школа, с загаженным полом и унылыми партами, со скучными таблицами на стенах и учителем – нечеловеком, делает все для того, чтобы нагнать на ребенка тоску. Та форма преподавания, которая практикуется ныне, как бы нарочито придумана для того, чтобы вспугнуть у ребенка настроение и не дать ему цельного впечатления.

...Разве есть один, а не тысячи способов хорошо дать урок на данную тему? И разве урок не должен вырасти из конкретной жизни ученика, а также и учителя?

Нет, не надо больше «растерзаний поэтов», по выражению Эллен Кей. Дорожите цельным впечатлением ребенка, его думою и настроением. Урок – или логическая задача, которую дети сами решают, или рассказ, сердечный и простой, учителя. Рассказ учителя должен быть восстановлен в своих правах. Как сильно может всколыхнуть детские души рассказ учителя о своей работе, своем детстве, своих путешествиях, своих любимых писателях и своих любимых героях? Почему учитель, как живая личность, отсутствует в классе и держит свою душу на замке от детей? Почему перед детьми так часто скучающий профессионал? Лишь живая душа оживит души. Говори же, говори, учитель; может быть, час твоего увлечения – самый поучительный час для детей. Всколыхни их сердца, дай им глубокое впечатление.

В нашей идеальной школе дети часто будут слышать рассказы учителя о его любимых героях, он часто будет читать им свои любимые стихи, петь с ними свои любимые песни, показывать им свои любимые картины. Конечно, не все, что любит учитель, доступно детям,

Репозиторий ВГУ

но все, что дает он им, должно быть им любимым. В школе должно быть побольше ярких красочных часов. И для того, чтобы увлечь ребенка рассказом (а дети очень любят рассказ), нужно не так много: нужно быть простым и сердечным, самому чувствовать и избегать пышных фраз.

Овейте душу ребенка героизмом и поэзией: этим вы воспитаете в нем самоотверженное нежное сердце. Побольше рассказов о героях-людях и героях-народах, побольше поэзии и музыки. У учителя есть балалайка, гитара или скрипка – полчаса игры учителя разве не будут очень, очень полезны для детей? А фантазия учителя – сказки, легенды, воображаемые путешествия? А что может быть лучше фантазирования вместе с детьми, когда они подсказывают запнувшемуся учителю? Ведь это лучшее средство для развития поэтического творчества ребенка. Разве не урок это, если у нас состоится импровизированный концерт или если мы мысленно будем плыть в лунную ночь в низовьях Волги? Два порока имеет детская фантазия: детский вымысел скучен, и ребенок некритически относится к нему; ребенок – раб своей бедной фантазии. Для устранения первого порока и необходим толчок со стороны учителя, его работа вместе с учеником, совместное фантазирование. А для того, чтобы ребенок не потерял чувства реальности, для этого не развитие его воображения сдерживайте, но развивайте в нем параллельно критическую научную мысль, что мы и делали. Фантазия и действительность не враги; плохо – фантазия и плохое знание действительности.

Но если есть в ребенке уже потребность, дайте волю и его самостоятельному поэтическому творчеству. Путей для проявления этого творчества много, и мы назовем самый главный – свободные сочинения. Лишь в них может найти удовлетворение личность ребенка и проявиться с полной энергией индивидуальное творчество его. Эти сочинения сперва устные, а потом письменные. В последнем случае школьный, лучше, классный журнал – наиболее подходящий возбудитель творчества ребенка, кстати, это самое действенное средство воспитать в ребенке орфографический навык. Итак, дайте простор, чтобы и ребенок говорил в школе, а не только «отвечал учителю», как это делается теперь. Пусть и ребенок сочиняет, рисует, на все лады воплощает свою фантазию...

Эстетическая оценка слишком трудна для детей. Поэтому необходимы особые упражнения детей в нахождении красот в произведении искусства. Доступнее всего наслаждение поэзией, если предварительной беседой создано уже настроение, стихотворение действует само по себе и, что в нем наиболее ярко, детьми запоминается без напряжения. Сложнее подготовка к эстетическому восприятию картины или музыки. Подготовка к музыке может вестись так: читается текст,

Репозиторий ВГУ

затем вопросы о том, где петь хором, где – одному, где надо замедлить темп и, наоборот, где петь тихо, какие аккорды более выразительные; когда класс отчасти наметил мелодию, учитель играет и дети уже поймут музыку. Шаблон подготовки к картине таков: рассказывается содержание картины; затем вопросы в связи с пробным рисованием, как разместить и в каком виде нарисовать предметы, как лучше выразить настроение рисунком, какие и где подобрать цвета; наконец, показывается самая картина.

В современной школе слишком много шуму: либо учитель, либо дети все время говорят. Учитель, как несчастья, боится молчания в классе. А между тем в молчании зреет мысль и особенно чувство. Древние пифагорейцы прославляли тихое созерцание. Дадим же место ему и в нашей школе. Пусть дети будут иметь возможность сосредоточиться, пережить в себе полученное впечатление. Подобные паузы для созерцания, раздумья или переживания чувства необходимы. Перестанем беспрестанно тормошить наших учеников.

В нашей школе будет жить и чувство благоговения. Надо воспитать в ребенке благоговейное отношение к труду, истине и людям. Наша школа – школа серьезности, и мы категорически против учения-забавы. Жизнь – не игра, не забава, но серьезное дело, требующее священного отношения. Поэтому и учитель жизни не забавник. Конечно, и в нашей школе будут детские улыбки, детский смех и добродушный юмор учителя, но все это не самоцель; все это лишь привходящие моменты, лишь внешние проявления бодрости духа. Но в глубине души ребенок должен всегда с чувством благоговения подходить к своей работе и серьезно относиться к ней...

Последнее замечание. Мои указания, что нужно ребенку почаще говорить о героях и героизме, что нужно знакомить его с искусством и развивать в нем умение украшать себя и свое жилище, рискуют показаться односторонними. Я хочу ими подчеркнуть лишь то, что надо воспитать в ребенке стремление к высшему, сверхчеловеческому в лучшем смысле этого слова и жажду преобразования будничной серой жизни. Но желать преобразовывать жизнь не значит отвращаться от нее.

Нет, мы будем развивать в ребенке умение находить красоту в той жизни, которая повседневно окружает его, и умение создавать красоту из самого заурядного. Не аристократов, но демократов духа готовим мы. Что красивого сегодня увидал ты по дороге в школу? Что красивого у тебя дома? Неужели ничего нет? Присмотрись: есть много, очень много незаметной, тихой красоты! И например, для городского ребенка красота засияет и в огоньках трамвая, и в извозчичьей кляче, плетущейся по мокрому снегу, и дырявых обоях сырого подвала. Мы будем искателями красивого повсюду, в самых мелочах. И там

Репозиторий ВГУ

же будем мы искать и героизм. Нет ли героев вблизи нас? Не героиня ли твоя мать, голодная и больная, последний кусок отдающая детям и работающая, пока не свалится с ног? Не герой ли отец с его работой в типографии, многими часами дышащий свинцовою пылью? Ребенок замечает незаметный героизм и сам становится понемногу таким, может быть, самым сильным героем, героем в мелочах. А украшения? Их можно много наделать из самого заурядного, даже из того, что сбрасывается в сорный ящик. Ребенок упражняется в работах над бросовым материалом.

12. Учитель, стань человеком!

Наша школа, школа мысли, человечности, социального труда и поэтического чувства, уже очерчена. Ее основа – деятельность самого ребенка, постепенное саморазвитие его при помощи дающего материал для этого саморазвития учителя. Но встает вопрос: не утопия ли подобная школа? Не слишком ли далеко до нее от действительности? Не слишком ли мало из этих идей мы можем понести завтра в наш класс? Да, наша школа – идеал, но такой идеал, который все больше и больше подчиняет себе действительность, и осуществление этого идеала в большой мере зависит от самого народного учителя. В выборе метода преподавания (а ведь на этом главным образом и основана наша реформа народной школы) он свободен. Развивать мысль и точность речи, знакомить с человеческой жизнью и человеческим трудом, будить чувство красоты – все это, до известной степени, возможно и в условиях современной школы. Смотри же, не являешься ли часто именно ты сам главным препятствием для обновления школы!

Наша школа – школа жизни, но в этой школе жизни будет ли место для тебя, живой ли ты человек? Не отбывает ли учитель в классе зачастую опостылевшую ему повинность за гроши ежемесячного жалованья и не проходит ли его личная жизнь где-то в стороне, то в томлении и тоске «культурной одиночки», то в моральном падении и опустошении души? И неудивительно, если душа живого человека не переносит неодухотворенной, неосмысленной работы: неудовлетворенность – все же желание лучшего. И с этой точки зрения несравненно вреднее для ребенка я считаю тех «отдавшихся своему делу» учителей и учительниц, которые часто и по внешнему виду сохранили в себе мало от нормального человека. Беззаветно уверовав в пользу современной школы, в ее уроки, методы и учебники, они деспотически захватили в свои цепкие руки опытных ремесленников учительского цеха живые детские души; добавочными занятиями, частыми нотациями они скоро сумеют создать хороших школьных автоматов.

Пусть это звучит как парадокс, но беззаветно преданных современной несовершенной школе педагогов я считаю одними из самых вредных для детей. Как насилуют эти полулюди маленьких людей!

Репозиторий ВГУ

Любите не школу, а детей, приходящих в школу; любите не книги о действительности, а самую действительность; не жизнь суживайте до учения, но учение расширяйте до жизни! А самое главное: любите жизнь и как можно больше живите живою жизнью. В нашей идеальной школе учитель не будет скучать и томиться, ибо в ней он будет сам жить. Вместе с детьми он будет сам учиться, всматриваться в жизнь и разбираться в ней, и если он мало знает жизнь, тем интереснее ему будет узнавать ее. Вместе с детьми он будет путешествовать в новых для него странах; вместе с ними он втянется в новое общее дело. А нет у него настроения ни думать, ни мастерить вместе с детьми, он будет отдыхать за музыкой, книгой поэта, легендой или мечтой. В его учительской службе будет мало повторений, ибо творчеству учителя в новой школе, школе жизни, будет много места.

Да, мы много говорим о жизни и творчестве детей, но пора заговорить уже и о жизни и творчестве учителя. Школа должна дать место жизни учителя, иначе она не будет иметь учителей – живых людей. Школа должна дать возможность учителю стать человеком для детей и жить в классе интенсивной человеческой жизнью. В школе должно быть возможно больше простора для личного творчества учителя: точно регламентированная программа, учебник и вопросо-ответная форма обучения обезличивают учителя. Превратим же уроки в совместную жизнь учителя с детьми, пусть урок будет или совместной работой над новой задачей, или задушевной общей беседой, пусть учитель не скрывает от детей своего сердца, в котором дети увидят не только учительскую раздражительность и сухость, пусть наша новая школа мысли, человечности и поэзии для ребенка будет школой, полной человеческой жизни и живого культурного творчества и для учителя.

Блонский, П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. / под ред. А.В. Петровского. – М., 1979. – Т. 1. – С. 39–85.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ СОРОКА-РОСИНСКИЙ

Детский дом

...Детский дом рассматривается нами, сторонниками социально-трудового воспитания, как детская трудовая коммуна, где дети и воспитательский персонал составляют тесную группу содружественного творчества.

Конечно, наш детский дом в том виде, как он существует сейчас, нас далеко не удовлетворяет. И сейчас в нем еще много пережитков старого. На детском доме более, чем на всяком другом учебно-воспитательном учреждении, чувствуется, что это создание переходного времени. Многое, очень многое нужно в детском доме изменить

Репозиторий ВГУ

для того, чтобы он мог с полным правом носить название учреждения социально-трудового.

Сейчас его казарменного типа дортуары, где в одной комнате спят порой 20–30 детей, в лучшем случае 10–15 человек, отсутствие достаточного количества комнат для свободного творчества отдельных детей, конечно, налагают определенный отпечаток на детскую психику и на детское развитие. Общение всей детской массы, хотя и разбитой на группы в 25–30 человек, в течение всего дня и всего вечера, невозможность уединиться, труд и отдых в беспрерывном сообществе других детей – всё это, безусловно, утомляет и принижает творческую способность каждого отдельного ребенка...

Как же мы себе мыслим будущий детский дом?.. Что для нас совершенно бесспорно – это первое: будущий детский дом не будет иметь спален-казарм, и второе: будущий детский дом будет представлять помимо общих зал и помещений отдельные уголки и уголочки, где каждый ребенок согласно своим вкусам и наклонностям создаст себе уголочек творчества и отдохновения...

...Для полного слияния работ школы и детского дома и единого педагогического воздействия необходимо установить тесную организационную связь детского дома и школы. При установлении распорядка дня в детских домах план этот должен обсуждаться на совместном заседании педагогического совета детского дома и школы.

В педагогических советах школы должны принимать активное участие воспитатели детских домов; также необходимо вхождение в педагогический совет детского дома представителя от педагогического совета школы.

Совместная работа педагогического совета школы и детского дома не только желательна, но и необходима. Иначе работа детского дома не может правильно идти... Так как школа должна быть открыта на весь день и заполнить весь день ребенка, удовлетворяя полностью все его потребности, то детский дом является домом, куда ребенок приходит отдохнуть от шумной жизни, которую он проводит в школе. Здесь он может сосредоточиться, продумать весь свой день. Таким образом, детский дом или детское общежитие для старшего возраста является местом отдыха и ночлега. Вопросы питания в будущем также всецело будут принадлежать школе...

...11 января с. г. на экстренном заседании коллегии сектора социального воспитания с участием специалистов был подвергнут обсуждению вопрос об изъятии трудновоспитуемых детей из детских домов и школ нормального типа и о создании в губернском масштабе сети специальных учреждений для таких детей...

Это дети, которые по особенностям своего душевного склада не могут ужиться спокойно в рамках школы обычного типа. Переживаемое нами бурное время отпечаталось на их психике, сделав ее повы-

Репозиторий ВГУ

шенно-возбудимой и увеличив ее активность до степени, совершенно иногда неприемлемой при тех условиях, в которых ныне приходится вести преподавание и воспитание в большинстве из школ.

Такие дети, будучи часто очень талантливыми и способными импонировать своим товарищам, могут сорвать занятия с целым классом, – буйные, невыдержанные, иногда страшно запущенные в педагогическом отношении, нервные и очень легко заражающие своими настроениями товарищей, они легко превращаются в вожаков, ведут за собой класс и создают в нем такое стадное настроение, при котором не может быть и речи о сколько-нибудь планомерном обучении и воспитании. Таких детей – бунтарей по натуре, буянов и истериков, – старая школа просто выбрасывала за борт, не заботясь об их дальнейшей участи и совершенно не смущаясь тем обстоятельством, что из этих-то отброшенных детей и выходили впоследствии очень талантливые люди и вырабатывались яркие индивидуальности.

Но в нашей новой школе эти дети должны стать предметом особенно тщательного попечения, ведь, может быть, это именно дети того будущего, к которому мы стремимся, которое мы лишь неясно чувствуем; ведь, может быть, тот самый факт, что эти дети никак не могут уместиться в рамках нашей школы, говорит лишь о том, что они это будущее отражают уже на своей психике, чуют его своими нервами, уже воспринимают его гораздо лучше нас своей тонкой детской интуицией – ведь нередко устами младенцев гласит сама истина.

Для таких детей нужна особая школа, нужны особые методы воспитания, способные дать надлежащий выход той буйной беспокойной энергии, которой полны эти дети.

Подобные школы индивидуально-социального воспитания для трудновоспитуемых детей должны быть созданы в каждом районе Петербурга, и ныне организация таких школ поручается секции индивидуально-социального воспитания при Петербургском отделе народного образования.

Для разработки вопросов о типе таких школ, о постановке в них воспитания и обучения, об управлении ими и об отношении их к школам обычного типа, а также к школам для дефективных детей создается особая комиссия, в состав которой войдут специалисты по детской психологии и по воспитанию морально дефективных и педагогически запущенных детей, а также представители Петербургского отнаробраза и педагоги школ обычного типа.

В настоящее время Петербург располагает лишь двумя учреждениями индивидуально-социального воспитания – институтом индивидуально-социального воспитания и недавно открытой школой имени Достоевского. Кроме того, уже готовы к открытию еще три детских дома-школы для трудновоспитуемых.

Репозиторий ВГУ

От принудительности к добровольчеству

I

Принудительность и добровольчество в процессе воспитания могут рассматриваться трояким образом: либо как два противоположных и взаимоисключающих принципа, либо как начальная и конечная стадии одного и того же педагогического процесса, либо, наконец, как гармоническое сочетание обоих этих начал во всей длительности процесса воспитания...

...В старорежимной, и в либеральной педагогике добровольчество и принудительность рассматриваются как два противоположных и взаимоисключающих принципа. Но принудительность и добровольчество могут рассматриваться и иначе, а именно как начальная и конечная стадии одного и того же педагогического процесса, в котором на первых порах дело ставится по принципу обязательности и вытекающего отсюда принуждения, но затем мало-помалу переходят к добровольчеству, все большая и большая часть работы предоставляется свободному выбору воспитанников, прежде обязательные для них виды деятельности начинают выполняться уже добровольно, и, наконец, свободная инициатива, самодеятельность и добровольная работа становятся основой всей жизни школьного коллектива.

Возможно еще иное понимание взаимоотношения этих двух принципов – и тот и другой считаются одинаково необходимыми в деле воспитания, но не всегда сводимыми один к другому; при таком понимании сферы приложения и начала принудительности и начала добровольчества разграничиваются; одна часть школьной жизни протекает в порядке обязательности, другая – в порядке добровольчества, причем эти два течения дополняют друг друга, но отнюдь не смешиваются. Так, например, можно мыслить взаимоотношение классных занятий, обязательных для каждого из учащихся, и клубных занятий, всецело предоставляемых свободному выбору детей...

В учебном заведении, о коем в данном случае будет идти речь.., добровольчество рассматривалось лишь как один из необходимых элементов школьной жизни и как один из методов воспитания инициативы учащихся и проведения в жизнь школы начала сознательной и строгой самодисциплины, индивидуальной и коллективной. При этом развитие добровольческих навыков ставилось в связь и в зависимость от развития других общественных и этических навыков, которые и логически, и хронологически должны были в своем развитии предшествовать развитию добровольчества.

Но на практике обнаружилось интересное явление – воспитание добровольчества пошло гораздо успешнее, чем воспитание других навыков; оно, не будучи... главной целью, обогнало в своем развитии воспитание таких, например, навыков, как умение организованно вес-

Репозиторий ВГУ

ти коллективную работу, как способность к волевой задержке, как более сложные формы самоуправления.

Тем интереснее выяснить, почему даже при таких скромных и суженных заданиях получилось такое сравнительно форсированное развитие добровольческих навыков и какими причинами оно было обусловлено...

По месту своего воспитания и рождения большинство воспитанников – горожане, дети рабочих – 50% и советских служащих – 35%; многие из них, можно сказать, насквозь пропитаны вредными испарениями большого города, пережившего и революцию, и голод, и разруху; имеются мальчики, представляющие собою классическую картину нравственного одичания, обусловленного отравлением с детских лет всей психики ядовитой атмосферой большого города.

Наиболее характерной особенностью воспитанников, преимущественно воспитанников первого приема, является особый вид озорства, развившийся на почве общей нравственной распущенности и сознания своей безнаказанности и выражающийся в предумышленной грубости, в стремлении проявить свою волю путем нанесения кому-нибудь оскорбления и обиды или причинения боли. Эта грубость – соединение грубости прирожденной и приобретенной, причем сюда присоединяется еще элемент бравады – грубость принимается за молодечество, и мальчик кичится ею перед товарищами.

Постоянная нецензурная грубость как украшение речи, систематическое непослушание и, больше того, стремление действовать вопреки правилам общежития, вспыльчивость, доходящая до исступления, постоянно повышенная нервность, «буза», т.е. преднамеренное и ничем не мотивированное нарушение дисциплины, и травля воспитателей – таковы были типичные проявления душевной жизни наших питомцев.

В интернатах нормального типа такие воспитанники были совершенно нетерпимы – они срывали всю жизнь и являлись постоянным источником всякого рода безобразий, они заражали своим примером всех товарищей и бывали иной раз такими властными и авторитетными в глазах своих сотоварищей коноводами, что, повидимому, в некоторых случаях вся жизнь детских домов руководилась не столько педагогическим их персоналом, сколько этими коноводами, – нередко характеристики присылаемых воспитанников сопровождаются следующей и выразительной припиской: «Педагогический совет в случае дальнейшего пребывания данного мальчика в детском доме слагает с себя всякую ответственность за ход учебно-воспитательного дела».

Второй характерной чертой поступающих в наше учреждение мальчиков является какая-то особенная страсть к разрушению, к пор-

Репозиторий ВГУ

че всего, что ни попадется под руку, к разрушению бессмысленному, бесцельному – продырявливается картина, висящая на стене, вышибаются оконные стекла, вывинчиваются ручки у дверей, разбиваются электрические лампочки, портятся и разламываются парты, столы и стулья, рвутся и жгутся книги и т.д. И все это делается без всякой надобности, без всякой пользы для себя, просто из-за особой страсти к разрушению, которая в свое время заставляла вандалов истреблять все вещественные проявления высшей, но чуждой для них культуры. К такому разрушению ради разрушения присоединяется еще разрушение из-за небрежности или для каких-нибудь своих надобностей – разламывается парта из-за двух-трех понадобившихся винтиков, вырывается страница из книги, чтобы свернуть папироску, выламывается доска из шкафа, чтобы помешать ею в печке, и т.д. Сюда добавляется еще какое-то особое умение загадить, замусорить, попортить все, с чем только ни приходится соприкасаться, – на что, кажется, солидна изразцовая голландская печь, но даже для нее пришлось установить чуть ли не специальное дежурство, чтобы прекратить выламывание целых кирпичин. А уж что касается склонности превращать в уборные спальни, коридоры и залы, то на этом фронте пришлось вести долгую и упорную борьбу.

Таковы были воспитанники, пришедшие в нашу школу. Было бы очень трудно дать короткую, но хоть сколько-нибудь выразительную характеристику этих воспитанников, так как здесь действительно всяк молодец на свой образец. Лишь в проявлениях их коллективной жизни можно наметить некоторые постоянные черты – очень повышенную нервность и эмоциональную возбудимость, весьма пониженную способность к волевой задержке, склонность к внушению, к самовнушению и к взаимозаражению. Коллективная жизнь воспитанников школы протекает обычно по типу общего увлечения каким-нибудь делом, которое постепенно растет, развивается, достигает размеров какой-то массовой мании, а затем постепенно стихает и в случае удачной обработки со стороны педагогического состава школы укладывается в определенные рамки, в которых оно затем и продолжает существовать как одна из сторон общешкольной жизни.

II

При таком составе воспитанников дело воспитания представляло чрезвычайные трудности. Надо было твердо определить стиль воспитания, надо было ясно представить себе методы, посредством которых можно было бы осуществить положенные в основу его принципы и, наконец, что всего труднее, внимательно изучать приемы воспитания, изучать в процессе практической работы, часто делая ошибки и на ошибках учась, как не надо было поступать, наблюдая, что удалось и что не удалось, почему был успех и почему вышла неудача. Разу-

Репозиторий ВГУ

меется, с самого начала было ясно, что в нашей школе не может быть места свободному воспитанию. Но точно так же было очевидно, что построить все дело лишь на одном принудительном начале еще менее возможно, чем в школах нормального типа, с уравновешенными и покорными воспитанниками, – с нашими «бузовиками» надо действовать иначе.

Одним из основных методов нашей школы является следующее: постоянный надзор, педагогическое использование всех душевных особенностей воспитанников и надлежащее направление и культура их душевной энергии, так как во многих случаях потому-то они и стали трудновоспитуемыми, что их душевная энергия не находила целесообразного выхода и расходовалась либо зря, либо в уродливых формах.

Первое, с чего начала школа, были хозяйственные трудовые процессы, так как коллективный, общественный и правильно организованный труд уже сам по себе является одним из могучих орудий нравственного и общественного воспитания.

Итак, организованное участие воспитанников во всех отраслях школьного хозяйства – таков наш исходный пункт.

В начале этого пути мною была сделана одна поучительная ошибка, обнаружение которой и способствовало нахождению верного направления: как-то раз я сгоряча назначил за какой-то проступок одного мальчика на сверхурочную работу – велел ему вымыть лестницу – самое обычное дело, которое он всегда проделывал довольно охотно. Но на этот раз мальчика было не узнать – он плакал, упрямился, ворчал, долго возился с лестницей и прескверно ее вымыл.

Вывод отсюда был вполне очевиден: труд никогда не должен трактоваться в школе как наказание.

И еще один вывод как предположение: нельзя ли поставить труд как некоторое преимущественное право?

Весь путь приучения наших воспитанников к организованному общественному труду можно разделить на три стадии. На первых порах дело шло очень туго: мальчики не только ленились, но и проявляли особого рода «аристократизм» – «не желаем работать, мы не лошади, на то есть прислуга».

И действительно, «аристократы» работали на первых порах так, как будто бы и в самом деле были прирожденными белоручками, – вяло и неохотно, все время ворча и всячески отлынивая от дела. Сперва не сразу даже удавалось заставить их приняться за дело – стоят кучей и на все уговоры ни с места; всякий отнекивается, ссылаясь на товарищей: «Я один работать не буду – пускай все работают». Только когда мы стали каждому назначать определенный урок, тогда только начиналась работа, да и то при условии постоянного надзора и понукания со стороны воспитателей.

Репозиторий ВГУ

Уборщицы прямо отказывались от сотрудничества с мальчиками, говоря, что от них нет никакой помощи, а только одна помеха. Немного помогали и педагогические воздействия по типу естественных последствий – ведь нельзя же было доводить дело до того, что в школе грязь станет давать свои естественные последствия в виде болезней, или прекратить топку печей из-за незаготовки дров. Приходилось прибегать и к наказаниям, но и здесь арсенал средств быстро исчерпывался.

Неумение воспитанников жить и работать коллективно выражалось также и в том, что на первых порах все попытки организовать какое-либо самоуправление неизбежно терпели полный крах – на школьных собраниях либо безмолвствовали, либо шумно, всей оравой витийствовали о чем угодно, но дальше дело все-таки не шло. Выборных старост никто не слушал, да и в старосты никто не шел, так что приходилось их назначать, равно как и дежурных, причем общественная роль и тех и других частенько сводилась к тому, что они становились козлами отпущения во время массовых бесчинств.

Трудное было время. Тем не менее, педагогический персонал, равно как и технические служащие, не сдавался; те из них, кто не сбежал из школы, не вынеся ее каторжной работы, упорно вели свою линию, неуклонно требовали выполнения заданий и, когда это было необходимо, личным примером заставляли работать ленивых. Кстати сказать, на первых порах этот личный пример был принят довольно-таки юмористически: «Работайте, пожалуйста, а мы не такие дураки, чтобы работать за спасибо».

III

Второй период наступил тогда, когда воспитанники постепенно пришли к убеждению, что от постоянного регулярного труда им не отвертеться, что школа сумеет добиться от них требуемой работы. С другой стороны, к этому же времени создалась уже привычка к регулярному труду, а вместе с тем стала сказываться разница между прилежными и лодырями: раз все равно приходится работать сообща, то уже не безразлично, какой тебе попадется товарищ по работе – с одним скорее кончишь, а с другим чуть ли не двойную работу придется нести.

Это обстоятельство было учтено; воспитатели стали вести широкую пропаганду трудового принципа, хвалили и поощряли усердных и ловких работников, относительно лодырей указывали, какой вред наносится обществу тунеядцами и неисправными людьми, а кроме того, всячески старались затронуть чувство соревнования, спортивную жилку, бьющуюся в каждом мальчике.

И теперь эти слова стали встречать совсем иной отклик, чем прежде, когда они выслушивались как скучная и нудная мораль. Теперь в

Репозиторий ВГУ

общественном мнении воспитанников произошел перелом; если раньше молодечеством считалось умение отвертеться от работы либо не выполнить ее, несмотря на прямое распоряжение воспитателя, то теперь молодечеством начинает мало-помалу считаться иное – ловкость в деле, трудоспособность, умение быстро и хорошо выполнить порученное дело. Над лодырями начинают подтрунивать, а тружеников уважать.

Когда, таким образом, из общей массы воспитанников выделилось ядро трудовиков, и общественное мнение школьников радикально изменилось в их пользу, должность старосты становится мало-помалу почетной; ребята знают теперь, кого надо выбирать и в старосты теперь идут охотно, с чувством гордости за полученное от товарищей одобрение. На старост сами воспитанники начинают смотреть как на естественных и весьма нужных организаторов труда – с хорошим старостой все идет гораздо лучше, чем с бестолковым или нерадивым.

Теперь можно было перейти и к следующему этапу – от задавания индивидуальных трудовых уроков к урокам коллективным; например, теперь при распиловке дров просто указывалось, сколько и в какой промежуток времени должен напилить такой-то класс или партия, а дети уже сами принимались за дело и сами, через старост, организовывали дело иногда по принципу разделения труда, а иногда просто путем разбивки задания на отдельные части для каждой из партий.

При такой обстановке скоро заговорило соревнование, уже не индивидуальное, а коллективное, что и было использовано школой; соревнование стало усиливаться, и наступил период, прошлым летом, когда всю школу захватил массовый порыв коллективного трудового соревнования, ставший, как это всегда водится в таких случаях в нашей школе, массовым заражением – классы наперебой друг перед другом старались побить рекорды в пилке дров и очень гордились, когда добивались первенства.

Разумеется, при таком темпе работы надзор со стороны воспитателей за выполнением ее стал мало-помалу излишним – ребята вполне справлялись сами, оставалось только задать работу и принять ее. Значение старост еще больше повысилось, выборное начало вполне окрепло, и старосты из простых очередных исполнителей распоряжений по школьному хозяйству превращаются теперь в организаторов всей товарищеской трудовой жизни: они сами назначают всюду дежурных и наряды; то же начинают делать и другие старосты, по кухне и по гардеробу, и, таким образом, начинает складываться новая форма самоуправления – разделение должностных лиц на две категории: на ответственных работников – организаторов-старост и на простых исполнителей, назначаемых старостами дежурных.

Репозиторий ВГУ

Эти изменения отражаются и на других сторонах школьной жизни.

Наши воспитанники еще до этого периода делились по поведению на три разряда: в I разряде – те, кто за неделю не получил ни одного замечания, в III – совершившие крупные проступки (кража, грубость, самовольная отлучка и т.п.) и во II – все остальные; разделение это производилось так: в конце каждой недели на классном собрании воспитанников рассматривается вся жизнь класса за истекшее время, обсуждается поведение как отдельных воспитанников, так и всего класса в целом, обсуждаются полученные каждым замечания, и в результате всего происходит разбивка воспитанников по разрядам; спорные случаи решаются голосованием, причем всем недовольным предоставляется право апелляции к педагогическому совету, который у нас собирается точно так же еженедельно. Сначала к этим разрядам ребята отнеслись иронически, но, когда трудовое настроение, описанное выше, наросло, оно оказало влияние и на эту сторону жизни; здесь также произошел перелом – быть в III разряде перестало казаться молодечеством и, наоборот, I разряд начинает действовать на развившееся уже чувство соревнования, будит спортивную жилку, и вот теперь разделение на разряды начинает давать тот результат, из-за которого эти разряды и были введены, – они становятся постоянно действующим стимулом, который заставляет каждого воспитанника все время стремиться вверх, к лучшему поведению, а стало быть, и к лучшему владению собой, к преодолению трудностей своего характера. Это стремление заставляет обдумывать каждый свой шаг, многих останавливает и удерживает, для многих становится помощником и заместителем недостающей волевой выдержки.

Теперь спортивная струнка задета, и все стремятся в высший разряд, хотя и нелегко для неуравновешенного, истерического и плохо владеющего собой трудновоспитуемого продержаться целую неделю без единого замечания. Однако он держится, и вы посмотрели бы, с каким самоудовлетворением и с какой гордостью говорит об этом какой-нибудь закоренелый «бузовик», совсем было прежде махнувший на себя рукою. Правда, на следующей неделе он, может быть, снова скатится вниз, но теперь это его уже не обескуражит, не лишит веры в себя – ведь он знает, в цифрах, можно сказать, знает, что и он кое-что может. Он получил уже уверенность в себе и бодро, с надеждой смотрит вперед. А это самое главное для мальчика, которого уже в нескольких местах изгоняли, как паршивую овцу, из среды его друзей и товарищей; ведь если правильна немецкая пословица «бодрость потеряна – все потеряно», то, может быть, еще правильнее это изречение в перевернутом виде.

Концом этого второго периода в развитии добровольчества можно считать следующее изменение в системе самоуправления: выборность начинает дополняться замещением общественных должностей

Репозиторий ВГУ

в порядке собственной инициативы и добровольчества – в школе имеются такие должности, которые требуют очень усидчивой, четкой и добросовестной работы и в то же время оказываются очень скромными и незаметными сравнительно, например, с должностями классного или кухонного старосты. Раньше на эти должности – староста по гардеробу (ведение ведомостей, подготовка белья к выдаче, постоянная регистрация выдаваемых и принимаемых пальто и шапок) и староста по амбулатории – очень трудно было подыскать подходящих воспитанников, теперь они начинают замещаться в порядке добровольчества наиболее толковыми и добросовестными воспитанниками, не находящимися в III разряде.

IV

Началом третьего периода в воспитании добровольчества можно считать тот момент, когда оно из ряда частых, но случайных фактов превращается в постоянную составную часть общешкольной жизни.

Уже в предыдущий период трудовое честолюбие и коллективное соревнование достигли полной формы развития. Дальше же на этой почве стало замечаться знакомое уже по прежде бывшим примерам массового заражения каким-нибудь увлечением настроение: случаи добровольчества начинают учащаться, воспитанники все время предлагают свои услуги по тому или другому поводу. Число перворазрядников растет, многие из них уже больше месяца находятся в этом разряде, и все они жаждут поощрения и одобрения – вполне законное желание. И вот во всех классах как-то сам собой начинает создаваться какой-то новый разряд для особенно старательных, который ученики называют нулевым.

Педагогический совет, учитывая создавшееся настроение, ставит на обсуждение следующий вопрос: если мы регистрируем все случаи нарушения дисциплины и записываем все проступки учеников, то почему бы не регистрировать и случаи хорошего поведения, хотя бы случаи выполнения добровольных работ.

После тщательного рассмотрения этого вопроса приходим к следующему решению: регистрировать только добровольную работу; вместо трех разрядов по поведению установить пять: в I – не имеющие ни одного замечания за неделю, во II – пробывшие беспрерывно в I не менее месяца, III равен прежнему II, IV – прежнему III и V – особо крупные проступки, причем для перевода в него требуется либо постановление экстренного классного собрания, либо распоряжение заведующего школой; случаи добровольной работы могут до известной степени приниматься во внимание при распределении по разрядам, но никакие балансы с «хорошими» и «дурными» замечаниями не допускаются, все это принимается в виде опыта, который подлежит внимательному изучению.

Репозиторий ВГУ

Таково было постановление. Надо сказать, мы очень боялись, как бы утилитарные наклонности воспитанников не оказали бы здесь разрушающего влияния, как бы добровольчество не выродилось в погоню за «хорошими» замечаниями, в своего рода обеспечение себя на всякий случай индульгенцией. Разразившееся вскоре массовое увлечение добровольчеством протекло в обычной для нашей школы, форме общей мании – предложение добровольческой работы усилилось настолько, что стало превышать спрос: все время просят разрешения подмести зал, лестницу, вымыть полы не в очередь, по нескольку раз в день чистятся и моются уборные, отбою нет от добровольцев на дрова, на дворницкую работу по очистке панелей, появляются среди наиболее экспансивных мальчиков настоящие фанатики добровольчества – и это при условии, что все обычные работы выполняются по-прежнему в порядке очереди по назначению старост. Все случаи добровольной работы тщательно регистрируются.

И вот статистика показала нам, что все наши страхи были неосновательны: большинство добровольцев состояло из воспитанников I и II разрядов, для которых «хорошие» записи не имели почти никакого практического значения. Массовое же увлечение добровольчеством говорило лишь о том, что если прежде утилитарные соображения и играли некоторую роль, то теперь они пустились уже в сферу бессознательного, уступили место стимулам спорта, подражания и массового заражения.

В связи с этим очень повысилось проявление всякого рода инициативы – образовалась артель добровольцев по починке валенок и шитью туфель для товарищей, чрезвычайно разрослось количество издаваемых учениками журналов – они появились во всех классах, и увлечение ими, разумеется, также приняло характер легкой эпидемии, во время которой число издаваемых журналов и газет дошло до 12. Очень легко прошли две вечеринки – без всяких капризов, отказов от ролей, ссор между артистами, как это бывало прежде; инициативность воспитанников разрослась настолько, что уже воспитатели стали приходить в смущение от невозможности при наличных силах осуществить все открывающиеся с этой стороны возможности. Особенно отраден один случай коллективной добровольческой работы, когда артель наших воспитанников, посланная грузить дрова для нашей школы, сама, по собственному желанию, нагрузила и выгрузила при очень тяжелых условиях работы два куба дров для двух детских домов, где все воспитанники были очень малы, сами не могли работать и рисковали остаться без дров.

В связи с повышением общей инициативности произошли некоторые изменения и в системе самоуправления: ввиду того что к этому времени многие воспитанники прошли через разного рода ответст-

Репозиторий ВГУ

венные посты и приобрели известные организационные навыки, в некоторых классах вместо выборов старост стали практиковать простое назначение в порядке очереди всех воспитанников, за исключением очень уж бестолковых или заведомо недобросовестных. В других классах нередки стали случаи переизбрания особенно удачных старост на второй и третий сроки (норма – две недели).

Далее, очень повысился интерес вообще к школьному строительству, а в частности ко всякого рода собраниям; и если в первый период существования школы нередки были восклицания «Опять собрание!», то теперь часто слышится совсем иное: «Когда же наконец у нас будет собрание?» Теперь воспитанники и педагогический состав иногда меняются ролями – не мы их, а они нас начинают подталкивать вперед.

Ныне волна добровольчества спала, охватившее всю школу эпидемическое увлечение всякого рода добровольными работами улеглось, добровольчество нашло свои рамки, стало обыденным явлением, понемногу превращается в простую привычку и становится составным элементом общешкольной коллективной жизни. Теперь ученики уже не бегают за воспитателями и не клянчат у них какой-нибудь работы; вся текущая работа по хозяйству по-прежнему производится в порядке обычного очередного назначения на наряды через старост; но всякий раз, когда надо произвести какую-нибудь особенно трудную или неприятную или ответственную работу, мы знаем, что на это у нас всегда найдутся добровольцы. Так, например, внеурочная чистка и мытье уборных у нас всегда производится через добровольцев, а такая скучная и трудная обязанность, как ночное дежурство по школе с обязанностью будить по нескольку раз в ночь молчунов и не спать до шести часов утра, все время проходит в порядке добровольчества и даже с оттенком некоторой привилегии – назначается далеко не всякий, а лишь добросовестный и надежный, который не уснет на дежурстве.

Выработавшиеся уже формы добровольчества вовсе еще не являются достижением в полном объеме идеи организованного коллективного добровольного труда. Мы уже чувствуем пути, по которым надлежит двигаться вперед, но мы знаем, что для этого надо предварительно продвинуть дальше те стороны школьной жизни, которые позамедлились в своем развитии. Какие же выводы можно сделать из представленного здесь опыта нашей школы?

1. Путь воспитания от принудительности к добровольчеству представляет собою ряд последовательно сменяющихся стадий развития, для каждой из которых необходимо применять особые, соответствующие данной стадии, методы. Что годится для одной стадии, может оказаться негодным для другой, и наоборот.

Репозиторий ВГУ

2. Первая стадия – неуклонность требований по отношению к трудовой общественной деятельности как всеобщей трудовой повинности с целью внедрения в сознание воспитанников убеждения в неизбежности для них таковой повинности; преобладание принудительных мер, словесные увещевания почти бесполезны, ибо воспринимаются как скучная мораль; возможны, но нежелательны меры материального поощрения (лишняя порция); индивидуальные уроки и индивидуальная ответственность за работу.

3. Вторая стадия – образуется привычка к труду; переход к коллективным урокам; коллективная ответственность; переход от назначения на общественные должности к их выборности; начало индивидуального и коллективного соревнования; пропаганда трудового начала; нравственное поощрение наиболее усердных: материальное поощрение совершенно уже не допустимо; воздействие на спортивные наклонности.

4. Третья стадия – усиленное воздействие на чувство соревнования и на трудовое честолюбие; широкая пропаганда идеи общественной деятельности; более тонкие методы нравственного поощрения; организация коллективного соревнования как система; усиление организаторской роли выборных воспитанников и постепенное расширение ядра трудовиков и организаторов до максимального предела.

5. Не следует опасаться воздействий на утилитарные наклонности воспитанников, на чувство соревнования и на честолюбие, поскольку все эти наклонности могут, став привычными, опуститься в бессознательное психики и стать базисом для дальнейших, более тонких воздействий.

6. Активная организаторская деятельность воспитателя, главное орудие на первой стадии, должна постепенно стушевываться, уступая место самодеятельности и самоорганизации самих воспитанников.

История социальной педагогики: хрестоматия-учеб. / под ред. М.А. Галагузовой. – М., 2001. – С. 425–439.

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

О некоторых проблемах теории и практики воспитания

I. НАШИ СКРОМНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

В огромном большинстве случаев инспектор, привыкший танцевать от школы, и в детском доме ничего не способен видеть, кроме школьных установок, а все то, что выходит за границы класса, все то, что составляет самую сущность детского дома, просто им не замечается.

Репозиторий ВГУ

Применение школьных критериев к работе детского дома в настоящее время сделалось обычным и, так сказать, определенной модой. В этом сказывается потеря веры в детский дом как в основное дело советского воспитания. Мечтания и планы 1920 г. сейчас трезво забыты, и детский дом мыслится необходимым до тех пор, пока будут существовать беспризорные. Насколько я помню, в харьковской пятилетке прямо проектируется уменьшение числа детских домов и их воспитанников. Детский дом в таком аспекте есть нечто вымирающее, и, конечно, никакой особенной педагогики для него не нужно. Через пять лет останется два–три детских дома в больших городах специально для воспитания сирот. Их существование будет определяться только нуждой в призрении, но отнюдь не системой советского воспитания.

Если это действительно так, то вопрос о педагогике детского дома отпадает. Как будто все идет к этому. Уж одно то обстоятельство, что почти принципиально не допускается существование детского дома для детей из семьи, что в сотнях наших колониях и деткоммунах прямо изгоняются семейные дети, что детский дом есть дом обязательно для беспризорных, уж одно это способно поставить крест над нашими педагогическими вожделениями.

Имеем ли мы право, рассчитывая на то, что этот процесс умирания детского дома приведет его к благополучной кончине, забросить вопрос о его педагогике? В 1920 г. мы начали с утверждения, что соцвос может быть только в детском доме, что школа – временная форма; мы отвоевали детский дом у собеса, который по прямой житейской логике считал, что сироты и беспризорные его клиенты. В настоящее время наш детский дом по невыясненности своей педагогики, по заброшенности и своей практики и своего благосостояния, собственно говоря, в значительной мере состоит в собесе. Можем ли со спокойной совестью утверждать, что этот путь «от соцвоса к собесу» нормальный и правильный? Или, может быть, у нас есть еще возможность надеяться, что мы пойдем по другому пути: «от собеса к соцвосу»? Не рискуем ли мы, забросив педагогику детского дома слишком рано, лет через пять или даже раньше обнаружить, что мы слишком поторопились?

На эти вопросы не может быть двух ответов. Ответ может быть только один: именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее. Вот несколько, вероятно, совершенно очевидных аксиом:

1. Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно представить себе, чтобы в государстве, основанном на плане, стихия воспитания не была в руках государства.

2. Современное советское общество в вопросе о воспитании находится на более сложном положении, чем общество дореволюцион-

Репозиторий ВГУ

ное. Царская Россия имела все основания считать своим надежным помощником в деле воспитания семью, поскольку семья была основным, признанным и закрепленным первичным коллективом в обществе. Семья, в особенности семья буржуазная, идеологически всегда должна была стоять в одной плоскости с государственной властью. В этом участии семьи в государственном плане воспитания лежали отчасти и причины ее крепости. Супруги необходимо должны были быть связаны религиозными и юридическими цепями, обязательно на всю жизнь, если они несут ответственность за воспитание детей. Женщина по возможности должна быть нянькой и хозяйкой и необходимо должна «бояться мужа»; крепость семьи приводила к принципу единоначалия, к власти одного над другим. Дисциплина в семье была так же необходима старому обществу, как и гарантия того, что каждый ребенок обеспечен надолго отцом и матерью. Таким образом, вся архитектоника семьи была приспособлена к тем воспитательным задачам, которые на эту семью возлагались.

В нашем обществе мы тоже видим семью, но мы стоим на совершенно иной позиции по отношению к семье. ...Женщина в нашей семье уже не нянька и хозяйка, а прежде всего активный и производящий член общества. ...В семье новой оба компонента равны и свободны, где они оба участвуют в производстве, где они могут в случае необходимости уйти один от другого. ...Старая крепкая семья с матерью-хозяйкой, с властью отца и отеческим ремнем, может быть, и воспитывает, но наверняка воспитывает не того, кто нам нужен...

3. В таких обстоятельствах можем ли мы хотя бы приблизительно сказать, что у нас вырастает и что у нас вырастет из наших детей. Где у нас гарантия, что из нашего теперешнего детства не вырастут самое наглое шкурное мещанство или растяпы и лежебоки «без царя в голове» и без уважения к себе и другим? И если сейчас в ответ на эти вопросы мы можем только развести руками и повертеть головой, дескать, не знаем, что через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдет матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная нами в презрении к пеленочной и печной квалификации, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов. Тот первичный коллектив, который раньше выражался в семье, мы [еще] ничем не заменили, ибо нельзя же таким первичным воспитательным коллективом считать школьную группу.

4. Детский дом, и только детский дом, есть будущая форма советского воспитания. Он, конечно, не может быть даже подобием нынешнего детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной. Нынешняя колония, составленная из брошенных одиноких детей, переживших гораздо больше того, что под силу ре-

Репозиторий ВГУ

бенку, – это, вне всяких сомнений, не вполне здоровое общество, и вполне здоровым даже при геройстве наших педагогов оно уже и не может быть. Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель – ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив.

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и, самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. Будущее наше детство будет давать обществу громадную продукцию, занимающую очень важное место в общегосударственном доходе. В самых круглых цифрах можно предвидеть, что, если все детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребенка в детском доме, следовательно, выгодность для семьи помещения ребенка в детский дом. Кроме того, нужно предполагать, что общественное воспитание будет признано настолько серьезным делом, что оно будет строиться, подобно нынешнему соцстраху, на принципах обязательного участия в расходах всех. Ибо если в социальном страховании должны участвовать все, то тем более все должны участвовать в расходах по подготовке будущего поколения. Будущее поколение – дело всего общества, а не только тех, кто физически позволил себе роскошь иметь детей.

Во всяком случае, если вопрос о развитии и расширении сети детских домов есть вопрос только о средствах, принципиальная позиция педагогической мысли по отношению к детскому дому не может быть отрицательной. В последнем счете даже вопрос о средствах представляется трудным только в смысле единовременных затрат на постройку новых детских домов, самое же содержание ребенка в детском доме в среднем должно обходиться гораздо дешевле, чем в семье, при гораздо лучшем обеспечении всех его потребностей. Кстати, нужно сказать, что это содержание должно обходиться тем дешевле, чем лучше построен и оборудован детский дом. Правильное вложение капитала и здесь, как и в иных случаях, приносит и больше экономии и больше прибыли.

Макаренко, А.С. Проектировать лучшее в человеке. – Минск, 1989. – С. 3–7.

Репозиторий ВГУ

ЛЕКЦИИ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Общие условия семейного воспитания

…Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего, вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т.д. Все это – очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое – перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания – уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смот-

Репозиторий ВГУ

рят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки – это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового, социалистического общества, а дома, среди детей, живут по старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой, дореволюционной семье все было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живем в бесклассовом обществе, что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая, советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали: это было выгодно для общества эксплуататоров. В нашей семье иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха... Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые.

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и де-

Репозиторий ВГУ

ти. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьей. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В Советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью и перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют некоторую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста. Только в семье, где есть

Репозиторий ВГУ

несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проводят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату – это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи – вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитывать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание, – это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие

Репозиторий ВГУ

дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через

Репозиторий ВГУ

вашу душу и вашу мысль должно приходить к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересовать и ваших детей. Они должны знать, что вы – общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение – самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету – все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз и навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление

Репозиторий ВГУ

лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны, – будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив к жизни ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно, вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть, прежде всего, работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего

Репозиторий ВГУ

назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка – все это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей…

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой советской семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо, прежде всего, самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

О родительском авторитете

В прошлой беседе мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего ее отличие заключается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего Отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Репозиторий ВГУ

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это – особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк разражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что за-

Репозиторий ВГУ

пугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни, мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пыжатся и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа – начальник, мой папа – писатель, мой папа – командир, мой папа – знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт – все это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их – это святыня. Свои распоряже-

Репозиторий ВГУ

ния они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть даже в шутливом тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети – это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходить к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их зудение и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания

Репозиторий ВГУ

родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать, только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигнет крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа – самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Роди-

Репозиторий ВГУ

тели, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться – куплю тебе лошадку, будешь слушаться – пойдем в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волынку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра что-нибудь ему обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать – другого. Детям в таком случае приходится быть, прежде всего, дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец и мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть, прежде всего, заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внеш-

Репозиторий ВГУ

ностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего Отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники того большого ряда деятелей.

Нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, – значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы – все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью, – граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это – порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы не только гражданин. Вы еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, чего не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливыми расспросами,

Репозиторий ВГУ

дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни. И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведет и к авторитету помощи. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом свете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это – самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете

Репозиторий ВГУ

не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье. Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами. Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

Там же. – С. 84–102.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Семья и школа

«О чем я больше всего мечтаю, – говорит Эллен Кей в своей известной книге “Век ребенка”, – так это о том, что не будет ни детских садов, ни школ для маленьких детей, а место их займет домашнее обучение».

«Я считаю большим несчастием возрастающую склонность считать помещение детей в ясли, потом в детский сад, потом в школу идеальным планом воспитания. Каждый раз, когда заходит речь о возможности для женщины принимать активное участие в общественной жизни, указывают на то, что подобного рода план освобождает матерей от ухода за детьми, а детей от плохого ухода матерей и дает женщине возможность работать вне дома».

«Совершенно верно, что при *теперешних* условиях, когда масса матерей работает вне дома, когда они плохо подготовлены к своим обязанностям, ясли и детский сад являются спасением для очень многих детей. И, может быть, всегда нечто вроде детского сада будет необходимо для исключительных обстоятельств, например при отсут-

Репозиторий ВГУ

ствии у ребенка сверстников для игры, при нежелании или неспособности матери самой заниматься воспитанием, неспособности, которая является обычно следствием слишком непоседливого, слишком слабовольного или слишком меланхолического характера».

«Во многих случаях еще остается вполне верной мысль, высказанная сто лет тому назад Мэри Вольстонкрафтс: “Если дети не убиты еще физически невежественными матерями, они губятся духовно матерями, неспособными к воспитанию; после того как в течение первых шести лет, когда определяется весь дальнейший ход развития ребенка, матери оставляют его на руках прислуги, потом детей отдают в школу. Школа должна искоренить их дурные свойства, предупредить которые могла бы бдительность матери и искоренять которые школа начинает средствами, способными в свою очередь явиться источником всякого рода пороков”. Но из того, что такие случаи еще слишком часты, что всегда будут матери, неспособные быть воспитательницами, еще не следует, что из большинства матерей не может быть выработано хороших воспитательниц, раз эта цель будет выдвинута женским развитием. Задачей будущего является воспитание нового поколения матерей, которое освободит, между прочим, детей от системы детских садов».

«Обращаясь с детьми уже в возрасте двух–трех лет, как со стадом, заставляя их двигаться по команде, работать по одному плану, выполнять одинаковые, мелочные, бессмысленные, бесполезные работы, – воображают, что воспитывают людей, а на деле дрессируют пешек! Кому приходилось самому играть в детстве на берегу моря или в лесу, в просторной детской или на чердаке, где сложен всякий хлам, видеть, как играли там другие дети, тот знает, что такая свободная игра имеет во сто крат больше значения для развития душевных сил, предприимчивости и фантазии, чем беспрерывно налаживаемые взрослыми и игры, и занятия. Эти игры и занятия приучают ребенка, вместо того, чтобы играть самому в одиночку, держаться стада, – привычка, характеризующая духовное убожество; дети заняты при этом производством никому ненужных пустяков, которые носят громкое название “работ”. Задача воспитания – научить детей презирать те бесчисленные мелочи, которые искажают в настоящее время нашу жизнь, делают ее такой искусственной, научить детей упрощать жизнь и открывать ее великие блага. А система детских садов служит наилучшим средством для воспитания поверхностных дилетантов и людей, в которых глубоко въелась “стадность”».

«Если еще теперь, а может быть, даже и в будущем нельзя будет обойтись без детского сада, пусть он будет местом, где дети будут свободно, как котята или щенята, играть, как им вздумается, будут сами придумывать себе дело, где им будет предоставлен только мате-

Репозиторий ВГУ

риал, из которого они будут мастерить, что захотят, и товарищи, с которыми можно играть. Пусть тут же будет с ними какая-нибудь умная женщина, которая будет только смотреть и вмешиваться лишь тогда, когда ребенок рискует причинить вред себе или другим; время от времени она будет приходить им на помощь, рассказывать сказку, показывать им какую-нибудь веселую игру, но в остальном будет на вид оставаться совершенно пассивной, а в то же время неустанно наблюдать и замечать особенности характера детей, их склонности, которые обнаруживаются лишь при подобного рода свободной игре. Так сама должна и мать наблюдать игры детей, их отношение к сотоварищам по игре, их склонности, как можно больше наблюдать и как можно меньше вмешиваться. Такого рода длительное всестороннее, напряженное наблюдение дает, в конце концов, матери приблизительно точное понимание своего ребенка; вполне ни одно существо не может никогда понять другое, даже если оно дало ему жизнь, если ежедневно вновь и вновь дарит ему новую жизнь, чтобы достигнуть великого счастья духовного материнства. Совершенно верно замечание, что как рождение ребенка является признаком физической зрелости, так воспитание ребенка является показателем зрелости психической. Но, благодаря недостатку психологической проницательности, большинство родителей всю жизнь так и не достигают зрелости. Самые великолепные принципы, самые усердные стремления к исполнению долга зачастую соединяются у них с полной слепотой по отношению к индивидуальности ребенка, к истинной причине его поступков и к тем различным комбинациям, в которых бывают соединены в ребенке те или иные качества».

«Укажем на несколько самых грубых заблуждений. Например, маленький ребенок часто и подолгу с большим интересом изучает свое отражение в зеркале, – это называют кокетством. Ребенок из страха или замешательства не отвечает на резкие или непонятные слова и не слушается их, – его называют упрямым. Ребенка, который не может объяснить своих действий относительно целого ряда мелочей, по отношению к которым память часто изменяет и взрослым, считают лживым, и когда он, прежде чем у него сложится понятие о собственности, берет то, что ему нравится, – это называют воровством. Ребенка, который говорит, что он плохой и хочет быть плохим, считают дерзким и бесчувственным, тогда как это как раз указывает на такого рода самосознание и характер, от которых можно ждать самых лучших результатов. Ребенка, погруженного в размышления, если он забывает о мелочах повседневной жизни, зовут беспамятным. И даже в том случае, когда ребенок действительно проявляет упрямство и лень, на эти недостатки смотрят как на нечто самостоятельное, тогда как они зачастую зависят от какого-нибудь другого, глубже лежащего недостатка, на который и следовало бы направить

Репозиторий ВГУ

внимание, или же зависят от какого-нибудь хорошего качества, которое можно загубить, если начать бороться с недостатками несоответствующими средствами.

Но даже и те родители, которые более проницательны по отношению к детям, не в состоянии изучить их, если дети с ранних лет начинают ходить в детский сад и школу. Благодаря незнанию индивидуальности детей возникают ошибки, которые в свою очередь ведут к глубокому антагонизму между детьми и родителями, антагонизму, омрачающему теперь так многие семьи. Лишь те отец и мать, которые с уважением к индивидуальности ребенка соединяют всестороннее напряженное наблюдение над этой индивидуальностью, могут избежать обычной ошибки – желания получить виноград с куста шиповника! Нельзя творить там, где нет материала для творчества, но надо уметь развивать свойства, коренящиеся в натуре ребенка. Глубоко вдумчивое психологическое изучение принесет, с одной стороны, оптимизм, с другой – решение подчиниться необходимости. Оно положит также конец многим одинаково мучительным как для родителей, так и для детей усилиям, направленным в такую сторону, где затраченная энергия пропадает даром.

Но изучение психологии ребенка, начатое с момента его рождения, продолжающееся во время его игр, труда, покоя, ежедневное сравнительное изучение требует всего человека. Это возможно только для лица, под надзором которого находится лишь несколько человек детей; это невозможно, когда приходится иметь дело с целой толпой детей, тем более, что в толпе дети больше походят друг на друга. Это затрудняет наблюдение.

Детский сад – фабрика, и то, что детей учат там лепить с моделей, вместо того, чтобы предоставить им стряпать из глины пирожки по своему вкусу, характерно для того, что формуют из самого детского человеческого материала. В нижнем этаже фабрики – в детском саду – его обточат, потом, для дальнейшей шлифовки, посылают в следующий этаж – в школу, откуда десятками выходят дюжинные люди».

«...Пока существуют большие города, надо давать бедным городским ребятам возможность, какую имеют дети в деревнях, делать игрушки из окружающего их материала и, исполняя обязанности по дому, иметь настоящую “работу”, а не исполняемые в детских садах, как что-то нужное, бессвязные игры-“работы”. Умная мать или учительница заимствует из системы детского сада лишь то, что учит ребенка наблюдать природу и все окружающее, она умеет связать эту деятельность с той или иной полезной целью, удовольствие с тем или иным знанием».

«Фребелевское положение: “Дайте нам жить для детей!” – должно быть заменено другим, более содержательным: “Дайте детям жить!”».

Репозиторий ВГУ

«А это означает, между прочим, – избавить их от вдалбливания им в голову знаний, от всяких методик, от стадной жизни в года, когда тихая, скрытая душевная работа так же важна, как прорастание семени в земле. Система детских садов, наоборот, походит на прорастание семени в тарелке, где оно очень мило выглядит до поры до времени!»

«...Повсюду школа с ее товарищеским и корпоративным духом прокладывает путь к притуплению совести по отношению к обществу».

«Благодаря этому современное общество ухитряется повторять преступления всех предыдущих веков при участии часто честных в личной жизни людей. Более крупные преступники, создающие преступное направление, никогда не могли бы увлечь за собой массу, если бы она не была именно массой, руководствующейся коллективными понятиями о чести, коллективными шовинистическими чувствами, коллективными понятиями о доме. Ребенок учится быть послушным по отношению к школе, лояльным по отношению к своему товарищескому кружку, как позже по отношению к университету, корпорации, службе. Учится этому прежде, чем быть верным своей совести, своему чувству справедливости, движениям своей души. Он приучается закрывать глаза на проступки своего товарищеского кружка, своей корпорации, своей страны, прикрашивать эти проступки, отрицать их».

«В результате мир является свидетелем дел Дрейфуса, Трансваальских войн. Если иметь в виду людей, а не толпу, то нужно следовать воспитательной программе великого государственного человека Штейна, а именно: “развивать все те побуждения, от которых зависит внутренняя ценность и сила человека”. А это возможно лишь в том случае, когда дитя с самого раннего возраста имеет возможность свободно выбирать, научается взвешивать последствия своего выбора, сознавать права и ответственность своей воли, знакомится с условиями и задачами собственного опыта. Все это бессознательно подавляется детским садом и может выработаться только в семье. Наивысший результат воспитания поставит индивидуума лицом к лицу с его совестью. Это никоим образом не исключает того, что тот же индивидуум научается постепенно испытывать счастье и потребность быть деятельной и полезной частью целого, сначала семьи, потом товарищеского кружка, потом родины и, наконец, мира».

«Разница та, что в одном случае человек является живой клеточкой, служащей для построения живых форм; в другом – кирпичом, идущим на постройку. Но не только по отношению к развитию индивидуальности, а и по отношению культуры чувства детский сад и школа стоят позади семьи. В небольшом, замкнутом кругу чувство может быть глубже, нежность может там развиваться, проявляясь в действиях, вызываемых потребностями домашней жизни, тогда как детский сад, а потом школа освобождают детей от естественных, лич-

Репозиторий ВГУ

ных обязанностей и предъявляют им лишь требования, которые могут быть выполнены всеми учениками. Ребенок вступает там в ряд поверхностных отношений, а они в свою очередь влияют на измельчание чувства, являющееся величайшей опасностью в слишком рано начинающейся школьной жизни. Исключительно семейная жизнь грозит другой опасностью – чересчур сильной концентрацией чувства. В годы, когда чувство формируется, когда культура его имеет такое громадное значение для всей последующей жизни, необходимо воспитание домашнее, а позднее, после 12 лет, нужно хорошее товарищество. Умственное развитие, полученное по самым совершенным методам, общественные стремления пропадут задаром, если в основе их не лежит культура чувства. Чтобы в голове было ясно, надо, чтобы в груди билось горячее сердце. И лишь тот, кто научился немногих любить так, что готов за них умереть, способен жить прекрасно для других» (Эллен Кей «Век ребенка»).

В приведенном отрывке из книги Эллен Кей «Век ребенка» чрезвычайно много верных замечаний, тонкой наблюдательности, любви к ребенку, но основное положение неверно.

Эллен Кей находит, что семейное воспитание в будущем должно продолжаться лет до 12. Это потому, что семейное воспитание гораздо более способствует развитию индивидуальности ребенка, чем школьное.

В своей критике системы детских садов и школы, убивающих в ребенке живую душу, Эллен Кей в большинстве случаев права. Теперешние детские сады и школы очень плохи. Их необходимо заменить хорошими. Надо, чтобы руководили детьми в них люди, горячо любящие и понимающие детей, уважающие их личность, обладающие необходимыми знаниями и педагогическим чутьем. Надо, чтобы школа была свободной школой, где не только бы не били и не наказывали детей, но умели бы не насиловать их индивидуальность. Надо, чтобы школа давала бы детям возможность труда, творчества, радостного общения с другими людьми. Надо, чтобы школа тысячами нитей была связана с живой жизнью, с семьей.

Но, критикуя теперешние детские сады и школы, Эллен Кей мечтает не о том, чтобы заменить теперешние плохие школы хорошими, она хочет заменить их семьей. Но не теперешней семьей. О! Эллен Кей слишком хорошо знает, что из себя представляет современная семья с педагогической точки зрения. Об этом она много рассказывает в своей книге. Она хочет заменить школьное воспитание воспитанием в семье идеальной, семье будущего, где мать будет в состоянии в течение 12 лет посвящать себя исключительно ребенку, где она будет обладать необходимой подготовкой, нужной выдержкой и пр. Тут Эллен Кей делает методологическую ошибку. Если сравнивать семью и

Репозиторий ВГУ

школу, то надо сравнивать теперешнюю реальную школу с теперешней реальной семьей или же школу будущую, такую, как она должна быть, с семьей будущего.

И сделанная методологическая ошибка дает себя чувствовать во время всего хода рассуждения, совершенно искажая всю перспективу. Эллен Кей очень боится «стадности». Стадность складывается из двух моментов: подражательности и общественного инстинкта. Подражательность связана со слабостью интеллекта. Ребенок будет всегда кому-нибудь подражать: старшему брату, более сильному или умному товарищу, матери, отцу и т.д. Часто он подражает тому, что с нашей точки зрения вовсе недостойно подражания, но что заинтересовало и привлекло ребенка. Подражание для ребенка – такая же необходимость, как самостоятельное творчество. В этом также проявляется индивидуальность ребенка. Для взрослого подражание часто кажется глупым обезьянничаньем, а для ребенка – это работа, на которой он пробует свои силы. Конечно, это только переходная ступень. По мере развития сознательности, воли подражательность слабеет. Если дети в школе подражают друг другу, из этого не следует, что товарищеская среда есть причина подражательности и ребенка надо воспитывать до 12 лет вдали от товарищей. Это может повлиять на то, что в нем заглохнут общественные инстинкты. Общественный инстинкт – это сочувствие другим людям и умение понимать их. Переживаемые совместно впечатления духовно роднят учеников. Чем разнообразнее и глубже совместно переживаемые впечатления, тем сильнее это духовное сближение. При надлежащих условиях этот общественный инстинкт переносится потом с узкого круга товарищей на широкий круг людей вообще. Живое ощущение своей духовной солидарности с окружающими людьми есть великое благо и великая сила. Индивидуальности ребенка общественный инстинкт нисколько не вредит. Семья часто не только не способствует, но заглушает общественные инстинкты ребенка. У Пьера Лоти в романе, в котором он описывает свое детство, есть несколько очень художественных и сильных страниц, где он рассказывает о той борьбе, которую он переживал ребенком. Издалека видел он оживленную толпу приморского города, видел, как кипела в ней жизнь, и его неотразимо тянуло на улицу смешаться с этой толпой, слиться с ее жизнью. Но он был любящий сын, не желавший огорчать свою мать, и он подавлял в себе тот инстинкт, который мог бы сделать из него великого писателя. Он не сделался им. У него удивительные описания моря, тропических стран, приморских городов, Бретани, описание переживаний моряка, но об общественных вопросах он не имеет понятия, люди его – хорошие матери, жены, мужья, сыновья, хорошие или плохие, но и только... Лоти рос в очень хорошей семье и очень поздно поступил в школу, где чувство-

Репозиторий ВГУ

вал себя совсем чужим. Но семья не развила тех сил, что таились в его душе, а заглушила их.

Корпоративный дух – это искажение под влиянием общественных условий общественного инстинкта, это ограничение его узкими внешними рамками. В школе, конечно, бывает и корпоративный дух, но он не является неотъемлемой принадлежностью школы, а результатом ее дурной организации. Тут нельзя противопоставлять школу семье, потому что не надо забывать, что семья есть тоже своего рода корпорация с своими особыми интересами. Часто интересы семьи идут вразрез с интересами других людей, ребенку приходится выбирать, и вряд ли кто сможет утверждать, что чрезмерная любовь к матери, к своим близким не заставляет его порой кривить душой. Положение для ребенка получается часто очень трагическое, стоящее ему большой душевной ломки. Эллен Кей очень ошибается, если думает, что семейное воспитание больше, чем школьное, способно ставить ребенка лицом к лицу с его совестью.

Эллен Кей думает, что семья освободит ребенка от гнета товарищества, от гнета товарищеской этики. Семейный гнет бывает порой гораздо сильнее. Семья не может поставить ребенка в такие условия, чтобы на него не влияла посторонняя этика. Ведь ребенок, предполагается, принимает участие в жизни и интересах семьи. Не только мать и отец наблюдают ребенка, но и ребенок наблюдает их во время покоя, труда, удовольствий, наблюдает в их отношениях к другим людям и очень скоро узнает, что они любят, чего не любят, что считают дурным, что считают хорошим. И чем сильнее ребенок любит отца и мать, тем обязательнее будет считать для себя руководство их этикой, постоянно будет насиловать свою индивидуальность в угоду родным. Это бывает часто в очень любящих семьях, где ребенок изнемогает от напряженного, ежечасного негласного надзора. В школе он чувствует себя свободнее, больше человеком.

Эллен Кей ошибается также, когда думает, что главное в семейном воспитании – знание индивидуальности ребенка и обращение с ним сообразно его индивидуальности. Это важно, конечно. Но гораздо важнее еще в воспитательном отношении весь уклад семейной жизни. Если члены семьи люди отзывчивые, чуткие, если у них широкие общественные интересы, если труд соединяет семью в дружный союз, семья будет иметь хорошее влияние на ребенка. Но если семья ведет праздную жизнь, занята только погоней за удовольствиями, если ей чужды высокие идеалы, а царит черствый эгоизм, – никакое всестороннее наблюдение над индивидуальностью ребенка не поможет... Семейное воспитание для родителей есть прежде всего *самовоспитание.* То же самое и относительно любви к труду. Не всякая семья может научить ребенка трудиться. Богатая семья может это лишь в ис-

Репозиторий ВГУ

ключительных случаях. Но даже и бедная семья теперь это не всегда может. Чтобы труд членов семьи действовал на ребенка воспитывающе, надо, чтобы он происходил на глазах ребенка и чтобы ребенок сам принимал в нем участие, а громадному числу трудящихся приходится теперь по условиям производства работать вне дома, и не только отцам, но и матерям. Кроме того, сфера домашнего хозяйства все суживается. Раньше дома и прялась, и ткалась, и изготовлялась вся одежда, варилось мыло, приготовлялись свечи, откармливалась птица, делались запасы. Теперь городское домашнее хозяйство все более сводится к приборке комнат, изготовлению обеда, шитью платьев. Конечно, всему, что требуется для домашнего обихода, надо обучить ребенка, но не только этому. На помощь семье идет трудовая школа, которая вносит переворот во весь школьный уклад. Свободная трудовая школа сближает учителя с детьми и детей между собой, официальные школьные отношения заменяет интимными, дает простор индивидуальности ребенка, будит его творческие силы, освобождает ребенка от гнета исключительной, напряженной любви, от гнета бездушной школьной казенщины... Впрочем, такая школа пока что еще школа моей мечты.

Крупская, Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. /
под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. – М., 1957. –
Т. 1: Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. – С. 209–218.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУХОМЛИНСКИЙ

Мысли о воспитании

Я твердо верю в силу воспитания

Три тысячи семьсот страниц в записных книжках, которые я веду всю свою учительскую жизнь. Каждая страница посвящена одному человеку – моему ученику...

Три тысячи семьсот человеческих судеб... Здесь почти все взрослое население нашего села. Недавно мне захотелось полистать эти страницы... Каждый ребенок был миром – совершенно особым, уникальным.

Для меня было бы самым большим наказанием, если бы подросток прошел через мою жизнь, не оставив следа ни в памяти, ни в сердце. Если он уходит от тебя серым, безликим, – значит, ты не сумел ничего оставить в нем. И вряд ли для учителя может быть что-либо печальнее такого финала. Ибо все, что мы называем воспитанием, есть великое творчество повторения себя в Человеке.

Репозиторий ВГУ

Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: любовь к детям.

Альфой и омегой моей педагогической веры является глубокая вера в то, что человек таков, каково его представление о счастье.

…В человеке, которого мы воспитываем, должны сочетаться нравственная чистота, духовное богатство, физическое совершенство. Мастерство и искусство воспитания заключается в том, чтобы перед глазами воспитателя всегда было яркое представление о сущности этой гармонии. Коммунистический человек – не механическое сложение всех добрых черт и качеств, а сочетание их в гармоническом единстве.

...Чем лучше становится жить, чем больше ценностей бытового характера и духовной культуры предоставляется в распоряжение молодого поколения... тем труднее воспитывать, тем больше возрастает ответственность всех, причастных к воспитанию...

Детство – важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира, – от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш.

Детство – каждодневное открытие мира. Нужно, чтобы это открытие стало, прежде всего, познанием человека и Отечества. Чтобы в детский ум и сердце входила красота настоящего человека, величие и ни с чем несравнимая красота Отечества.

Нет в мире ничего сложнее и богаче человеческой личности. Ее всестороннее развитие, нравственное совершенство – цель коммунистического воспитания. Путь к достижению этой цели так же сложен, как и сам человек.

Обсуждение конкретных жизненных судеб привело нас к проблеме гармонии педагогических воздействий. На мой взгляд, это одна из коренных, основополагающих закономерностей воспитания. Я далек от мысли, что она, эта проблема, решена в практике воспитательной работы нашей школы, но все же для ее решения и исследования сделано много. Сущность этой проблемы... заключается в следующем: педагогический эффект каждого средства воздействия на личность зависит от того, насколько продуманы, целенаправленны, эффективны другие средства воздействия. Сила красоты как воспитательного средства зависит от того, насколько умело раскрывается сила труда как воспитательного средства, насколько глубоко и продуманно осуществляется воспитание разума, чувств. Слово учителя приобретает воспитательную силу лишь тогда, когда действует сила личного примера старших, когда все другие воспитательные средства проникнуты нравственной чистотой и благородством.

Репозиторий ВГУ

Между воспитательными воздействиями существуют десятки, сотни, тысячи зависимостей и обусловленностей. Эффективность воспитания в конечном счете определяется тем, как эти зависимости и обусловленности учитываются, точнее, реализуются в практике.

...Любое воздействие на личность теряет свою силу, если нет сотни других воздействий, любая закономерность превращается в звук пустой, если не реализуются сотни других закономерностей. Педагогическая наука отстает в той мере, в какой она не исследует десятки и сотни зависимостей и взаимообусловленностей воздействий на личность. Она станет точной наукой, подлинной наукой лишь тогда, когда исследует и объяснит тончайшие, сложнейшие зависимости и взаимообусловленности педагогических явлений.

Механическое, бездумное претворение теоретического положения в факт практического опыта приводит к опустошению живой мысли учителя, выхолащивает из педагогического труда то, что составляет его сердцевину, его душу, – неповторимость жизненных явлений, радость обновления, которое приходит к педагогу с каждым новым поколением учеников, необходимость творчества.

Теория остается источником, питающим мастерство учителя, до тех пор, пока она живет в опыте. Живет – значит обогащается, совершенствуется, ибо жизнь шлифует в ней новые грани и отбрасывает устаревшее, отжившее. Пока теория живет в опыте, преломляясь в творческом индивидуальном труде тысяч и тысяч педагогов, она развивается. Есл, на все случаи годное, происходит ее окостенение. Теория становится догмой.

Что такое учебно-воспитательный процесс? В нем три слагаемых: наука, мастерство, искусство... Воспитание в широком смысле – это многогранный процесс постоянного духовного обогащения и обновления – и тех, кто воспитывается, и тех, кто воспитывает, причем этот процесс характерен глубокой индивидуальностью явлений: та или иная педагогическая истина, верная в одном случае, становится нейтральной во втором, абсурдной – в третьем. Такова природа нашего педагогического дела.

Без научного предвидения, без умения закладывать в человеке те зерна, которые взойдут через десятилетия, воспитание прервалось бы в примитивный присмотр, воспитатель – в неграмотную няньку, педагогика – в знахарство. Нужно научно предвидеть – в этом суть культуры педагогического процесса, и чем больше тонкого вдумчивого предвидения, тем меньше неожиданных несчастий.

Воспитывает каждая минута жизни и каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимоходом.

Репозиторий ВГУ

Нельзя сводить духовный мир маленького человека к учению. Если мы будем стремиться к тому, чтобы все силы души ребенка были поглощены уроками, жизнь его станет невыносимой. Он должен быть не только школьником, но прежде всего человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями.

Я глубоко убежден, что наиболее точным определением было бы следующее: процесс воспитания выражается в единстве духовной жизни воспитателя и воспитанников – в единстве их идеалов, стремлений, интересов, мыслей, переживаний.

Десятки, сотни нитей, духовно связывающих учителя и учащегося, – это те тропинки, которые ведут к человеческому сердцу, это важнейшее условие дружбы, товарищества учителя и учащихся. Мы добиваемся, чтобы учителя и учеников объединяла духовная общность, при которой забывается, что педагог – руководитель и наставник.

Если учитель стал другом ребенка, если эта дружба озарена благородным увлечением, порывом к чему-то светлому, разумному, в сердце ребенка никогда не появится зло. И если в школах есть насторожившиеся, ощетинившиеся, недоверчивые, а иногда и злые дети, то лишь потому, что учителя не узнали их, не нашли подхода к ним, не сумели стать их товарищами. Воспитание без дружбы с ребенком, без духовной общности с ним можно сравнить с блужданием в потемках.

Научиться любить детей нельзя ни в каком учебном заведении, ни по каким книгам, эта способность развивается в процессе участия человека в общественной жизни, его взаимоотношений с другими людьми. Но по самой природе своей педагогический труд – повседневное общение с детьми – углубляет любовь к человеку, веру в него. Призвание к педагогической деятельности развивается в школе, в процессе этой деятельности.

...Быть хорошим учителем можно только будучи хорошим воспитателем... Без участия в воспитательной работе вся педагогическая культура, все знания педагога являются мертвым багажом.

Я всегда стремился убедить учителей в том, что, если ты видишь ученика только из-за своего стола в классе, если он идет к тебе только по вызову, если весь его разговор с тобой только ответы на твои вопросы, никакие знания психологии тебе не помогут.

Надо встречаться с ребенком как с другом, единомышленником, пережить вместе с ним радость победы и горечь утраты.

Уже в первые годы педагогической работы мне стало ясно, что подлинная школа – это не только место, где дети приобретают знания и умения. Учение – очень важная, но не единственная сфера духовной жизни ребенка. Чем ближе я присматривался к тому, что все мы привыкли называть учебно-воспитательным процессом, тем больше убеждался, что подлинная школа – это многогранная духовная жизнь

Репозиторий ВГУ

детского коллектива, в которой воспитатель и воспитанник объединены множеством интересов и увлечений.

Учение – это лишь один из лепестков того цветка, который называется воспитанием в широком смысле этого понятия. В воспитании нет главного и второстепенного, как нет главного лепестка среди многих лепестков, создающих красоту цветка. В воспитании все главное – и урок, и развитие разносторонних интересов детей вне урока, и взаимоотношения воспитанников в коллективе.

Каждый из нас должен быть не абстрактным воплощением педагогической мудрости, а живой личностью, которая помогает подростку познать не только мир, но и самого себя. Решающее значение имеет то, каких людей увидит в нас подросток. Мы должны быть для подростков примером богатства духовной жизни; лишь при этом условии мы имеем моральное право воспитывать. Ничто так не удивляет, не увлекает подростков, ничто с такой силой не пробуждает желания стать лучше, как умный, интеллектуально богатый и щедрый человек. В наших воспитанниках дремлют задатки талантливых математиков и физиков, физиологов и историков, биологов и инженеров, мастеров творческого труда в поле и у станков. Эти таланты раскроются только тогда, когда каждый подросток встретит в воспитателе ту «живую воду», без которой задатки засыхают и хиреют. Ум воспитывается умом, совесть – совестью, преданность Родине – действенным служением Родине.

Школа становится очагом духовной жизни, если учителя дают интересные и по содержанию, и по форме уроки... Но замечательные, блестящие уроки есть там, где имеется еще что-то замечательное, кроме уроков, где имеются и успешно применяются самые разнообразные формы развития учащихся вне уроков.

Слово воспитание произносится ежедневно в каждой школе десятки раз. О воспитании все чаще задумываются и говорят в семье, в общественных организациях. Но у всех ли педагогов, а тем более родителей есть ясное представление о том, что такое воспитание и, следовательно, как надо осуществлять воспитание?

Я видел акт обследования работы школы, написанный инспектором районо. В нем было записано: уроки проводятся на «надлежащем уровне», знания у учащихся удовлетворительные, но воспитательная работа поставлена плохо... Часто мать или отец говорят сыну: «Выучили тебя хорошо, да воспитали плохо...».

В том и другом случае мы встречаемся с односторонним взглядом на воспитание как на что-то обособленное от учения, образования. Можно ли согласиться с тем, что воспитание в узком смысле понятия не включает в себя образования и обучения, но включает формирование мировоззрения, нравственного облика, развитие эстетического вкуса, физическое развитие?

Репозиторий ВГУ

Что значит «воспитание в узком смысле понятия»? И разве можно сформировать мировоззрения без обучения и образования? Разве можно воспитывать человеческую душу, не имея в виду того, что человек видит, узнает, познает, осмысливает в процессе образования? С другой стороны, разве мыслимо образование вне воспитания мировоззрения?

В наши дни, когда общеобразовательная школа становится массовой, ни один человек в годы отрочества и юности не должен быть вне влияния школы. Тот, кто по той или иной причине не может учиться в школе до завершения среднего образования, должен воспитываться в школе в годы отрочества и юности – до полной моральной зрелости. Это необходимо и для нашего общества и для школы: когда мы охватим школой всех, кто по самым разнообразным причинам оставил учение, у нас не будет того плохого окружения, которое – как это ни печально – создается при активном участии школы и которого мы так боимся.

...Каким бы содержательным и целенаправленным ни было воспитание школьников, оно не должно заканчиваться вручением аттестата зрелости. Переход от учения к труду – это серьезнейший шаг в жизни юношей и девушек. Именно на первых порах трудовой жизни воспитательная работа с ними приобретает первостепенное значение.

Я твердо верю в могучую силу воспитания – в то, во что верили Н.К. Крупская, А.С. Макаренко и другие выдающиеся педагоги.

Надо понимать движение детского сердца

Нет в мире более гуманных профессий, чем профессии врача и педагога. До последней минуты борется за жизнь человека, никогда он не даст почувствовать больному, что его состояние плохое, даже безнадежное. Это азбучная истина врачебной этики. Мы, учителя, должны развивать, углублять в своих коллективах нашу педагогическую этику, утверждать гуманное начало в воспитании как важнейшую черту педагогической культуры каждого учителя. Это целая область нашего педагогического труда, почти не исследованная и во многих школах забытая, хотя о чуткости, гуманности, заботливости разговоров немало.

Я знаю работу многих школ, многих учителей, и это дает мне право утверждать, что слова о чуткости часто провозглашаются и, не реализуясь на практике, превращаются в демагогию, болтовню. Можно ли говорить о чуткости, когда совершенно нормальный, здоровый ребенок из-за неуспеваемости по одному предмету остается на второй год? Можно ли говорить о чуткости в противоположном случае, когда, махнув рукой, учитель «натягивает» ребенку тройку, лишь бы не оставить на второй год? И в том и в другом случае – полное равноду-

Репозиторий ВГУ

шие к судьбе ребенка. И причина этого равнодушия – в незнании ребенка, в отсутствии прочного психологического фундамента работы педагогического коллектива. Для многих, очень многих людей неуспевающий, отстающий ребенок – это тайна за семью печатями. Без знания души ребенка, ценностей его мышления, восприятия окружающего мира слова о чуткости остаются пустым звуком; без знания души ребенка нет педагогической культуры, научного руководства школой.

Дети живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, человеческом достоинстве; у них свои критерии красоты, у них даже свое измерение времени: в годы детства день кажется годом, а год – вечностью. Имея доступ в сказочный дворец, имя которому – детство, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере ребенком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, на сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира.

Это не сентиментальность, когда ребенок считает, что игрушечный автомобиль с поломанным колесиком страдает от боли так же, как израненный птенец, – это отзывчивость, основа доброты и поэтичности. У ребенка бывают свои – маленькие и большие – тревоги, огорчения, заботы, несчастья. Учитель, обладающий высокой эмоциональной культурой, сразу видит, что у ребенка что-то не в порядке. Это видно, прежде всего, по глазам... Заметив, что у ребенка не все благополучно, чуткий учитель не станет сразу же расспрашивать. Но он найдет способ как-то дать понять, почувствовать ребенку, что он, учитель, догадывается о его сердечной тревоге... А наедине можно и расспросить. Но если педагог убедился, что ребенок нуждается в помощи, остаться в стороне или забыть о ребенке – значит нанести ему новую травму.

Бывает, что у ребенка какая-нибудь пустяковая, с точки зрения взрослого, обида; например, кто-то спрятал его игрушку... Но нельзя забывать, что у детей свои масштабы измерения радостей и горестей, добра и зла. Учитель-гуманист никогда не забывает, что он сам был ребенком. Надо войти в положение ребенка, разделить с ним его горе, помочь ему. Нередко бывает, что самая желанная и дорогая для ребенка помощь – это сочувствие, сострадание, сердечное участие. Равнодушие же, безразличие потрясает ребенка...

...До тех пор, пока ребенка не удалось увлечь детскими радостями, пока в его глазах не пробудился неподдельный восторг, пока мальчик не увлекся детскими шалостями, – я не имею права говорить о каком-то воспитательном влиянии на него. Ребенок должен быть ребенком... Если, слушая сказку, он не переживает борьбу добра и зла, если вместо радостных огоньков восхищения у него в глазах пренеб-

Репозиторий ВГУ

режение, – это значит, что-то в детской душе надломлено, и много сил надо приложить, чтобы выпрямить детскую душу.

Где-то в самом сокровенном уголке сердца у каждого ребенка своя струна, она звучит, на свой лад, и чтобы сердце отозвалось на мое слово, нужно настроиться самому на тон этой струны. Я уже не раз замечал, какие тяжелые переживания рождаются в детском сердце, когда ребенок чем-то встревожен, огорчен, а воспитатель не знает об этом. Сумею ли я знать, чем живет ребенок каждый день, что у него на душе? Буду ли я всегда справедлив с детьми?

Справедливость – это основа доверия ребенка к воспитателю. Но нет какой-то абстрактной справедливости – вне индивидуальности, вне личных интересов, страстей и порывов. Чтобы быть справедливым, надо до тонкости знать духовный мир каждого ребенка. Вот почему дальнейшее воспитание представлялось мне как все более глубокое познание каждого ребенка.

Чем ближе я знакомился с будущими воспитанниками, тем больше убеждался, что одной из важных задач, которые стоят передо мной, является возвращение детства тем, кто в семье лишен его.

...Я знал несколько десятков таких детей. Жизнь утвердила убеждение в том, что если маленькому ребенку не удается возвратить веру в добро и справедливость, он никогда не может почувствовать человека в самом себе, испытать чувство собственного достоинства. В подростковом возрасте такой воспитанник становится озлобленным, для него нет в жизни ничего святого и возвышенного, слово учителя не доходит до глубины его сердца.

Выпрямить душу такого человека – одна из наиболее трудных задач воспитателя; в этом самом тонком, самом кропотливом труде происходит, по существу, главное испытание по человековедению. Быть человековедом – значит не только видеть, чувствовать, как ребенок познает добро и зло, но и защищать нежное детское сердце от зла.

В годы детства каждый человек требует участия, ласки. Если ребенок вырастает в обстановке бессердечности, он становится равнодушным к добру и красоте. Школа не может в полной мере заменить семью и особенно мать, но если ребенок лишен дома ласки, сердечности, заботы, мы, воспитатели, должны быть особенно внимательны к нему.

Встречая детей, я каждый день всматривался в их лица. Печальные глаза ребенка – что может быть более трудное в сложном процессе воспитания. Если в детском сердце горе, ребенок только... присутствует в классе. Он – как туго натянутая струна: притронешься неосторожно – причинишь боль. Каждый ребенок переживает горе по-своему: одного приласкаешь – и ему станет легче, другому ласковое слово причиняет новую боль. Педагогическое мастерство в таких слу-

Репозиторий ВГУ

чаях заключается, прежде всего, в человеческой мудрости: умей щадить больное сердце, не причиняй воспитаннику нового горя, не прикасайся к ранам его души. Потрясенный горем, охваченный смятением ученик, конечно, не может учиться так, как он учился раньше; горе накладывает отпечаток на его мышление. Самое главное для учителя – это, прежде всего, видеть детское горе, печаль, страдания. Видеть и чувствовать детскую душу. В том, как учитель относится к горю ребенка, насколько способен он понимать и чувствовать детскую душу, заключается основа педагогического мастерства.

Надо, прежде всего, понимать движения детского сердца. Этому невозможно научиться с помощью каких-то специальных приемов. Это дается лишь благодаря высокой эмоционально-нравственной культуре педагога. Какими бы истоками ни питалось детское горе, у него всегда есть что-то общее: грустные, печальные глаза, в которых поражает недетская задумчивость, безучастность, тоска, одиночество. Ребенок, переживающий несчастье, не замечает игр и развлечений товарищей; ничто его не может отвлечь от горестных мыслей. Самая тонкая и доброжелательная помощь маленькому человеку – это разделить его горе, не прикасаясь к глубоко личному, сокровенному. Грубое вмешательство может вызвать озлобленность, а советы не унывать, не отчаиваться, держать себя в руках, если за ними нет подлинно человеческого чувства, воспринимаются детьми как неуместная болтливость...

Нет сомнения, что школы-гиганты – это вообще нежелательный организационный путь воспитательной работы. И меня, откровенно говоря, тревожит, когда я вижу, как в печати с одобрением рассказывается об архитектурных проектах новых школ на 2200 учащихся и более. В больших школах, насчитывающих больше тысячи детей, я советовал бы продумать меры, создающие специальные условия для уютной, «семейной» атмосферы, скажем, в каждом коллективе параллельных классов, предотвращающей шум, беготню, толчею. Это элементарная предпосылка педагогической культуры.

Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе, я бы ответил: говорить с ребенком о его отце и матери. Здесь малейшее неумение, оплошность, неточность могут привести к пагубным последствиям.

...Бывают такие обстоятельства, когда перед ребенком как будто бы острое лезвие ножа: он в ужасе, все в нем замирает. Такое чувство переживается в минуту обнажения тех интимных семейных взаимоотношений, которые ребенку хочется прикрыть, спрятать.

Вот почему мне хочется сказать отцам: знайте и помните – дети переживают ваше падение, как свое личное горе, воспринимают вашу радость, как свою. Берегите же детскую любовь к человеку, укрепляйте веру в человека.

Репозиторий ВГУ

Жизненный путь от детства к отрочеству должен быть путем радости, бодрости – это одно из самых важных правил всей системы нашей воспитательной работы. Радость как источник оптимистической уверенности ребенка в своих силах является условием того богатства действительных отношений к окружающему миру, без которого не может быть духовного развития...

Я не могу без сердечной боли думать о том, что во многих школах сидят за партами где-то сзади как отверженные, угрюмые, раздражительные или же равнодушные ко всему отстающие второгодники. Нельзя допускать, чтобы они ушли из школы ожесточившимися или равнодушными к знаниям! Если нормальный человек ни в одном предмете не достиг успехов, если у него нет любимого предмета, значит, школа не настоящая.

Глубоко ошибаются те, кто видит гуманность в ровном, сдержанном тоне учителя, подкрашивающего при этом свои поучения сиропом доброты. Доброта – это не тон и не специально подобранные слова. Подлинный воспитатель – всегда человек широкого эмоционального диапазона, он глубоко переживает и радость, и огорчение, и тревогу, и возмущение. Если дети чувствуют в этих человеческих страстях своего наставника правдивость, это и есть настоящая доброта.

Подлинный воспитатель редко говорит своим питомцам: будьте хорошими. Доброту его души воспитанники чувствуют в глубокой правдивости и искренности. Подлинная доброта – это правдивость. Она далеко не всегда бывает приятной. Часто правда бывает горькой, тревожной, в ней – огорчение и обида. Но самая горькая правда утверждает в душе ребенка стремление быть хорошим, потому что доброта – а правдивость это и есть подлинная доброта – по самой своей природе никогда не унижает человеческого достоинства.

Великий русский педагог К. Ушинский писал, что мы можем сильно любить человека, с которым постоянно живем, и не ощущать этой любви, пока какое-нибудь несчастье не покажет нам всю глубину нашей привязанности. Человек может прожить всю жизнь и не знать, как сильно он любил свое отечество, если случай, например долговременное отсутствие, не обнаружит для него самого всю силу этой любви. Я вспоминаю эти слова каждый раз, когда длительное время не вижу детей, не чувствую их радостей и огорчений. С каждым годом у меня все больше крепло убеждение: одна из определяющих черт педагогической культуры – это чувство привязанности к детям. Но если чувству, по словам К. Станиславского, «приказывать нельзя», то воспитание чувств учителя, воспитателя является самой сущностью высокой педагогической культуры.

Репозиторий ВГУ

Побуждение к труду души

Представьте себе, что музыкант взял в руки ненастроенную скрипку и стал играть... Ясно, что ничего у него не получится (да и не станет даже пробовать играть мало-мальски грамотный музыкант на ненастроенном инструменте). В школах же происходит странное явление: многие учителя пытаются воспитывать невоспитываемых. Воспитание же заключается, прежде всего, в том, чтобы вырабатывать, оттачивать у человека способность быть воспитываемым. Способность же быть воспитываемым – это чуткость души, чуткость сердца воспитанника к тончайшему оттенку слова воспитателя, к его взгляду, к жесту, к улыбке, к задумчивости и молчаливости...

Гуманное отношение к ребенку означает понимание учителем той простой и мудрой истины, что без внутренних духовных усилий ребенка, без его желания быть хорошим немыслима школа, немыслимо воспитание. Настоящий мастер педагогического дела и понукает, и заставляет, и принуждает, но все это делает так, что в детском сердце никогда не угасает этот драгоценный огонек: собственное желание быть хорошим... Подлинный мастер, даже упрекая, выражая недовольство ребенком, изливая свой гнев (учитель также имеет право быть гневным, как и любой эмоционально культурный, воспитанный человек), – даже в гневе всегда помнит: только бы не погасить у ребенка эту мысль о недостигнутой цели, о желанности достижения цели.

Я понимаю мастерство воспитания так, что каждое прикосновение воспитателя к своему питомцу является, в конечном счете, побуждением к труду души. Чем тоньше и нежнее оно, это побуждение, тем больше силы, исходящие из глубин души, тем в большей мере становится маленький человек воспитателем самого себя.

Каждому вдумчивому педагогу известно, как сильно уязвляется самолюбие ученика, даже первоклассника, если он убеждается, что о нем думают хуже, чем он есть. И наоборот, если ребенок понял и почувствовал, что воспитатель и коллектив замечают и одобряют его личные достоинства, он прилагает усилия к тому, чтобы стать еще лучше. В этом детском стремлении, в этих нравственных усилиях и заключается, по существу, весь секрет педагогического мастерства. Никакой воспитатель не может утвердить в душе ребенка хорошее, если сам ребенок не стремится к этому. Но это стремление есть только там, где коллектив и воспитатель видят в ребенке, прежде всего, хорошее.

Самый характер, социальные основы нашего общества требуют, чтобы главной связующей нитью воспитателя и воспитанника были искренние желания воспитанника стать лучше и желание педагога видеть воспитанника лучшим, чем он есть сейчас.

...Причина бессилия воспитателя и даже коллектива перед трудным ребенком кроется не в том, что этот воспитанник неисправим, а в

Репозиторий ВГУ

том, что самый процесс воспитания идет по ложному пути: воспитатель стремится только искоренять пороки, в лучшем случае предотвращает их возникновение. Опыт (во многих случаях горький опыт) убедил, что таким путем нельзя воспитать стойких нравственных убеждений... С первого дня пребывания в школе надо уметь увидеть и неустанно укреплять, развивать в ребенке все лучшее.

...Путь к сердцу ребенка пролегает не через чистую, ровную тропинку, на которой заботливая рука педагога только то и делает, что искореняет сорняки – пороки, а через тучное поле, на котором развиваются ростки моральных достоинств... Пороки искореняются сами по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств.

Я горжусь своим педагогическим кредо: моими любимыми воспитанниками являются не послушные и безропотные, готовые со всем соглашаться и во всем повиноваться, а своенравные, волевые, беспокойные, иногда проказники и шалуны, но бунтари против зла и неправды, готовые отдать голову на отсечение, но отстаивать принципы, которые стали неотделимыми от их личности. Как бережно хранить, как заботливо лелеять надо в человеке эти порой незаметные с первого взгляда ростки – ростки души, готовой к мужественному и бескомпромиссному труду, к борьбе за правду, благородство.

Юношескую непосредственность, задор, огонек надо заботливо хранить и лелеять. Это требует от воспитателя исключительного внимания и такта по отношению к ошибкам, опрометчивым шагам и решениям, вытекающим из эмоциональной насыщенности мыслей молодых людей. Эти ошибки никогда не могут касаться главного, принципиального, самого дорогого. Они, как правило, относятся к частностям, их нельзя преувеличивать... Огонь юношеской непримиримости к недостаткам, и особенно аморальным явлениям, нельзя подавлять, гасить.

Чтобы стать настоящим человеком, ученик должен прежде всего уважать самого себя, без этого уважения, без любви к красоте в самом себе немыслима человеческая культура, немыслима и нетерпимость ко всему, что унижает человека. Да, не надо бояться слов «любовь к самому себе» – это не самолюбование, а гордость, чистая вера в доброе начало в самом себе. Литература и должна пробуждать достоинство в человеке, интерес и уважение ко всему внутреннему, человеческому и в другом, и в себе.

Без самоуважения нет нравственной чистоты и духовного богатства личности. Уважение к самому себе, чувство чести, гордости, достоинства – это камень, на котором оттачивается тонкость чувств... Но чтобы воспитать в формирующемся человеке самоуважение, вос-

Репозиторий ВГУ

питатель сам должен глубоко уважать человеческую личность в своем питомце.

Есть учителя, которые стремятся устранять недостатки воспитанников прямым и, казалось бы, самым надежным путем: выставляют наружу детские слабости в надежде на то, что ребенок критически оценит свое поведение, «опомнится», будет стремиться стать хорошим. Но в подавляющем большинстве случаев это воздействие оказывается самым неудачным. Дело в том, что такой путь к детскому сердцу как бы обнажает, уязвляет его самые больные, самые чувствительные места: самолюбие, чувство личного достоинства, человеческую гордость. И естественно, что ребенок начинает защищаться. Особенно когда он убежден, что его горе приносит радость воспитателю.

А иногда, не чувствуя уважения со стороны взрослого человека и не умея доказать свое нравственное достоинство, ребенок ищет, чем бы напомнить о себе. И часто напоминает предосудительным поведением. Желание быть первым в учении, в творческом труде – это благородная человеческая черта, которую воспитателю необходимо всячески развивать у питомцев.

Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы каждый воспитанник на определенном этапе своего духовного развития пережил ни с чем не сравнимую радость первенства.

Каждому нужна моральная поддержка, а особенно тем, кто в силу самых разнообразных обстоятельств чувствует себя посредственностью. В школе не будет ни одной посредственности, а значит, в жизни не будет ни одного несчастливого человека, если мудрость воспитателя «докопается» до «творческой жилки» в каждом воспитаннике и если его умело сказанное слово побудит к соревнованию творческих способностей.

Мы щадили самолюбие подростков тем, что избегали сравнения: вы учитесь хорошо, а вы – плохо. Оценка умственного труда людей, которые имеют разные способности, требует большого такта. Наша оценка знаний основывалась на желании каждого подростка стать лучше, на доверии к нам, педагогам, и на вере в нас.

Моральные силы для преодоления своих слабых сторон (в том числе и неуспеваемости по тому или другому предмету) ребенок черпает в своих успехах, и как раз в той деятельности, в которой он может лучше всего проявить себя, раскрыть все свои духовные силы. Свою задачу воспитателей мы усматриваем, прежде всего, в том, чтобы заметить в каждом воспитаннике все наилучшее, развивать его, не ограничивать это наилучшее рамками школьной программы, поощрять самостоятельную работу – творчество.

Нельзя никогда ставить воспитаннику в упрек его возраст, физическую силу, как это, к сожалению, иногда делают некоторые педаго-

Репозиторий ВГУ

ги («Ты уже большой, здоровый, выше матери и сильнее ее – почему же ты плохо учишься?» и т.п.).

Учащийся сам прекрасно осознает свои силы и возможности, и оттенок укоризны в характеристике этой стороны его личности часто угнетает его.

Надо идти по другому пути: пробуждать у питомцев чувство гордости своими силами, а если у них встретились какие-нибудь затруднения, например в учении, подбодрить их, вселить уверенность в возможности преодоления трудностей. Проявлением уважения духовных и физических сил юношей и девушек, признанием их зрелости является, в частности, переход воспитателя в обращении к ним с «ты» на «вы».

...Следует иметь в виду некоторые подводные камни самой логики педагогического процесса: обучение проникнуто постоянной, повседневной проверкой (контролем), ежечасным сравнением успехов одного ученика с успехами другого. За всем этим таится опасность разочарования, неуверенности в своих силах, замкнутости, равнодушия, озлобления, то есть таких душевных сдвигов, которые приводят к огрублению души, утрате чуткости к... слову и красоте. Бывает, воспитатель удивляется: почему подросток в ответ на доброе слово грубит, почему он не понимает ласки? Да потому, что душу его огрубили, «закалили» недоверием, подозрительностью, ежедневными уколами в самое чувствительное место человеческой души – самолюбие. Видишь, мол, твой товарищ отвечает на пятерку, а ты троечник. Как же тебе не стыдно, да и есть ли у тебя хоть капля самолюбия? Слов этих может и не быть, но подтекст часто бывает именно таким. Постоянная апелляция к самолюбию приводит к одеревенению, пригашению самолюбия; сердце подростка словно бы покрывается льдом. Пытаться проникнуть в его сердце добрым словом – все одно, что отогреть теплыми ладонями толстую льдину: она не отогреется, ее нужно растопить.

Как же обойти эти подводные камни воспитания? Мы всегда боялись дать почувствовать подростку, что не верим в него. Потому что, как только он это почувствует, научится виртуозно обманывать воспитателя и родителей, достигнет в этом деле утонченности. Неверие в человека словно парализует душу подростка, не оставляет в ней места для самостоятельных решений, напряжения волевых усилий для преодоления трудностей, – он привыкает все делать из-под кнута. Мы полагались на внутренние духовные силы человека: не стояли у него над душой, не держали его за руку, а предоставляли ему свободу выбора, и он выбирал как раз то, что мы от него ждали: напрягал волевые усилия, преодолевал трудности, переживая при этом уважение к самому себе.

Мы договорились (и никогда не нарушали этой договоренности): если подросток не выполнил задания потому, что чего-то не понял, не ошеломлять его сразу оценкой. Мы вообще не ставили неудовлетво-

Репозиторий ВГУ

рительных оценок. «Если вы еще не поняли, поработайте, подумайте, выполните самостоятельно то, что нужно было выполнить вместе с классом» – такими были смысл и тон обращения. За доверие подростки платили нам искренностью и трудолюбием. Эти отношения были бы недостижимой мечтой, если бы весь дух школьной жизни не воспитывал у подростков чувства собственного достоинства и уважения к самому себе. Подчеркиваю, что на одних только уроках таких взаимоотношений достичь невозможно...

Все показное воспитывает в человеке лицемера. Но есть и более тонкое, завуалированное проявление этого зла – нарочитая преднамеренность, искусственность воспитательной ситуации. Это бывает тогда, когда маленький человек чувствует: педагог говорит со мной не потому, что ему интересно со мной говорить, а потому, что ему надо выполнить свой воспитательный прием, поставить «галочку». Эту искусственную ситуацию особенно безошибочно распознают подростки. Они не терпят такого воспитания.

Это одна из самых больших бед многих наших школ. Я бы назвал эту беду «ослиными ушами» воспитательного замысла. Торчат эти злосчастные уши, как их ни стараются прикрывать красивой прической «воспитательного мероприятия». А уж раз подросток чувствует нарочитость того, что ему говорят, раз он понял, что вы специально говорите с ним, чтобы его воспитывать, – душа его, образно говоря, застегивается на все пуговицы, замыкается.

Как известно, педагогический эффект любого воспитательного явления тем выше, чем менее ребенок чувствует в нем замысел педагога. Эту закономерность мы считаем средоточием педагогического мастерства, основой умения найти путь к сердцу ребенка, подойти к нему так, чтобы любое дело, в которое он вовлекается, становилось для него потребностью, страстью, мечтой, а воспитатель – его товарищем, другом, единомышленником.

Сухомлинский, В.А. О воспитании. – М., 1988. – С. 11–33.

3.2. Вопросы социальной педагогики в изданиях периодической печати

Л. АВЕРБАХ

Школа и среда

В центре педагогической дискуссии стоял вопрос о соотношении воспитательной роли школы и среды. Товарищ Крупская так формулировала его: «Учесть, что теперешний общественный уклад, наш советский строй качественно отличается от строя буржуазного или

Репозиторий ВГУ

строя феодального, и надо это качественное различие достаточно отразить в нашей педагогике. Педагогика в феодальном строе имела один удельный вес, в капиталистическом строе – другой, а у нас, в советской стране, она имеет опять-таки другое значение; наше влияние на ребят – определенное планомерное влияние совершенно иначе увязывается с влиянием всего общественного уклада, чем это было раньше».

Требование совершенно иной увязки школьного воспитания с влиянием всего общественного уклада и есть требование ликвидации всякой «восстановительской» установки, установки на поправке к старой школе, установки Калашникова, например.

В самой постановке вопроса у тов. Крупской заключено требование новой школы, нашей школы, школы не только «в организационном смысле» противостоящей школе капиталистической.

Дело, конечно, не сводится только к учету влияния среды, даже если помнить, что только мы и можем опереться на социальную среду, окружающую нашего учащегося, ибо мы не замазываем классовую борьбу, идущую в социальной среде, а именно на эту классовую борьбу и опираемся, ибо мы трезво учитываем, где мы встречаем сочувствие и где – классовое противодействие. Задача заключается в отыскании специфичности сочетания работы школы с «внешколой», со средой, ибо правы те, которые напоминают, что и буржуазия сейчас уделяет чрезвычайно большое внимание «педагогике среды».

Именно в одном из сборников Института методов школьной работы, где печатаются обострившие дискуссию статьи тт. Шульгина и Крупениной, помещен интересный реферат о книге Ген. Каутца «13 тени фабричных труб». Это – реакционная и черносотенная работа. Но автор ее – наблюдательный и относительно дальновидный человек. Он указывает на то, что дети рабочих, несмотря на все усилия школы, революционизируются окружающей их средой. Анализируя роль фабрики, профсоюзов, партии, быта и т.д., Каутц требует принятия соответствующих контрмер по отношению ко всякому фактору, воздействующему на учащегося вне школы. Он пишет: «Чтобы проникнуть в психологию юношества, необходимо в такой же мере знание индустриально-педагогических влияний со всеми особенностями, свойственными нашей эпохе (эпохе войны и революции), как для глубокого понимания литературного произведения необходимо знание условий его возникновения». В нашей педагогической литературе имеются изложения еще ряда других подобных заграничных изданий. Но буржуазия может только ставить задачу сочетания работы школы с влиянием среды, ибо задача эта исторически неразрешима для нее по отношению к детям трудящихся, у которых – в эпоху войн и револю-

Репозиторий ВГУ

ции – в большинстве и в конечном счете все-таки должно победить и победит влияние среды, а не школы, борющейся со средой. При этом отнюдь не следует забывать о чрезвычайной силе школы и всей системы духовного влияния буржуазии на рабочий класс, об успехах буржуазии в деле прямого развращения одних слоев рабочих или угнетения и забитости других…

То, что буржуазия осознала или осознает необходимость «увязки» школы с жизнью, подчеркивает особенную актуальность этой задачи у нас. В период революции ребенок растет быстрее, окружающее его живет все интенсивнее и интенсивнее, поэтому естественно увеличение влияния среды, «неорганизованного» воспитательного процесса.

Тот же тов. Калашников писал однажды, что «революционное содержание школы и ее теоретические программы находятся в известном противоречии с тем практическим опытом, который выносят учащиеся “из своего социально-бытового окружения”»… Все учащиеся! Одно и то же социально-бытовое окружение!...

Мы основываемся на том, что не только в основном, – в конечном счете, с большими боями и колебаниями, опять-таки – среда трудящихся воздействует на их детей в том же революционном духе, что и школа, – но что школа условиями всего социально-бытового окружения оказывается способной, несмотря на противодействие той или иной среды, перевоспитывать, хотя и в весьма разной мере глубоко, всех детей, учащихся в школе.

Разный учет соотношения школы со средой неизбежно должен вести к различной оценке роли детского коммунистического движения, например, к различной оценке всех педагогических вопросов и задач, встающих в связи с перестройкой школы.

Мы не заинтересованы, конечно, ни в каком отказе от школы (такие тенденции действительно имеются), ни в каком игнорировании роли учителя, ни в каком-либо невнимании к возрастным особенностям детей и подростков, ни в каком-либо зачеркивании особых задач педагогики. Но мы нуждаемся в том, чтобы была поставлена задача разработки марксистской пролетарской педагогики, чтобы в школьном строительстве действительно побеждал курс на культурную революцию, чтобы школа развивалась на основе специфического сочетания со средой…

Спорные проблемы марксистской педагогики. – М., 1930. – С. 128–131.

Репозиторий ВГУ

И.В. РОЗАНОВ

Социальная работа клуба молодежи

1. Рабочая молодежь в районе

По-новому живет сейчас передовая часть молодежи. Молодежь строит для себя целый ряд новых просветительных учреждений в невиданных прежде формах в идет многими дорогами к строительству новой культуры, еще неведомой старшему поколению. Отчасти этот контакт осуществляется в настоящее время сотрудничеством нашего отдела с детским отделом Госиздата. Мы приближаемся к такому положению, что каждая фабрично-заводская ячейка и каждый завод делается очагом культуры, и хотя никоим образом нельзя думать, что мы достигли в этом отношении таких выдающихся результатов, которые заставляют об этом кричать, но что верно, то верно. Положено начало нового дела. Те самые ребята, которые 10 лет тому назад гоняли по улицам футбольный мяч, сделанный из рваных тряпок, играли в бабки, те самые ребята, которые, дойдя до 14 лет, отправлялись «бабке», чтоб «выпить», – эти самые городские ребята теперь – инициаторы нового. Они живут новой жизнью, интенсивной и богатой по сравнению с той тусклой обывательщиной, в которую была загнана городская рабочая слобода до 17 года. Прежде наиболее активные подростки из молодежи попадали в сети тайных кабаков, искали выхода своим силам в «стенке», и только немногие – «верхушка» – уходили в подпольную политическую работу или выбивались к учебе. Теперь мы имеем массовое вовлечение рабочих подростков в строительство новой жизни. Теперь мы имеем обилие деятельностей, в которых может вылиться активность, общественность, инициатива и лучшие стороны подростка. Та самая фабрика, которой чурались, едва кончив работу, делается новым центром жизни, ибо здесь молодежь может проявить себя. Молодежь может рассказать о себе и своей деятельности в области искания форм самообразования и просветительной работы, и в работе молодежи и есть нечто, вызывающее уважение к ней.

За отправной факт в этом случае мы могли бы взять картину жизни рабочей молодежи на заводе. Вот черты завода.

Подростки говорят на заводе о политике, о заводской жизни, о хозяйстве вообще и о строительстве заводского хозяйства, говорят о новом быте и личной жизни своих товарищей, – говорят по-новому, – везде вкладывая громадную заботу и свой, правда небольшой, но все же опыт работы на производстве. И когда прислушаешься к этим разговорам, новые ноты в разговорах поражают.

Рабочая молодежь не мирится с пассивным отношением к жизни; на фабричных собраниях молодежь оказывается наиболее активной

Репозиторий ВГУ

группой, стремящейся принять участие в строительстве жизни, – и это есть отправной факт. Таким образом, и представители молодежи возбуждают к себе уважение и выбираются в завком, в культотдел фабрики, в контрольные комиссии, попадают представителями в районные советы, – и начинается чрезвычайно разнообразная деятельность групп молодежи, привлеченных к строительству.

Передовая молодежь – часто целой группой – борется за открытие курсов для поднятия квалификации, за улучшение санитарных условий, ставит себе вопросы, связанные с поднятием производительности завода, участвует в контрольных комиссиях и борется против воровства, против пьянства среди молодежи, против уродливостей в быту и в семье.

Мы можем наблюдать, как постепенно работа над средой делается глубже и многостороннее... И это движение так сильно, так своеобразно и так нужно, что педагог не может пройти мимо этой стороны жизни молодежи. Напротив того – присмотреться поближе, учесть достижения, поставить вопросы, поставить себе главный и основной вопрос всей своей деятельности: как поддержать своим опытом это движение, как помочь ему вылиться в более широкие формы, как сочетать внешкольную деятельность молодежи с ежедневной деятельностью школы – вот задача каждого из новых учителей. Работу молодежи над собой, работу над средой можно наблюдать в клубе.

2. Клубист, стремись быть достойным представителем рабочего класса

Практика московских клубов выработала несколько организационных приемов, которые позволяют дело клуба строить более уверенно.

Дело не в больших деньгах, не в роскошном дворце, не в благоустроенной квартире или комнате для клуба: наконец, не в материальном оборудовании; не с этого начинать.

Теперь подросткам могут отвести часто только полуразрушенное здание или пару ободранных комнат – другого нет. Но нельзя думать, что поэтому нельзя сорганизовать нового дела. Напротив того, полуразрушенная комната заставляет действовать. В этом, с одной стороны, большое испытание для клубистов, а с другой стороны, и необходимое первое дело, ясное и понятное ребятам, которое их может сплотить.

Мы видели, как в разных районах подростки получали здания, достаточно оборудованные, и часто бывало, что эти здания засорялись, а оборудование портилось. Но мы также видели, что рабочая молодежь, парни и девушки с фабрик, приходя в клуб после рабочего дня, могут очень заботливо относиться к помещению, могут не только поддерживать его в порядке, но еще и украшать. Особенно резко поражает это обстоятельство в том случае, если клуб начинается с устройства разрушенной комнаты.

Репозиторий ВГУ

Так, мы видели клубы Замоскворецкого района, Красно-Пресненского, Рогожско-Симоновского, и во всех этих клубах состояние помещения теперь много выше, чем год тому назад.

Борьба с разрухой, участие в строительстве есть основное дело рабочей молодежи. И это, прежде всего, должно быть видно в клубах. Поэтому Красно-Пресненский клуб поступил так.

Надо было убрать двор клуба, сделать площадку для игр, обнести клуб забором. Как это сделать? Рабочих пригласить? Нет, мы – клубисты, мы сами – рабочие, мы гордимся этим, и наш клуб должен быть образцом таких мест, где сходятся рабочие для строительства нового быта. Построим забор сами, мусор уберем сами и обнесем наш клуб забором сами. Да мало того, все надо делать по «НОТ'у». Поэтому, давайте сделаем нашу работу по «НОТ'у».

И мы получаем веселую картину работы молодежи. Подростки – юноши и девушки – собираются в воскресный день, забирают лопаты, гвозди, молотки: стучат, таскают землю, выгребают мусор... и при этом бодры, веселы. Социальное значение такого труда огромно. И мы, педагоги, оценим по достоинству этот порыв молодежи к строительству.

Но не следует думать, что такими порывами ограничивается дело. В сущности, каждому педагогу необходимо ознакомиться с клубами рабочих подростков для того, чтобы на себе пережить увлекательность и мощность работы, предпринимаемой подростками по собственному почину. Общественно-организованная работа подростков может быть длительной, и даже длительная, тяжелая физическая работа может быть предпринята подростками для тех же целей.

В Рогожско-Симоновском клубе, например, решено устроить место для летних времяпровождений клубистов – для игры, для собраний, для спектаклей, для отдыха. Нужен парк. Но где его достать? Решено использовать пустырь, старинный заброшенный, пустующий сад и организовать в нем рабочий парк.

Для того чтобы сообразить размеры работы, я хочу привести некоторые факты. Молодежь устроила там парники: посеяно и выращено ок. 10.000 цветущих растений. В саду построена сцена, проведено электричество, площадь сада спланирована, разбиты дорожки, устроены цветники. Чистота в саду поддерживается с большой заботой – это вы видите сразу, как только входите в сад. А чтобы привести все это дело, потребовалась работа в течение больше месяца. И на рабочих «субботниках» (устраиваемых почти каждый день) участвовало в среднем по 120 ребят.

Мы, вероятно, еще больше оценим этот труд, имея в виду, что подростки приходят в клуб лишь после работы, дальше – приняв во

Репозиторий ВГУ

внимание, что подростки плохо умеют работать. Работа продолжалась ежедневно часа по 2–3. При этих условиях работа, произведенная подростками, оказывается громадной. И снова спросишь себя: что же движет этой работой?

Клуб подходит к рабочему парню только с одним требованием: «Клубист, стремись быть достойным представителем рабочего класса!». И это требование организует поступки подростка.

Яркая позиция, какую дает основной тон подхода, позволяет очень определенно развертывать деятельность клуба.

Можно начать с разрушенного состояния, но постепенно подниматься все выше. Можно начать с небольшого дела, но непрерывно его развивать.

Призыв к строительству звучит в каждом подростке. Ясна цель этой работы подросткам, порыв к строительству и участию в нем – не праздная выдумка – и со всем пылом молодости молодежь вкладывает всю себя в дело, необходимость которого осознана.

3. Метод клуба – развертывание образовательных запросов молодежи

Теперь, на 8-м году советской власти, привычка жить общественной жизнью помогает выбору деятельности подростками. Можно сказать, что каждый день десятки тем, нужных молодежи, как хлеб и воздух, носятся в воздухе… Вот первый случай организовать массу подростков вокруг клуба и выявить интересы подростков, дать им лекцию, после лекции завязываются беседы; беседы переходят на новые вопросы... Поэтому после первой же лекции руководитель собирает материал для ответа себе, вопрос о дальнейшей лекции и дальнейшей работе. Поэтому надо уметь учитывать результаты каждого дня, чтобы нащупать правильную линию клуба. Поэтому лекции в клубе рабочей молодежи – это совсем необычные лекции. Здесь совместно работают и лектор, и руководитель. Задача лектора не только увлечь содержанием и мастерством своего изложения. Его задача глубже. Пользуясь лекциями и временем лекции, как таким временем, когда особенно возбуждена умственная деятельность подростка, лектор должен суметь дать ответ на его запросы. Он должен уметь ответить подростку и на те вопросы, которые возникают попутно с лекцией. И, может быть, эта-то сторона оказывается наиболее важной для подростка, пришедшего на лекцию в первый раз. Подростку еще негде высказаться о мучающих его сомнениях, и он жадно набрасывается на лектора за разделениями. Это – момент большого удовлетворения для лектора. Это значит, что его лекция зацепила аудиторию.

Руководитель клуба еще углубляет задачу лекции. Ни одна лекция не должна выражать незаконченной, случайной работы.

Репозиторий ВГУ

Каждая лекция должна организовывать запросы ребят вокруг дальнейшего изучения предмета. И лекция, действительно, может быть сильна с этой точки зрения. Поэтому, если после лекции несколько ребят просят о продолжении лекции на ту же тему, если замечается интерес к сходным темам, развитию и продолжению этой темы, руководитель выливает дальнейшую работу по лекции в форме кружка…

4. Записки как материал для изучения запросов подростков

…Из записок вы можете судить, прежде всего, о глубоком внимании аудитории. Здесь нет ни одного вопроса, который говорил бы о несерьезном настроении автора записки. Вопросы заставляют вас немедленно прочесть вторую лекцию, которая ответит на серьезнейшие вопросы юношеского возраста. В этих записках вы чувствуете возможность опоры на дальнейшую работу. Прибавьте сюда, что на лекциях приходится видеть до 400–500 человек, и лекция может продолжаться 2–3 часа при внимании аудитории. (Должен оговориться. Тот, кто устал, может немедля выходить из аудитории. Проверяя себя, я несколько раз в разных аудиториях пересчитывал количество слушателей в начале и в конце лекции. Почти всегда при конце ее слушателей больше, чем при начале, и в аудитории негде не только сесть, но и стать).

Еще внимательнее надо отнестись к той стороне, что подростки несут сюда все свои сомнения, желая разобраться во всех тех предрассудках, темных слухах, с которыми они встречаются вблизи. Клуб, отвечая и разъясняя эти вопросы, делает в сущности громадную просветительную работу…

«Разве подобает членам союза курить и не только мужчинам, и в особенности барышням?»

«Почему комсомолки-барышни приучаются курить?»

«Советую всем девочкам кончить курить».

«Писали, что некурящий комсомолец – пример, а комсомольцы все-таки курят».

Во всех этих вопросах вы чувствуете напряженный интерес к быту. Вы вызвали интерес подростка к обдумыванию собственной жизни. Это делает клуб, и самая постановка этих вопросов говорит о дальнейших возможностях...

5. Клуб, как социальная лаборатория

Вы чувствуете здесь громадную работу, основанную на развивающемся общественном мнении. Вы чувствуете серьезность этих вопросов, а если клуб вызывает подобные вопросы на поверхность сознания – это уже есть большое достижение. Если же клуб не только ставит эти вопросы, но и помогает разрешать их, клуб помогает перевоспитанию, совершая подлинную социальную работу. Молодежь

Репозиторий ВГУ

приходит в клуб от станка. Клуб заменяет и школу и часто заменяет семью. Клуб – коллективный товарищ рабочего подростка, который по-своему, своими средствами и своими методами зовет его к новой жизни.

Подведем итог сказанному.

1. В клубе завязываются новые связи между подростками с разных заводов. В клубе создается атмосфера для общения, но общения на серьезном материале. Клуб следит за тем, чтобы каждый клубист равнялся на передового рабочего подростка.

2. Клуб оформляет запросы молодежи, помогает их выявлению, стремится удовлетворить их, организуя разные формы самообразовательной работы.

3. Клуб работает над новым бытом, пропуская через обсуждение общих собраний, кружков и ячеек вопросы поведения подростков.

4. Клуб привлекает подростков к общественной работе в своем районе, возле своего завода, возле своих товарищей.

5. Учитывая работу каждого кружка и каждого подростка в нем, учитывая всю деятельность подростка в клубе в целом, обсуждая на собраниях отчеты о деятельности ячеек клуба, клуб тем самым способствует повышению чувства ответственности за свои поступки и ответственности общественной.

Таким образом, клуб каждой из своих сторон борется за повышение культуры, борется на месте, в самой гуще жизни.

Не согласимся ли мы с тем, что клуб действительно может быть кузницей нового быта? Мы согласимся и с тем, что клуб может перевоспитать рабочую молодежь.

Мы, пожалуй, назовем клуб социальной лабораторией (повторяя выражение Г. Черкезова), которая помогает перерабатывать ребят: лабораторией, которая вместе с рабфаками, вузами, школами разных типов работает над выявлением кадра новой рабочей интеллигенции.

На путях к новой школе. – 1924. – № 10–12. – С. 70–77.

Репозиторий ВГУ

Учебное издание

ОРЛОВА Анна Петровна
АНДРУЩЕНКО Наталья Юрьевна

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Корректор *А.Н. Фенченко*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать .2017. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,62. Уч.-изд. л. 16,39. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Репозиторий ВГУ